Мария-Луиза Фон Франц
Психотерапия

Аннотация

Эту книгу, без сомнения, ждали все, кто занимается практикой юнгианского анализа как психотерапевт или как клиент. Полезна она будет и тем, кто хочет разобраться в особенностях юнгианского анализа и его практических, терапевтических аспектах. Феномены переноса, проблема наркомании, специфика корректных интерпретаций и другие вопросы рассматриваются Марией-Луизой фон Франц точно, четко и на самых разных уровнях.

Перевод: castalia.ru

Мария-Луиза фон Франц
Психотерапия

Глава 1. Активное воображение в психологии Карла Густава Юнга

Моя задача здесь состоит в том, чтобы дать представление об «активном воображении» в психологии К. Г. Юнга. Как известно, это особый диалектический способ прийти к соглашению с бессознательным. Юнг начал открывать его примерно в 1916 году при работе с самим собой[1]. Впервые он подробно описал его в 1929 году в предисловии к книге Ричарда Вильгельма «Тайна золотого цветка» и в 1933 году в «Отношениях между Эго и бессознательным»[2]. Он обнаружил, что его благоприятное воздействие происходит вследствие попытки объективировать содержания бессознательного в бодрствующем состоянии и сознательно установить с ними отношения. Это может быть сделано через рисование или лепку — или, гораздо реже, через танец — однако преимущественно за счёт описания внутренне наблюдаемых явлений. Беседы с внутренними фигурами играют здесь особенно важную роль.

Если сравнить эти письменные отчёты о внутренних событиях и разговоры с воображаемыми фигурами, можно увидеть, что участие сознания часто придаёт значительно более последовательный, более концентрированный и часто также более драматический характер одним и тем же содержаниям. В отличие от снов, которые представляют собой чистый продукт бессознательного, активное воображение даёт выражение психическому фактору, который Юнг назвал трансцендентной функцией. (Это та функция, которая осуществляет синтез сознательной и бессознательной личности.) Таким образом, активное воображение приводит к чему-то вроде усиленного и (по сравнению только с анализом снов) ускоренного развития личности.

Прежде чем перейти к более подробному описанию общих аспектов этой темы, я бы хотела дать несколько практических разъяснений.

Люди, которые не практикуют активное воображение или не практикуют его под наблюдением понимающего учителя, могут легко спутать его с так называемым пассивным воображением, другими словами, с тем «внутренним кино», которое практически каждый с любой способностью к фантазии может вызвать перед своим внутренним взором в расслабленном состоянии, например, непосредственно перед засыпанием. Но также и внутренний диалог с комплексом или аффектом или разновидность внутреннего диалога в рамках воображаемой ситуации, который мы часто невольно ведём с самими собой, ни в коем случае не стоит путать с активным воображением. В упомянутых формах воображения участник где-то в глубине души всё время «знает», что всё это — «только» фантазия. Если бы он этого не знал, то мы должны были бы рассматривать его как находящегося в очень сомнительном состоянии. Но активное воображение, которое Юнг также с долей скептицизма называл «скрытым психозом»[3], отличается от этих форм фантазирования тем, что человек полностью сознательно входит в событие.

Позвольте мне продемонстрировать это на примере. Анализанд подробно излагала Юнгу свою фантазию, которую она начала следующими словами: «Я была на пляже у моря, и в моём направлении шёл лев. Он превратился в корабль и вышел в море —», и Юнг прервал её: «Ерунда. Когда к Вам идёт лев, Вы реагируете. Вы не можете просто ждать и

---

[1] См. К.Г. Юнг, «Трансцендентная функция».

[2] Удивительно, что д-р Wolfgang Kretschmer в своём эссе “Die meditativen Verfahren in der Psychotherapie” («Медитативные практики в психотерапии»), *Zeitschrift fur Psychotherapie und Medizinische Psychotherapie* 1, no. 3 (May 1951), при подробном обсуждении различных техник Shultz-Henke, Carl Happich, Rene Desoille и Friedrich Mauz, помимо прочих, ни единым словом не упомянул активное воображение Юнга, которое было разработано и доведено до сведения публики значительно раньше, чем работы всех упомянутых психологов, а также оказало неоспоримое влияние на них.

[3] К.Г. Юнг, «Mysterium Coniunctionis», параграф 184

смотреть, пока лев не превратится в корабль!» Можно сказать, что факт отсутствия реакции у анализанда — например, страха, самозащиты, удивления — показывает, что она не приняла образ льва действительно всерьёз, скорее, где-то в глубине души она думала: «В конце концов, это всего лишь фантазия о льве.»

Многие новички также думают, что когда что-то идёт не так в самый разгар фантазии, можно просто некоторым образом откатить фильм назад и проиграть его заново другим образом. В сеансе воображения, по «гигиеническим» соображениям, анализанд эвакуировала людей и сожгла дом своего детства, где она перед этим нашла больного ребёнка (свою собственную инфантильность). Но потом она осознала, что это была ошибка, потому что в этом случае больной ребёнок был слишком внезапно оторван от своих корней. Так что, не мудрствуя лукаво, она начала воображать, что дом снова здесь, и «разыгрывать» фантазию дальше уже с ребёнком в доме. Здесь мы снова видим пример воображения, которое не является подлинным активным воображением. Ход событий не реален, не принимается всерьёз, — потому что, как мы хорошо знаем, то, что произошло на самом деле, — необратимо.

Другая разновидность ошибки, которую часто совершают, возникает, когда человек, предающийся медитации, выступает во внутренних событиях не сам по себе, а как некая фиктивная личность[4]. При таком подходе, конечно, происходящее внутри лишается любого характера истинного взаимодействия и синтеза между сознанием и бессознательным. Эта ошибка обычно настолько неуловима, что часто может быть обнаружена только косвенно, через реакции в снах и через отсутствие какого-либо эффекта. Когда воображение происходит благополучно и очень легко, это часто подозрительно, так как настоящее активное воображение требует значительных усилий и в начале редко может длиться дольше чем 10 или 15 минут. Также во многих случаях есть трудности в самом начале, и самые распространённые из них следующие.

Одна из трудностей заключается в некоторой судороге сознания, из-за которой ничего не приходит на ум. Ещё одна типичная проблема выражается в летаргическом сопротивлении и непреодолимом отвращении или в негативном внутреннем настроении, которое всегда говорит «Всё это нереально, это всего лишь создано.» Юнг писал:

Умение давать совершаться событиям, деяние в недеянии, «самоотпускание» Майстера Экхарта — всё это стало для меня ключом, отворяющим двери, за которыми начинается путь: надо уметь давать совершаться психическим событиям. Для нас это настоящее искусство, в котором огромное количество людей ничего не смыслит, потому что сознание постоянно вмешивается со своей помощью, поправками и отрицанием и в любом случае никак не может оставить в покое простое развёртывание психического процесса[5].

В то время как первые две упомянутые трудности могут быть преодолены только при помощи терпения или при помощи смелости быть объективным, лучший способ справиться с голосом скептика, по моему опыту, — это просто позволить ему говорить, а затем ответить ему: «Вполне возможно, что это нереально, но на данный момент я собираюсь двигаться дальше». Обычно затем происходит нечто, что убеждает нас в сверхъестественном существовании, независимой реальности партнёра по разговору. Человек осознаёт, что «Я никогда не мог быть придумать всё это сам сознательно». Является ли активное воображение истинным или нет, может быть лучше всего понято по его эффекту, так как он громаден и замечается сразу же, вне зависимости от того, позитивен он или негативен. Именно поэтому активное воображение является таким опасным инструментом и вообще не должно использоваться без наблюдения опытного человека. Оно может, как подчёркивал Юнг,

---

[4] Там же, параграф 184.

[5] «Комментарий к Тайне золотого цветка».

привести скрытый психоз к точке прорыва[6]. В такой точке пациенты могут впадать в психотические эпизоды прямо в разгаре воображения.

Ещё одной опасностью является появление соматических симптомов. Я вспоминаю следующий пример. Художник пришёл на анализ из-за своей склонности к алкоголизму и общего чувства дезориентации. В его снах постоянно появлялась специфическая теневая фигура; давайте назовём её Альбертом. Эта фигура —шизоидный, высоко интеллигентный, абсолютно циничный и аморальный человек, который в реальности уже давно покончил жизнь самоубийством. Так как мы были неспособны прийти к согласию с этой «тенью», я посоветовала художнику попытаться вовлечь этого внутреннего Альберта в откровенный разговор. Он воспринял эту идею с большой смелостью и открытостью. Однако Альберт очень ловко переиначивал всё, что говорил художник, на негативный лад: он (художник) пришёл в анализ только потому, что боялся последствий алкоголизма; он был бездельником, трусом, который предпринял последнюю попытку спасти себя через психологию, и т.д. Его (Альберта) аргументы при разговоре были настолько умны и проницательны, что в какой-то момент общения художник почувствовал себя поверженным. Он печально признал правоту Альберта и прекратил общение. Вскоре после этого у него случился психогенный сердечный приступ. Врач, прибывший на место, выдал заключение, что не было никакой органической проблемы, однако состояние художника всё равно настораживало.

Показательно, что взбунтовалось именно сердце, символическое вместилище чувств. Я указала художнику, что хотя интеллектуально он был побеждён Альбертом, есть такая вещь, как аргументы сердца, которые он, художник, не использовал против него. Тогда он вернулся к своему внутреннему разговору. Альберт немедленно стал издеваться над ним: «Итак, теперь твоя психологическая гувернантка дала тебе хороший совет; но это исходит не от тебя!» И так далее. Однако на этот раз художник не позволил себя повергнуть, но остался спокойным и невозмутимым и взял верх над Альбертом. На следующую ночь он видел сон о смерти Альберта, и, начиная с этого момента, его внутренняя фигура, которую он видел во снах на тот момент по крайней мере дважды в неделю, возникла в его сновидениях ещё только один раз за следующие несколько лет, и она уже не была тем же самым старым Альбертом, но подверглась позитивным изменениям. В то же самое время для художника началась новая и, на мой взгляд, более значительная фаза художественных достижений.

И здесь мы приходим к тому, что является, возможно, самым важным аспектом активного воображения: оно является средством влияния на бессознательное. Это верно, что правильное понимание сна, если оно не только интеллектуальное, приводит к изменению в сознательной личности, которое, в свою очередь, влияет на бессознательное; однако эффект активного воображения неизмеримо сильнее. Более того, сон и способность его понимать зависят, как бы то ни было, от благоволения Святого Духа. Активное воображение, напротив, вкладывает ключи нам в руку; по крайней мере, в скромных пределах оно позволяет нам формировать себя. По этой причине оно является бесценным средством для анализанда для его развития в направлении уменьшения детской зависимости от аналитика. Кроме того, это освобождающий опыт для всех тех, кого судьба — свадьба, изменение профессии, возвращение на родину, смерть аналитика — пространственно отделяет от аналитика.

Тем не менее, помимо этого и гораздо более важным является то, что активное воображение делает независимость анализанда в целом возможной. Действительно, Юнг ссылался на принятие и практику этой формы медитации как на критерий того, готов ли анализанд взять ответственность на себя или же он стремится бесконечно жить, паразитируя на аналитике. В одном ряду с этим освобождающим эффектом стоит тот факт, что активное воображение делает возможной экстраординарную прямую работу с аффектами, которая может обеспечить способ выхода из тупика подавления или отреагирования, из которых

---

[6] К.Г. Юнг, «Mysterium Coniunctionis», параграф 156.

первый является нездоровым, а второй часто невозможен внешним образом.

Я вызываю в памяти пример юной девушки, страдавшей от очень выраженного негативного материнского комплекса с умеренными параноидальными идеями. По иронии судьбы она арендовала свою студенческую квартиру в доме абсолютно параноидальной пожилой женщины с несносным характером, которая была печально известна по всей окрестности. Эта пожилая женщина сразу стала нещадно её преследовать, что, конечно, весьма неблагоприятным образом совпало с субъективными наклонностями самой девушки. Частью договора аренды было разрешение девушке купаться в Рейне, который протекал прямо перед домом. Но однажды пожилая женщина без какой либо весомой причины навсегда лишила её этого удовольствия. У девушки хватило самообладания, чтобы принять эту ситуацию внешне, но она была настолько выведена из равновесия своей яростью, что целых два часа она могла только проклинать себя и внутренне снимать нервно-психотическое расстройство, будучи неспособной вернуться к своей интеллектуальной работе. Как мы знаем, такие аффекты очень затратны и утомительны, и тот факт, что кто-то находится «в своём праве», не предохраняет его от ярости на самого себя и разрушения себя.

Девушка затем провела следующее активное воображение. Она увидела реку с табличкой в ней, окружённой высокими волнами и гласящей «Купание запрещено». Голос «скептика» сказал: «Это не более чем выражение твоих собственных эмоций.» Тем не менее, она непоколебимо продолжила свою фантазию. Волны разошлись, и из них возник похожий на лягушку чёрный гном примерно двух с половиной футов высотой. Она подумала «О, это всего лишь мой персонализированный аффект», но продолжила объективно наблюдать за тем, что произойдёт дальше. Гном на своих лягушачьих ногах направился к дому, и она, полная ужаса, подумала: «Боже, он наверняка собирается убить эту старую женщину, или, может быть, он внезапно взорвётся наподобие пачки динамита!» Перед ней встала моральная проблема: «Должна ли я позволить ему войти в дом? Что, если я ему помешаю, и он рассердится на меня?» Она решила позволить гному, который уже звонил в дверной звонок, войти в дом и спросить у него, чего он хочет. Он немедленно показал жестами, что хочет пойти туда, где находится старая леди. И снова возник конфликт по поводу проблемы убийства. В данных обстоятельствах девушка решила двигаться дальше и позвонить в звонок квартиры старой женщины, однако остаться с гномом, чтобы остановить его от любого злодеяния. Старуха подошла к двери, чтобы её открыть. В этот момент девушка оказалась захваченной мыслью о том, насколько бесконечно смешное и удивительное впечатление произведёт на пожилую женщину вид девушки, стоящей там рядом с чёрным карликом с лягушачьими ногами, и она начала смеяться. И на самом деле, женщина к её удивлению скорчила нелепую мину, однако девушка сказала: «Этот господин желал бы поговорить с Вами, миссис Х.» Смущённая, старуха пригласила их обоих в свою лучшую гостиную, в которой, кстати, в реальности девушка прежде никогда не была. (Когда значительно позже она случайно там оказалась, она с своему изумлению обнаружила, что в своём активном воображении она представила её так, как есть на самом деле.) Итак, когда они оба сели на шикарный диван напротив старухи, карлик начал рассказывать женщине двусмысленные эротические анекдоты, которые заставили её настолько порадоваться, что она отослала девушку прочь, чтобы она могла побыть наедине с этим милым «джентльменом».

Когда девушка вернулась из этой фантазии в сознание, она оказалась в довольном, отрешённом настроении и была способна посвятить себя своей интеллектуальной работе без каких-либо дальнейших проблем. Когда ближе к вечеру она встретила свою пожилую квартирную хозяйку на лестнице, она начала улыбаться, думая о своей воображаемой истории. И тут последовал неожиданный результат: старуха как будто объективно преобразилась. До самой своей смерти она больше никогда не беспокоила девушку.

Освобождающее действие этого сеанса воображения связано с архетипическим мотивом. То, что «Великая Мать», когда она поглощена яростью и горем, может быть возвращена человечеству при помощи грубых шуток, мы знаем из мифа о Деметре. Гиды и сегодня указывают тот самый колодец в руинах Элевсина, рядом с которым обиженная и

скорбящая Деметра сидела, когда женщина по имени Баубо с грубыми шутками оголилась и станцевала перед Деметрой и, таким образом, в первый раз заставила её снова улыбнуться. Но, в соответствии с некоторыми культурными источниками-надписями, Баубо, Деметра и её дочь Кора являются одной и той же богиней!

То, что Великая Мать с древнейших времён сопровождалась фаллическими гномами (Кабиры), которые были её компаньонами, безусловно, знают многие. Хотя этот архетипический бэкграунд был знаком девушке в нашем примере, он не лежал на поверхности её ума. В этом примере мы также видим, как выдающее скептические комментарии сознание создаёт ложные связи; карлики, в отличие от гигантов, является персонификациями не аффектов, а креативных (творческих) импульсов. Таким образом, видения в воображении уже обладали конструктивной силой, тогда как сознание с его «разумными» статичными предубеждениями предполагало присутствие деструктивного аффекта.

Вы можете подумать, что это воображение не было очень уж активным, и верно, что оно разворачивалось относительно пассивно и похоже на кино. Однако оно было истинно в той мере, в какой в определённые моменты девушка полностью в нём участвовала и принимала этические решения: с одной стороны, дать ли гному разрешение войти, несмотря на его опасность, или, с другой стороны, удержать ли его от попытки убить пожилую женщину. Естественно, она могла вести себя совершенно по-разному. Например, она могла бы сказать Кабиру, что она не впустит его, если он сначала не признается в том, чего хочет.

Когда я слушаю активные воображения анализандов, я часто думаю в определённые моменты: «Я бы себя так не вела!» Но сама эта реакция показывает, до какой степени приходящее воображение происходит из личностно обусловленной, уникальной серии событий («сказка просто так»[7], так же как и реальность индивидуальной жизни сама по себе. То, что параноидальная старуха также подверглась изменению, немного удивительно, но не необычно. И это подводит нас к другой опасности, присущей активному воображению, опасности неправильного использования его как некой разновидности чёрной магии для достижения эгоистических целей или влияния на других.

Анализанд, молодая девушка, однажды пришла ко мне со сном, в котором говорилось, что она попала под власть ведьмы. Когда я исследовала её внутреннюю и внешнюю активности за последние дни, она сообщила, что провела сеанс активного воображения — по крайней мере, так она назвала его, — против (!) одной из своих знакомых. Этот человек раздражал девушку, и она предалась фантазии, в которой обезглавливала её, подвешивала её на дыбе, плевала на неё и т.д. Таким образом, как она выразилась, она хотела «дать выход своему гневу». Не я, но её бессознательное нашло правильное название для того, что она сделала, — это не активное воображение, а колдовство. Такое злоупотребление активным воображением очень опасно. Оно может быть очень привлекательным, особенно для людей с шизоидными тенденциями, но без сомнения оно не выводит их из их проблем, а, напротив, делает их уязвимыми для психоза. Воображение как форма «любовных чар» или на службе нашей мании величия (героические фантазии) относится к той же категории. Фантазии, наполненные исполнением желаний, имеют менее чем ничего общего с настоящим активным воображением. Девушка, чей случай описан выше, не имела намерения как-либо влиять на пожилую женщину. Она только хотела избавиться от деструктивного влияния своего собственного аффекта. Эта этическая чистота намерения — одна из наиболее важных базовых предпосылок для любого активного воображения.

Не всегда можно порекомендовать использование активного воображения для анализандов. Оно ограничено уже тем фактом, что довольно много людей просто не могут преодолеть своё сопротивление по отношению к нему, и их не нужно заставлять делать это.

---

[7] «Сказки просто так» (англ. “Just So Stories”) — сборник сказок Редьярда Киплинга, опубликованный в 1992 году (прим. переводчика).

Более того, как уже упоминалось, в случае латентного психоза это чрезвычайно опасно. Также и в пограничных случаях шизофрении эго часто уже настолько ослаблено, что такую медитацию вряд ли можно посоветовать. (Но и здесь есть исключения; однажды в таком исключительном случае я видела, какой у неё был освобождающий эффект и как значительно ускорился процесс исцеления.) В общем, использование активного воображения показано либо когда есть усиливающееся давление бессознательного — то есть, когда слишком много снов и фантазий продолжает поступать, — или, напротив, когда сновидческая жизнь блокирована и нет «потока». Во всех случаях, когда идёт поиск внутренней независимости, активное воображение предлагает уникальную возможность её достичь.

Элемент быстрого, результативного самоосвобождения от навязчивых аффектов и идей делает активное воображение особенно важным инструментом для самого врача. К. Г. Юнг даже полагал, что аналитику совершенно необходимо освоить данную медитативную технику. Как мы знаем, сильные эмоции очень заразны, и для аналитика трудно, хотя обычно об этом не говорят, избавиться от их пагубного влияния, потому что, как бы там ни было, чтобы быть способным помочь, нужны сочувствие и сострадание. То же самое касается выслушивания и наблюдения за разворачиванием извращённых, патологических фантазий или образов, которые, волей-неволей, выводят нас из равновесия; как по этому поводу сказал Юнг, впечатление от чего-то уродливого оставляет после себя что-то уродливое в нашей собственной психике. И в отношении этих «впечатлений» нельзя просто ждать появления целительного сна или их исчезновения в результате действия наших собственных здоровых инстинктов. Это особенно верно, если в тот же самый день должны прийти другие анализанды; в конце концов, их нельзя принимать в таком нарушенном состоянии, распространяя таким образом заразу ещё дальше. Однако всегда можно поместить себя в короткое активное воображение — в таких случаях редко требуется более 10-ти минут — и освободиться таким путём. Когда нет времени даже на это, часто помогает даже только искреннее решение разобраться с нарушением при помощи активного воображения позднее. Ведь, в конце концов, психотерапевт — это человек, который может исцелить самого себя. По Элию Аристиду собака — это животное, ассоциирующееся с богом врачевания, Асклепием, потому что у неё есть знание о необходимой траве, съев которую можно вызвать рвоту и избавиться от вредной пищи, а также потому, что она лижет свои собственные раны и смачивает их дезинфицирующей слюной!

Люди из приполярных областей отличают психически больных людей от знахарей и шаманов так: психически больной человек одержим духами и демонами; знахарь или шаман, в свою очередь, это тот, кто хотя и тоже одержим, но способен сам снова освободить себя.[8] Уродливые аффекты и болезненные, извращённые идеи действуют наподобие демонов. Они входят в нас и завладевают нами. Истинное активное воображение, однако, — это творческий акт освобождения, происходящего через символы. Это может быть неправильно понято как опасная тенденция к «самоспасению», но, в действительности, такая опасность исключена, потому что правильное использование активного воображения может иметь место только в религиозном контексте, говоря другими словами, при наличии благоговейного, добросовестного отношения к нуминозному.

Кроме своего защитного качества, на которое мы ссылались в примерах, активное воображение является даже в большей степени проводником того, что Юнг называл процессом индивидуации, полной и сознательной самореализации индивидуальной целостности. При помощи этого процесса Imago Dei (Образ Бога) проявляется в человеке и начинает претворять в жизнь своё влияние за пределами уровня эго. Эго становится слугой его стремлений по реализации, слугой, без которого Самость неспособна воплотить себя в нашем измерении пространства и времени.

---

[8] См. Мирча Элиаде, «Шаманизм. Архаические техники экстаза».

Небольшие практические примеры, которые я привела как иллюстрацию природы активного воображения, представляют собой только малую часть внутри такого процесса индивидуального развития, и архетип Самости, целого, в них не проявляется. Однако когда такая медитативная процедура используется на протяжении более длинного периода времени и в связи с важными проблемами жизни, эмпирически почти всегда это центральное содержание, то есть Самость, чётко выходит на передний план, и в этих более важных ситуациях определённые параллели с различными религиозными путями медитации можно ясно увидеть. По этой причине Юнг также, в серии лекций для Цюрихской школы технологии, провёл детальное сравнение между бессознательным, как он понимал его, и восточными разновидностями йоги, упражнениями святого Игнатия Лойолы и медитативными практиками алхимиков. Из этого сравнения видно, что эти последние (практики алхимиков) значительно ближе к юнговскому активному воображению, чем другие два[9], по следующей причине. В восточных формах йоги (возможно, за исключением медитации в дзен-буддизме, к которой я вернусь позже) «гуру» в значительной степени берёт на себя руководство, и некоторые инструкции также приведены в текстах, которые могли бы направить студента к опыту того, что мы называем Самостью. В христианских упражнениях, образ Самости обретает явное воплощение во Христе, и здесь тоже студент определённым образом подводится к его достижению внутренне. В обоих случаях ученик предупреждён о препятствиях, и ему сказано, как он должен «избегать их или отвергать как искушения.»[10]

В сравнении со всеми этими процессами активное воображение Юнга гораздо менее запрограммировано. Там нет цели, которую нужно достигнуть (нет «тренинга по индивидуации»), нет модели, образа или текста, служащего руководством на пути, нет предписанной физической позы или дыхательного упражнения (как нет и кушетки, и участия аналитика в фантазии). Кто-то просто начинает с представления себя изнутри, или с относительно неубедительной ситуации сна, или с сиюминутного настроения. Если возникает препятствие, медитирующий волен рассматривать его как препятствие или нет; это только от него зависит, как ему следует на это реагировать. Таким образом, каждый шаг становится уникальным, ответственным индивидуальным выбором и, по этой причине, также уникальной «сказкой просто так», синтезом сознательных и бессознательных тенденций. Скажем так, тот, кто воображает, пытается в фантазии достичь вершины высокой горы, а красивые женщины приходят и пытаются заманить его в морские глубины. В этот момент мы не говорим ему: «Это эротическая фантазия, искушение, которое пытается отвлечь вас от достижения вашей заветной цели.» Мы также не говорим: «Это часть жизни, которую вы должны интегрировать до того, как продолжите восхождение!» Мы ничего не говорим ему. Тот, кто воображает, должен сам изучить, что такое то, с чем он столкнулся, и что ему следует с этим делать — точно так же, как и в его внешней индивидуальной жизни.

Именно эта абсолютная свобода отличает юнговскую форму активного воображения от почти всех других известных форм медитации, и именно она делает её похожей на imagination vera[11] алхимиков. Алхимики экспериментировали с полностью неизвестной (для них) природой материальной реальности и её психическими аспектами. У них также не было плана, но они вглядывались в темноту в поисках ничего иного как своего собственного

---

[9] См особенно том 14 Collected Works («Mysterium Coniunctionis»).

[10] Насколько я знаю, исключением из этого правила является средневековый текст Гуго Сен-Викторского «Разговор Гуго Сен-Викторского со своей душой (“Hugo von St. Viktor’s Conversation with His Soul” *(Soliloquim de arrha* ani*mae)*). В этом тексте медитирующий, кажется, настолько убеждён, что Христос является истинной целью его собственной души, что он достигает этой цели без значительных усилий, только лишь при помощи своего полного любви убеждения, даже при том, что эта цель тесно связана с миром и активно сопротивляется преобразованию.

[11] Подлинное воображение (прим. пер.)

опыта. У них вообще не было или были только смутные интуитивные представления, касающиеся того, что происходит, и никаких внешних принятых этических руководств по поведению — ничего, кроме их собственного внутреннего голоса. Они искали «божественную реальность» здесь и сейчас в материальном мире; сами они, по большей части, не знали ничего более этого. Именно поэтому их путь и их символический опыт настолько похожи на таковые у современных мужчин и женщин.

В этой абсолютной свободе без плана, пожалуй, дзен-буддизм с его движением в направлении сатори ближе всего к юнгианскому подходу. Здесь также известен только факт, что некоторое количество мастеров испытали реальный опыт Самости и жизни на её основе,— всё остальное непредсказуемо и не может быть предусмотрено заранее. Единственное, что отличает Дзен от юнговского активного воображения, насколько я могу видеть, состоит в следующем. В дзен-буддизме — по крайне мере, к этому мнению я пришла в разговоре с профессором Д.Т. Судзуки — образы фантазий и сны, которые появляются, не считаются ценными, но как раз наоборот, рассматриваются как относительно неважные элементы, которые пока ещё скрывают «истинную природу». Мастер пытается заставить ученика отказаться от них, как и от других ложные привязанностей эго. Напротив, в активном воображении Юнга, мы, не рассуждая, наклоняемся, чтобы подобрать каждый кусочек символа, который наша психика предлагает нам, и работаем с ним, так как для нас это может оказаться набросок или часть Самости — может быть, непризнанная часть. В любом случае, здесь нет предписанного поведения. Эта величайшая свобода, на самом деле, наиболее трудна, но, по моему мнению, она —наиболее ценный аспект юнгианского духовного пути.

Это подводит нас к определённой проблеме, которая могла бы оказаться предметом споров. Юнг принадлежал к самому левому крылу психотерапевтов, которые безусловно выступали за свободу личности. В медитации, как она представлена, например, в аутогенной тренировке J.H. Schultz, мы всё ещё находим предписанные упражнения на физическое расслабление. В руководстве Carl Happich по медитации предлагаются темы вроде «луг детства» или «гора», и психотерапевты направляют анализанда в фантазиях к этим темам. Что касается метода Rene Desoille («сон наяву»), метода, который многим обязан Юнгу, фундаментальное различие состоит в том, что психотерапевт предлагает свою собственную реакцию на символические внутренние события; например, он предлагает пациенту, что далее можно или следует делать в символической ситуации. Также Desoille требует проживания коллективного бессознательного и его архетипов и, в то же самое время, чтобы эти последние были подчинены. Т.о., слишком большой акцент, на наш вкус, ставится на руководстве психотерапевта и его реакциях; это никоим образом не способствует нравственной и духовной независимости анализанда.

Как мы видим здесь и из примеров, что я представила, в юнгианском активном воображении психотерапевт только занимает позицию по вопросу о том, является ли фантазия подлинной или нет. Его дальнейшее вмешательство состоит только в том, чтобы когда как реакция появляются симптомы или сны, интерпретировать значимость этих снов и симптомов способом, отличным от привычного для данного анализа. Как мы можем вспомнить, это был сон, а не я, кто предположил, что женщина ссылается на прежний опыт чёрной магии; и это был именно психогенный сердечный приступ, предупредивший художника не забывать о своём «сердце».

Такие спонтанные реакции бессознательного на активное воображение возникают часто. Они позволяют нам, как было описано, развязать анализандам. Для них является значимым опытом то, что «мастер», в конце концов, живёт в их собственной психике — medicus intimus, как профессор Schmaltz метко назвал это. Восточные медитативые практики, равно как и христианские, базируются на многовековой исторической традиции и, таким образом, обладают преимуществом имеющихся руководств, которые уже были опробованы и адаптированы множеством людей; но именно по этой причине они могут оказаться оковами для процесса индивидуации. Как Юнг многократно отмечал, современные люди уже

настолько перегружены, как внутренне, так и внешне, заповедями, требованиями, рекомендациями, слоганами, коллективными предложениями, идеализмом и прочими (также хорошими) руководствами, что, возможно, стоит усилий дать им возможность реализовать свою собственную природу без принуждения и полностью самостоятельным образом. Это тот способ, возможно, которым божественное влияние проявляется в психике в наиболее чистой форме — без посторонней помощи. Кроме того, вероятно, что человек лучше всего сопротивляется деструктивным коллективным влияниям своего времени, когда полностью в одиночестве и при помощи своего внутреннего опыта он укореняется в своём отношении к Богу.

Глава 2. Об активном воображении

Я хотела бы сосредоточиться на нескольких аспектах, которые составляют специфику активного воображения Юнга в отличие от многих других техник на основе воображения, которые плодятся повсюду в наши дни. Сегодня мы сталкиваемся с большим количеством людей, которые практиковали те или иные техники воображения перед тем, как пришли в юнгианский анализ; и, по моему опыту, в этих случаях очень трудно заставить людей перейти к настоящему активному воображению. Последнее можно наиболее оптимально разделить на 4 части или фазы.

1. Как мы знаем, во-первых нужно опустошить своё собственное эго сознание, освободить себя от мысленного потока эго. Это уже довольно трудно для многих людей, которые не могут остановить «внутренний диалог», как его называют дзен-буддисты. Это легко сделать в случае рисования и ещё проще в песочной терапии. Однако последняя даёт сознанию уже существующие фигуры. Хотя правда, что она, как кажется, делает возможным преодоление "бесплодности", пустоты или отсутствие любых идей (что часто возникает в первую очередь), позднее она склонна приводить к трудностям, когда анализанд должен перейти к настоящему активному воображению. Большинство восточных медитативных техник, таких как дзен, некоторые упражнения йоги и даосская медитация, сводят нас лицом к лицу с этой первой фазой. В медитации дзен нужно отринуть не только мышление эго, но также и любые фантазии, которые могли бы подняться из бессознательного. Нужно противостоять им при помощи коана или же позволить им пройти, не уделяя им внимания. Единственная цель физической сидячей позиции состоит в символической остановке любого рода активности.

2. На этой стадии нужно позволить поднимающимся из бессознательного образам фантазии проникнуть в область внутреннего восприятия. В отличие от восточных техник, упомянутых выше, здесь мы скорее привлекаем образ, нежели избавляемся от него или игнорируем его. Напротив, мы концентрируется на нём. Достигнув этой точки, нам следует быть на страже против двух ошибок: чрезмерной концентрации на возникшем образе и буквально «фиксации» его, что делает его застывшим, и недостаточной концентрации, которая приводит к слишком быстрому изменению внутренних образов и запуску быстрого «внутреннего фильма». По моему опыту преимущественно интуитивные типы становятся жертвами ошибок второго рода. Они создают бесконечные сказочные фантазии, у которых нет основного фокуса, или же они не вступают ни в какие личные отношения с внутренними событиями. Это уровень пассивного воображения, *imaginatio fantastica* в противовес *imaginatio vera* , как бы это назвали алхимики. Это напоминает нам о «katathyme Bilderleben» H. Leuner'a (кататимная образная жизнь). Leuner признавал, что был вдохновлён активным воображением Юнга, но решил упростить его, — с, по моему мнению, не очень хорошими результатами. Я нахожу очень трудным помочь анализанду, выполнявшему эту форму имагинальной практики, перейти к настоящему активному воображению. «Objectivierung des Unbewussten» W.L. Furrer' a («Объективизация бессознательного») также страдает от схожих недостатков, как и более старая техника *le reve eveille* (пробуждающее сновидение) Rene Desoille. Эти техники также допускают присутствие и вмешательство аналитика — большая

ошибка, которую я буду обсуждать далее.

3. Затем идёт третья фаза. Она состоит в том, чтобы дать внутренне воспринятым образам фантазии форму путём их записывания, рисования, ваяния, написания музыки или танца (в этом случае движения танца должны быть задокументированы). В танце принимает участие тело, что иногда важно, особенно когда определённые эмоции и подчинённая функция настолько бессознательны, что это подобно тому, как будто они похоронены в теле.[12] Также часто кажется полезным изобрести небольшой конкретный ритуал, например, зажечь свечу или прогуляться по кругу. Это даёт возможность привлечь к участию и неорганическую материю. Юнг однажды сказал мне, что такой способ проведения активного воображения более эффективен, нежели обычный, но он не смог сказать мне, почему это так.

На мой взгляд всё это также проливает свет на вопрос, который много обсуждается в настоящие дни, — роль тела в анализе. В действительности, алхимический опус, согласно Юнгу, — это ни что иное, как активное воображение, выполненное с химическими веществами, говоря другими словами, путём их смешивания, нагревания и т.д. Восточные алхимики, в особенности китайские даосы, достигали этого, в большинстве случаев стремясь работать с материалами в их собственных телах, и реже с теми, что находились в их лабораторных ретортах. Западные же алхимики работали преимущественно с веществами за пределами тела, в реторте, утверждая, что «наша душа представляет великие вещи за пределами тела». Парацельс и его ученик Герхард Дорн, однако, также брали на себя обязательство работать с так называемым внутренним небосводом внутри тела, на который они надеялись повлиять при помощи внешних магических воздействий. Эти воздействия, как они полагали, обладали синхронистичным отношением per analogiam с веществом тела. В такой форме активное воображение по существу связано с телом через символическое значение его химических компонентов. Я сама часто испытывала сильные положительные и отрицательные физические реакции на правильно или неверно выполненные сеансы активного воображения. Один анализанд даже испытал серьёзный психогенный сердечный приступ, когда он воспротивился своим чувствам в активном воображении. Сильные аффекты и эмоции являются иногда препятствием для практики активного воображения. И сам Юнг, как он сообщал в своих воспоминаниях, иногда был вынужден прибегать к упражнениям йоги, чтобы обрести контроль над своими эмоциями перед тем, как он обретал способность перевести их в образы, к которым он мог бы обратиться в активном воображении.

Определённая разновидность активного воображения может быть выполнена в виде разговора с внутренне представленными частями собственного тела, в течение которого мы также слушаем, что они говорят (как иногда делал Одиссей в "Одиссее" со своим сердцем или своими «френиями»). Эта техника иногда благоприятна в случае психогенных физических симптомов. Когда материя вступает в игру, вне зависимости от того, снаружи или изнутри тела, можно ожидать синхронистичных феноменов, которые показывают, что эта форма активного воображения особенно «энергетически заряжена». В своём негативном аспекте она граничит с магией и её опасностями, к которым я вернусь позднее.

На этой третьей фазе имеют тенденцию появляться два типа ошибок, которые Юнг описывает в своём эссе «Трансцендентная функция»[13]. Первый тип ошибок состоит в придании слишком большой важности эстетической составляющей содержания фантазии и превращении её в значительной мере в объект искусства, в результате чего происходит пренебрежение её «сообщением» или смыслом. По моему опыту это происходит

---

12 1. См., например, R. C. Hull “Bibliographical Notes on Active Imagination”, Spring (1971); E. Humbert, “L’Imagination active d’apres C. G. Jung” in Cahiers de Psychologie Junghienne (Paris, 1977); C. G. Jung, “The Transcendent Function” in Collected Works 8.

13 2. К. Г. Юнг, «Трансцендентная функция».

преимущественно с рисованием и писательством. Слишком много формы убивает содержание, также как искусство определённых исторических периодов «похоронило богов в золоте и мраморе» (в наши дни мы часто получаем больше удовольствия от созерцания примитивных идолов или несовершенного искусства первых христиан, нежели от декадентского искусства Рима). Функции ощущения и чувства первыми сбивают нас здесь с пути. Мы забываем, что то, что мы изображаем или описываем, — это только подобие внутренней реальности и что цель — войти в контакт с реальностью, а не с её подобием.

Вторая разновидность ошибок состоит в совершении прямо противоположного. Человек выполняет небрежную работу по созданию набросков и сразу же переходит к вопросу о смысле. Интуитивные и мыслящие типы особенно часто совершают такую ошибку. Это показывает недостаток любви и преданности. Это можно сразу же заметить, когда пациент приносит едва законченный рисунок или небрежно составленное описание, уже зная, «что это значит». Эта третья фаза, на которой бессознательному даются средства выражения, часто приносит большое облегчение, но она ещё не настоящее активное воображение.

1. Четвёртая фаза является ключевой, именно она упускается в большинстве техник на основе воображения, — моральная конфронтация с тем материалом, который был произведён. В этой точке Юнг предупреждает нас о часто совершаемой ошибке, которая ставит под угрозу весь процесс. Это ошибка входа во внутренние события с позиции фиктивного, а не реального эго.

Я бы хотела проиллюстрировать это на примере. Анализанд видел сон, в котором он нашёл копыто лошади в пустыне. Это событие было почему-то очень опасно, и это начало преследовать его. Это было что-то вроде демона, связанного с богом Вотаном. Он попробовал развить фантазию из сна в активном воображении. Теперь он скакал верхом на лошади, но демон становился всё больше и больше и ближе и ближе. Анализанд повернулся назад, и каким-то образом ему удалось повергнуть демона на землю. Когда он пересказал это мне, я была поражена странным несоответствием между тем, как он выглядел, и исходом истории. Он был испуган и измучен. Так что я сказала ему, что я как-то не верю в счастливый конец, но не знаю, почему. Неделей позже он признался мне, что когда демон с копытами лошади достал его, он разделился надвое. Только часть его эго сражалась с демоном; другая отступила от действия и только наблюдала его снаружи. Т.о., он достиг победы только с помощью фиктивного героического эго; его настоящее эго втайне отстранилось, думая: «В конце концов, это только фантазия».

Когда текущее наблюдаемое состояние анализанда не находится в гармонии с тем, что произошло в активном воображении, мы можем предположить, что возникло фиктивное эго. Этого трудно не допустить. Другой анализанд в активном воображении имел длительную романтическую любовную связь с женской фигурой. Он никогда не говорил ей, что он с недавних пор женат. Когда я спросила его об этом, он сказал, что никогда не сделал бы подобного в реальности (не стал бы скрывать свой брак). Т.о., его эго в активном воображении было не тем же самым, что его повседневное эго! Всё происходящее было с очевидностью не полностью реальным для него: оно было больше похоже на написание романа, нежели на выполнение активного воображения. Этот момент является чрезвычайно важным, потому что общая эффективность активного воображения зависит него. Люди с очень фрагментированными характерами или с латентными психозами вообще не могут выполнять активное воображение, или же они проводят его только с помощью этого фиктивного эго. По этой причине Юнг предупреждал нас против использования активного воображения в случае пограничных пациентов. В сущности, анализанд в моём втором примере не был болен, просто он был интеллектуалом. Интеллект —величайший шутник, он ошибочно склоняет нас к недооценке морального аспекта событий и к уступке сомнениям в том, что, в конце концов, это всё всего лишь фантазия и попытка выдать желаемое за действительное. Определённая наивность требуется для активного воображения.

Юнг однажды заметил, что современная психиатрия изучила этот процесс вплоть до

третьего шага, но до сих пор не поняла четвёртого. Большинство существующих имагинальных техник останавливаются невдалеке от этой точки. Есть и другой аспект, который до сих пор не был понят. Большинство существующих креативных техник или техник на основе воображения дозволяют определённое участие со стороны аналитика или даже требуют его вмешательства. Он даже предлагает тему (как в технике Happich'а и в продвинутой аутогенной тренировке J.H. Schultz'а) или вмешивается, когда анализанд «застревает», и выдвигает предположения. Юнг же, с другой стороны, позволял пациентам оставаться в «яме», куда они попали, до тех пор, пока они сами не найдут выход. Он рассказывал нам, что у него была однажды пациентка-женщина, которая в жизни всё время попадала в определённые «ловушки». Он рекомендовал ей активное воображение. Она немедленно увидела себя в своём воображении идущей через поле и приходящей к стене. Она знала, что ей нужно перебраться на другую сторону, но как? Юнг только сказал: «Что бы Вы сделали в реальности?» Она просто не смогла ничего придумать. Наконец, спустя долгое время, она подумала о том, что можно пойти вдоль стены и посмотреть, не закончится ли она где-нибудь. Не закончилась. Затем она стала искать дверь или отверстие. И снова у неё ничего не получилось, и Юнг не предложил ей никакой помощи. Наконец она подумала о том, чтобы взять молоток и долото и проделать дыру в стене. И это было решение.

Тот факт, что этой женщине потребовалось так много времени, чтобы найти подобное решение, является отражением её неумелого поведения во внешнем мире. Именно по этой причине так важно, чтобы мы не протягивали руку помощи; если мы так сделаем, пациент ничему не научится, а останется таким же инфантильным и пассивным, как и всегда. С другой стороны, когда он мучительно выучит свой урок в активном воображении, тогда он также выучит что-то для своей внешней жизни. Юнг не помогал пациенту, даже если тот оставался «подвешенным» на протяжении недель, но настаивал на том, чтобы пациент продолжал попытки найти решение самостоятельно.

При контролируемом использовании наркотиков четвёртый шаг также упускается. Наблюдающий человек несёт полную ответственность в отличие от того, кто выполняет сеанс воображения. Я наткнулась на интересную книгу двух братьев, Terence и Dennis McKenna, которая называется «Невидимый ландшафт» ("The Invisible Landscape"[14]). Эти два храбрых молодых мужчины приехали в Мексику и на себе ставили эксперименты с галлюциногенным растением, недавно там обнаруженным. Согласно их собственному описанию они испытывали шизофренические состояния ума, которые вели к «расширению их духовных горизонтов». К сожалению, они не дали точного описания своих экспериментов, только намёки о путешествиях на другие планеты и получении поддержки от невидимого помощника, который часто появлялся в виде гигантского насекомого. Вторая часть книги описывает инсайты, полученные из их «расширенных духовных горизонтов», и именно здесь наступает разочарование. Они (инсайты) ничем не отличаются от других в высшей степени интуитивных современных рассуждений о разуме, материи, синхронистичности и т.д. Они не дают нам ничего творческого и нового, но только те вещи, которые эрудированные авторы могли бы легко придумать сознательно. Наиболее важный момент наступает в конце, когда книга завершается идеей о том, что вся жизнь на Земле будет уничтожена, и по этой причине нам придётся или сбегать на другую планету или сбегать внутренне, в сферу космического разума.

Я бы хотела сравнить эту книгу со сном. Это сон студента, не подверженного психозу, который только что приступил к юнгианскому анализу. Я благодарна ему за разрешение пересказать его сон. С тех пор, как я прочла данную лекцию, Эдвард Эдингер представил сходный сон и дал ему очень хорошую интерпретацию[15]. Сон (в слегка сокращённом виде)

---

14 3. Terence and Dennis McKenna, “The Invisible Landscape” (New York: Seabury Press, 1975).

15 4. См. Edward F. Edinger, “The Myth of Meaning”, Quadrant 10 (1977).

таков:

Я прогуливаюсь по тому, что называется Палисад[16], с которого открывается вид на весь Нью-Йорк. Я иду вместе с женской фигурой, неизвестной мне; нас обоих ведёт человек, являющийся нашим проводником. Нью-Йорк весь превратился в груду щебня, — весь мир, как мы его знаем, был разрушен. Вежде горят пожары; тысячи людей бегут бесцельно во всех направлениях. Гудзон затопил большую часть города. Смеркается. Огненные болиды в небе со свистом летят в направлении земли. Это конец света.

Причина происходящего в том, что раса исполинов пришла из дальнего космоса. Я видел двух из них, сидящих посреди обломков, небрежно зачерпывающих пригоршней людей раз за разом, поедая их, как будто виноград. Это было ужасное зрелище. <…> Наш проводник объяснил нам, что эти исполины прибыли с разных планет, где они жили вместе в мире. Они высадились в летающих тарелках (это и были болиды). Земля, которую мы знали, была задумана этими исполинами. Они «выращивали» нашу цивилизацию подобно тому, как выращивают овощи в теплице. Теперь они пришли за урожаем. Для этого была особая причина, которую я узнал только позднее.

Я был в безопасности, потому что у меня было слегка повышенное кровяное давление. Если бы оно было нормальным или слишком высоким, я был бы съеден. Т.о., я был избран, чтобы пройти это испытание огнём, и, если я пройду его успешно, мне будет позволено также спасти другие души. Затем я увидел перед собой огромный золотой трон, сияющий как солнце. На нём сидели король и королева исполинов. Они были виновны в разрушении нашей планеты.

Моё испытание, помимо мучений от происходящего, состояло в необходимости вскарабкаться по ступеням трона к точке, откуда я смог бы взглянуть королю и королеве в лицо. Это произошло в несколько этапов. Я начал восхождение. Оно было долгим, но я знал, что судьба мира и человечества зависит от этого. Затем я проснулся весь в поту. После того, как я проснулся, я осознал, что разрушение Земли было свадебным пиром для короля и королевы.

Этот сон напоминает вторжение на Землю исполинов, описание которого мы находим в библейской Книге Еноха и которое было интерпретировано Юнгом как «преждевременное вторжение [в сознание] коллективного бессознательного». Оно привело к общей инфляции. Ангелы, которые (согласно Еноху) породили исполинов с человеческими женщинами, наставляли человечество в многих новых формах знания, и это привело к инфляции. Ясно, что вышеприведённый сон отражает нашу сходную современную ситуацию, и книга братьев McKenna ясно показывает, помимо всего прочего, куда ведёт эксплуатация видений коллективного бессознательного — то есть, к очень сомнительному состоянию ума. В то же самое время, однако, этот сон очень метко демонстрирует разницу между наркотическими галлюцинациями и ненавязчивым подходом к бессознательному. Во сне перед сновидцем поставлена задача: достичь короля и королевы. Согласно выводам братьев McKenna, с другой стороны, всё, что индивид может сделать, — это убежать прочь. Т.о., кажется, что конструктивный аспект бессознательного констеллируется, только когда встречается лицом к лицу с индивидуальным эго в качестве партнёра. Это та же ситуация, которой мы стремимся достичь в активном воображении, и именно поэтому приём наркотиков — даже под наблюдением — или практика техник воображения, в которых аналитик берёт на себя лидирующую роль, не является правильным, так как в этом случае эго не может конфронтировать с бессознательным.

Апокалиптические сцены в книге McKennas и в нашем сне связаны с нашим страхом перед атомной войной. Но, вместо побега в космос, сон ставит перед сновидцем задачу встретить свадьбу короля и королевы лицом к лицу. Она представляет собой объединение

---

[16] Палисад (англ. Palisades) — вертикальные базальтовые скалы на реке Гудзон (прим. переводчика).

противоположностей, отца и матери, разума и материи и т.д. Я помню, как Юнг однажды сказал нам, когда мы спросили его, является ли третья мировая война неизбежной, что такой войны можно избежать, только если достаточное количество человек смогут удержать противоположности вместе внутри себя. Здесь также вся коллективная ноша ложится на плечи всего лишь одного сновидца. Бессознательное может только показать нам путь выхода из кризиса, если мы, как индивиды, остаёмся сознательны в отношении противоположностей.

Важным мотивом в сновидении является проводник, который инструктирует сновидца. Такая фигура появляется, только если аналитик не принимает участие в процессе. Гермес, проводник души у алхимиков, называл себя «другом каждого отшельника» (*cuiusque segregati* — каждого, кто отделился от стада). Наиболее важным результатом активного воображения, согласно Юнгу, является приобретение анализандом независимости от аналитика. По этой причине нам не следует вмешиваться в него (за исключением внесения корректив в метод). Когда анализанд зачитывает мне активное воображение, я часто про себя думаю: «Я бы никогда не сделала или не сказала этого!» Это показывает, насколько индивидуальным образом реакции эго возникают по отношению к бессознательному в активном воображении, — и это то, что определяет, какое направление будут иметь внутренние события.

Новый (или, скорее, очень давний) подход к активному воображению описан в книгах Карлоса Кастанеды. Это — метод мага и шамана Дона Хуана, который он назвал сновидением. За ним стоят древние традиции мексиканских индейцев-шаманов. Ходят слухи, что многое в этих книгах было придумано Кастанедой, хотя и на основе подлинного материала шаманов. «Сновидение» — несомненно часть этого подлинного материала. Оно — исключительно индейское и никогда не могло бы быть изобретено белым человеком. «Сновидение» достигается при помощи внешних явлений природы. Учитель Дон Хуан берёт Кастанеду на прогулку в дикие пустынные места. В вечерних сумерках Кастанеда думает, что видит тёмную фигуру умирающего животного. Испуганный до смерти, он хочет бежать прочь, но затем вглядывается более пристально и видит, что это всего лишь сухая ветка. После всего Дон Хуан говорит: «То, что ты сделал, — это отнюдь не триумф. <…> Ты зря растратил прекрасную силу — силу, вдохнувшую жизнь в сухой хворост. <…> Ветка действительно была зверем, реальным зверем, и этот зверь был жив, когда сила коснулась ветки. И поскольку сила делала его живым, весь фокус состоял в том, чтобы, как в сновидении, сохранять образ зверя как можно дольше».[17]

То, что Дон Хуан называет здесь силой, — это мана, мулунгу и т.д., другими словами, энергетический аспект коллективного бессознательного. Из-за обесценивания своей фантазии вследствие рационального её рассмотрения, Кастанеда растратил силу и упустил шанс «остановить мир» (это выражение Дона Хуана для приведения эго-мышления к остановке). Дон Хуан также называл такое сновидение «контролируемой глупостью», что отсылает нас к замечанию Юнга о том, что активное воображение является «добровольным психозом».

Такая разновидность активного воображения с использованием внешних природных объектов напоминает об искусстве алхимиков, которые проводили своё активное воображение с металлами, растениями и камнями, но с одним отличием: у алхимиков всегда был сосуд. Сосуд был их *imagination vera et non fantastica* или их *theoria* . При этом они не теряли себя, но обладали неким «пониманием» событий в буквальном смысле, нечто вроде религиозной философии. Дон Хуан также обладал таким пониманием, но он не мог передать его Кастанеде и всегда был вынужден занимать лидирующую позицию.

Как мы уже упоминали, ритуалы, сопровождающие активное воображение, чрезвычайно эффективны, но также опасны. В этом случае часто констеллируется большое

[17] 5. К. Кастанеда, «Путешествие в Икстлан».

количество синхронистичных событий, которые легко интерпретировать как магию. Люди, находящиеся под угрозой превращения в психотиков, также часто ошибочно интерпретируют такие события очень опасным образом. Я помню случай мужчины, который в начале шизофренического эпизода физически атаковал свою жену. Она позвала деревенского полицейского и психиатра на помощь. Когда эти двое вместе с ней и больным мужчиной стояли в прихожей дома, одинокая лампочка, освещавшая место действия, взорвалась на тысячи осколков, и они остались стоять в темноте, покрытые кусочками разбитого стекла. Больной мужчина немедленно подумал, что, так как солнце и луна скрыли свой свет во время распятия Христа, это событие было знаком, что он, «спаситель мира», был несправедливо арестован. Но, ровно противоположным образом, синхронистичное событие несло адекватное сообщение, — оно предупреждало его против затемнения сознания (так электрическая лампочка символизирует эго сознание в отличие от солнца, которое — божество). Здесь мы ступаем на зыбкую почву. Хотя это событие возникло не в связи с активным воображением, сходные происшествия часто происходят при осуществлении активного воображения. Этот пример показывает нам, как мы можем сбиться с пути в этом «добровольном психозе». По этой причине алхимик Зосима справедливо предупреждает против демонов, которые могут привести в замешательство алхимическую работу. Здесь мы затрагиваем вопрос различия между активным воображением и магией, в особенности, чёрной магией. Как мы знаем, Юнг предостерегал против использования активного воображения, включающего живых людей. Оно может повлиять на них магически, а вся магия, включая «белую», обладает эффектом бумеранга по отношению к совершающему её человеку. Следовательно, в долгосрочной перспективе это саморазрушение. Тем не менее, я вспоминаю случай, в котором Юнг рекомендовал мне использовать его. У меня была пожилая женщина-анализанд, полностью захваченная своим анимусом; она больше не была чувствительна к психотерапевтическому воздействию и находилась на грани психотического эпизода. Юнг посоветовал мне поговорить с её анимусом в активном воображении. Такое действие могло бы помочь ей, но повредить мне; в любом случае мне следовало попробовать его как крайнее средство. И, на самом деле, это имело благоприятный эффект, а Юнг помог мне впоследствии с эффектом бумеранга. Однако я никогда более не осмелилась повторить этот эксперимент.

Связь между активным воображением и магией еле уловима. В случае магии всегда присутствует некое желание или страсть в связке с хорошим или деструктивным намерением. Я также была свидетелем того, как одержимость сильным анимусом или анимой препятствует людям в занятиях активным воображением. Она делает невозможной необходимую внутреннюю открытость. Практиковать активное воображение следует только лишь с целью узнать правду о самом себе. Но, на практике, часто закрадываются скрытые желания, и тогда человек впадает в *imaginatio fantastica* . Я вижу сходную опасность в связи с использованием оракула И-Цзин. Если не отказаться в начале от всех надежд на определённый результат, то часто оракул будет неверно интерпретирован. Также возможен противоположный вариант, когда в активном воображении ты слышишь или видишь «правильную вещь», но затем начинаешь сомневаться в её истинности. Часто от этого освобождаются, когда активное воображение принимает столько необычный поворот, что человек чувствует: «Я не смог бы придумать этого самостоятельно!»

Наконец, всё ещё есть завершающая фаза — применение в повседневной жизни того, что мы узнали в активном воображении. Я помню мужчину, который в активном воображении пообещал своей аниме, что он будет уделять ей десять минут в день. Он отнёсся к этому небрежно и получил невротический скверный нрав, который сохранялся до тех пор, пока он не осознал, что не сумел сдержать своё обещание. Но, конечно, это всё достигает своей полной реализации в анализе. Это «открытие реторты» в алхимии, что-то, что естественным образом происходит, когда человек достигает понимания предыдущего шага. Когда человек с этим не справляется, это всего лишь является знаком, что он или она не полностью завершили четвёртый этап, состоящий в моральной конфронтации.

Глава 3. Религиозное измерение анализа

«Наибольший интерес в моей работе —» — пишет Юнг, — «это не забота о лечении неврозов, но, скорее, подход к нуминозному. Но факт в том, что обращение к бессознательному — это и есть настоящая терапия, и в той мере, в какой ты получаешь нуминозный опыт, ты и избавлен от проклятия патологии. Даже сама болезнь приобретает нуминозный характер.»[18] В этой цитате сказано всё об огромной важности юнгианского анализа. Если невозможно установить отношения с нуминозным, то никакое лечение не возможно; большее, на что можно надеяться, это улучшение социальной адаптации. Но тогда что же остаётся делать аналитику? Юнг выражал своё мнение по этой теме в письме следующим образом:

Так как невроз — это проблема установки, а установка зависит от или укоренена в определённых «доминантах», говоря другими словами, первичных и высочайших идеях и принципах, проблема установки может быть названа религиозной.[19] Это подтверждается тем фактом, что в снах и фантазиях религиозные мотивы возникают с ясной целью регуляции установки и восстановления нарушенного равновесия. <…> Я наблюдал, например, что, как правило, когда «архетипические» содержания возникают внезапно в снах и пр., из них проистекают нуминозные и исцеляющие эффекты. Это первобытные физические впечатления, которые очень часто заново открывают пациенту доступ к религиозным истинам, которые до этого были блокированы. Я и сам пережил такой опыт. <…>

Так же как из-за предубеждений я могу сдержать или полностью остановить *influxus divinus* [влияние божественного], откуда бы оно не пришло, так же для меня возможно при помощи подходящего поведения приблизится к нему и, когда это произойдёт, принять его. Я не могу ничего форсировать; я могу только прикладывать усилия к тому, чтобы сделать всё, благоприятствующее этому, и ничего препятствующего. <…>

Что может затем произойти, но не обязательно произойдёт, — это некая разновидность спонтанного явления, возникающего из бессознательного, символом которого у алхимиков, Парацельса, Бёме и современных изучающих бессознательное является молния.[20]

С этой точки зрения, работа терапевта может состоять только в разрушении предубеждений и блоков, чтобы сделать возможным нуминозный опыт. (Это связано со старой теологической проблемой — является ли спасение результатом милости Божьей или же человеческих усилий; очевидно, что требуется и то, и другое.)

Способы избежать нуминозного довольно многочисленны. Я бы хотела представить здесь несколько тех, с которыми я сталкивалась. Первым является определённая экстравертная поверхностность. У пожилой женщины, которая никогда не задумывалась ни о чём, кроме любви, одежды, путешествий и т.п., был такой сон: она стояла на лестнице и собиралась смахнуть пыль с большого распятия. К её бесконечному ужасу Распятый внезапно открыл глаза и сказал: «Ты должна стирать с меня пыль немного чаще!» Сновидящая была католичкой и до этого момента удовлетворялась поверхностным блаженством внешних предписаний Церкви. Это сон впервые заставил её задуматься.

По большей части у современных людей встречается коллекция философских и рациональных-псевдонаучных предубеждений родом из девятнадцатого столетия, которые,

---

[18] C. G. Jung, letter to P. W. Martin, 20 August 1945.

[19] Jung, *Psychology and Religion* , CW 11, para 523, p. 341: «Исцеление может быть названо религиозной проблемой.»

[20] Jung, letter to Vera von Lier-Schmidt Ernsthause, 25 April, 1952.

на самом деле, уже были опровергнуты ведущими учёными нашего времени. Они приобрели эти идеи в свои школьные дни и из дешёвых журналистских аккаунтов: сны бессмысленны или являются выражениями сексуальных желаний; привидений не существует; к бессознательному надо прислушиваться, но оно не рассматривается на самом деле как реально существующее; не существует эффекта без рациональной постижимой причины; человеку только надо быть разумным, и всё остальное будет хорошо; если всё общество в порядке, то и всё будет в порядке, и т.д. Наряду с этим набором предрассудков самым худшим и распространённым является откровенное или подразумеваемое статистическое мышление: «Что я делаю, не имеет значения; я всего лишь одна песчинка среди миллионов других; моё существование — бессмысленная случайность.» Такое мировоззрение — настоящий и смертельный яд для души.

У аналитика есть слабая надежда избавиться от такого предубеждения при помощи дискуссии. Эту работу можно выполнить гораздо более эффективно — иногда быстро, иногда постепенно — с использованием снов пациента. Но важно для самого аналитика иметь связь с нуминозным и иметь веру в него, которая базируется на его собственном опыте; в противном случае он пропустит тот элемент в снах, который направлен непосредственно к нуминозному опыту, и вместо этого спроецирует на них свои собственные идеи о том, кем пациенту «следует» быть или что делать. Он будет автоматически склоняться к развитию примерно таких взглядов: один анализанд должен освободиться от своих родителей, другой анализанд должен быть менее интеллектуальным, а ещё один — более дисциплинированным, — и других подобных убеждений, основывающихся на каких-либо мнениях и предубеждениях, которые у него есть о нормальности. По этой причине аналитик должен повторять себе снова и снова «Я не знаю, чего Бог хочет от этого человека!» Всё, что он может делать, так это помогать пациенту лучше слышать, что его собственная психика нашёптывает ему.

Когда у меня была первая пациентка, страдающая от тяжёлого психоза, она медленно двигалась в направлении шизофренического эпизода как результата внешнего дуновения судьбы, и я сражалась с ней, чтобы это предотвратить. В этот момент Юнг, супервизирующий случай, убедительно сказал мне: «Как ты можешь так точно знать, что этой женщине не нужно пройти через подобный эпизод? Многих пациентов обогащают такие эпизоды. Тебе не следует пытаться разгадать секрет её судьбы; это всего лишь игра силы. Ты не знаешь, чего Бог хочет от неё!» Испуганная, я отпустила ситуацию и негласно ограничила интерпретацию её снов лишь максимально прямыми значениями. У анализанда неожиданно улучшилось состояние. Когда я поведала Юнгу об этом, он засмеялся и сказал: «Это то, на что я надеялся, но я не мог позволить тебе узнать об этом, в противном случае ты могла бы попытаться снова что-нибудь форсировать!» Это раз и навсегда излечило меня от чрезмерного юношеского подросткового энтузиазма.

В дополнение к интеллектуальным предубеждениям, по моему опыту есть и другая проблема, которая может возникнуть, — это когда у анализанда случается в высшей степени нумизнозный сон, но почему-то он оказывается не способен должным образом измениться под его действием, или даже сон вообще не затрагивает анализанда. Обычно в таком случае это проблема определённого состояния ущербности эроса. Часто случается так, что я оказываюсь глубоко затронута сном пациента, который его самого оставляет равнодушным и кажется ему очень прозаичным. Я поняла, что в таких случаях надо не скрывать моих собственных чувств, не скрывать, насколько я эмоционально затронута, но выражать это. По моему опыту такой подход всегда обладает позитивным эффектом.

У Юнга всегда была сильная эмоциональная реакция на сны. Он реагировал на сны, которые люди приносили ему, смехом, вскриками страха, плохим настроением или возбуждением, и часто его реакция служила триггером для пациента к осознанию того, о чём на самом деле был сон. За отсутствием реакции у анализанда, помимо эмоциональной слабости, часто скрывается скрытое предубеждение, что, в действительности, сны ничего не говорят о нём.

Одна из наиболее трудных ситуаций в моём опыте — это когда, казалось быть, бессознательное продуцирует только банальные сновидения, в которых нет ничего даже близкого к нуминозному. Однако часто можно увидеть за личным аспектом сна базовую архетипическую структуру. Это был особенный дар Юнга — способность распознать более глубокое архетипическое значение сна, который, с поверхностной точки зрения, банален. С другой стороны, мы временами должны быть более подозрительны к мифологическим снам, так как они могут базироваться всего лишь на чём-то, что пациент прочёл или на каком-то другом неаутентичном базисе.[21] Чрезвычайно красивые сны с мифологической структурой не всегда означают что-то особенно важное для сновидца. Вместо этого они могут отражать намерение части бессознательного привлечь внимание сновидца; говоря другими словами, они указывают, что в ближайший период времени внутреннее развитие должно иметь место при помощи встречи с бессознательным и снами.[22]

Банальные сны, напротив, показывают, что в активном состоянии также находится обычно пренебрегаемый скрытый под поверхностью личной повседневной действительности более глубокий смысл. Снова и снова люди впадают в защитную реакцию: «Это абсурд, глупый незначительный сон.» Юнг всегда говорил, что не бывает глупых снов, только глупые люди, которые их не понимают! Факт в том, что Самость, как кажется, также заботиться о деталях наших личных жизней. Бог предупредил в видении Эммануила Сведенборга не есть слишком много. Сведенборг был интуитивной личностью и поэтому в том, что основывается на функции ощущения, — сексуальности, еде и т.п., — был просто не сдержан. Т.о. достаточно типично для Самости проявляться в только этой области.

Одной моей пациентке приснилось, что голос свыше сказал ей, что ей нужен «корсет для завтрака». Подробные вопросы прояснили, что всё утро она праздно шатается, небрежно одетая в свой банный халат (до начала анализа она была алкоголиком) и надевает свой корсет и начинает день только в районе полудня. Мы часто вместе смеялись по поводу этого сна, и я периодически спрашивала её «Как идут дела с корсетом для завтрака?»

Для аналитика также особенно трудно подвести к *influxus divinus* теологов и клириков. Иногда они просто не «призваны» к своей профессии, и тогда аналитик уводит их обратно в мир. Однако гораздо более часто, хотя они и в самом деле изначально выбрали свою профессию из-за некой разновидности констелляции судьбы, они потеряли свою искреннюю веру в процессе и подменили её механическими фразами и формулами.

У монаха в процессе его анализа был потрясающий опыт Бога. Я спросила его, были бы его коллеги более испуганы, если они бы они испытали, как и он, реальность Бога на опыте или если бы они обнаружили, что Бога не существует. Он ответил: «Они были бы более испуганы реальностью Бога, так как то, что Он не существует, — это то, во что они почти все втайне верят.» Но даже этому анализанду мне впоследствии приходилось говорить: «Этот чёртов Бог, о котором ты всегда говоришь, действительно ли Он существует для тебя, и, если так, есть ли Ему что сказать о твоей текущей проблеме или нет»? Он продолжал возвращаться назад к своей старой псевдорелигиозности, где «Бог» хранился в комоде до следующей проповеди, а вопросы его жизни решались только при помощи эго.

К своему удивлению я встретила японского буддиста со сходной проблемой. У него с юности были значительные прозрения, и он стал учителем буддизма. Он страдал от язвы желудка, для которой, как казалось, не существовало предписанной диеты, которая могла бы помочь. Так что я сказала ему: «Спроси *dharma-kaya* [тело дхармы] в себе, что тебе нужно есть и что ещё тебе следует сделать, чтобы исцелить себя.» Он ошеломлённо уставился на меня; ничего подобного никогда не приходило ему в голову. Позднее он написал мне, что попробовал это сделать и исцелился. Он добавил: «Я вижу, что юнгианская психология

---

[21] Jung, *Letters* , vol. 2, p. 225.

[22] Jung, letter to Hermann Keyserling, 21 May 1927.

добавляет реальное основание к религии, которое мы потеряли.»

Эта потеря связи с эмпирическим базисом в вопросах религии часто является результатом слишком большого традиционализма. Поэтому Юнг указывает, что когда мы слишком концентрируется на историческом развитии христианства, мы можем упустить в нём нечто новое.

Нам нужна новая отправная точка, и она не может быть найдена без предоставления нового значения. Послание живо, только если оно создаёт новый смысл. <…> То, что Христос — это внутреннее я [человека], подразумевается в Евангелии, но вывод Христос = сущность никогда не был прямо высказан. Это и есть установление нового смысла, дальнейшая стадия в воплощении или актуализации Христа.[23]

Это то же самое, что случилась с упомянутым выше буддистом в виде присвоения нового смысла *dharmakaya* . Религиозное измерение в анализе — это ничто иное, как обнаружение нового смысла именно таким способом, которое иногда привносит уже существующие религиозные идеи обратно в жизнь и иногда трансформирует их.[24]

Это приводит меня к следующей проблеме, которая снова и снова возникает в анализе. Бессознательное «религиозно», то есть, говоря другими словами, оно является матрицей всего первичного религиозного опыта, но оно часто не «ортодоксально». То, что многие сны и видения выражают, иногда противоречит той или иной догме или религиозной моральной заповеди. Например, я встречала некоторое количество священников, чьи сны, казалось бы, выступали против соблюдения целибата. Однако когда позднее они оставляли жреческий сан, их сны говорили им, что они всё ещё священники некоторым невидимым образом. В конце концов, целибат — это всего лишь *regula moralis* [моральное правило], а не догма, и поэтому может быть когда-нибудь отменён. Должен быть соблюдён баланс между новшествами и следованием традиции. Юнг писал доминиканскому священнику Виктору Уайту:

Если вы пытаетесь буквально следовать доктрине [Католической Церкви], то вы будете отстраняться до тех пор, пока не останется никого, кто бы представлял её, за исключением трупов. Если, с другой стороны, Вы по-настоящему усвоите доктрину, Вы будете творчески выше неё посредством своего личного понимания и, таким образом, дадите ей жизнь. Жизнь большинства идей состоит в их противоречивой природе, например, Вы можете не соглашаться с ними, даже если признаёте их важность для большинства. Если Вы полностью согласны с ними, Вы с тем же успехом можете заменить себя граммофонной записью.[25]

Это означает, что если бессознательное призывает ходящего в церковь человека одобрить что-то, что вступает в конфликт с учением его вероисповедания, он должен перевести это в личный конфликт, в личный крест. В конце концов, это не он примет решение о конфликте, но *vox dei* [Глас Божий] внутри него, — раз уж его эго, со всеми его мнениями, pro и contra, умрёт на кресте. И как указывает Юнг: *extra ecclesiam nulla salus* (за пределами Церкви нет спасения), но милость Божья настигает нас даже по прошествии времени.[26]

Ещё более трудно, как мне кажется, помочь переориентироваться в направлении религиозного измерения человеку, который был настолько измучен религиозной обработкой,

---

[23] Jung, letter to Dorothee Hoch, 23 September 1952.

[24] См. Jung, CW 11, para 148: «Для понимания религиозных проблем, вероятно, всё что нам сегодня остаётся, так это психологический подход. Поэтому я беру эти мыслеформы, которые стали исторически зафиксированными, пытаюсь снова сделать их мягкими и отлить в формы непосредственного опыта.»

[25] Jung, letter to Father Victor White, 10 April 1954.

[26] См. Также Jung, CW 12, para 96.

что он выплеснул ребёнка вместе с водой и не хочет более иметь ничего общего с религией и рассматривает всё исключительно в светских терминах. Он не осознает этого, но нуминозное захватит человека исподтишка и сделает его одержимым сексуальным фантазиями или жадностью к деньгами, страстным стремлением к власти или наркотикам, политическим фанатизмом, говоря другими словами, он станет одержимым суррогатами богов. Так Юнг писал в «Психологии и религии», что, в конечном счёте, всё преобладающее и неизбежное может быть названо Богом,

за исключением тех случае, когда по свободно принятому этическому решению, человек преуспевает в выстраивании одновременно сильной и непреодолимой позиции против этого естественного явления. <…> Человек волен решать, должен ли «Бог» быть «духом» или естественным явлением, наподобие тоски морфиниста, и, следовательно, должен ли «Бог» действовать как милосердная или деструктивная сила.[27]

Суррогатные боги влекут за собой отсутствие свободы — одержимость. Т.о., мы должны окончательно решить, какому господину мы хотим служить: таким богам-заменителям или Богу, как он являет себя в нас, если мы предпринимаем максимально честное усилие к самопознанию. «Бог никогда не говорит с человеком кроме как внутри и через его душу, и душа понимает это, и мы воспринимаем это как нечто психическое. Любой, кто называет это психологизмом, отрицает глаз, который смотрит на солнце[28]»[29]

В наши дни у нас также время от времени бывают приходящие на анализ люди, которые выросли в той другой «церкви», марксизме, в том виде, в каком он был установлен восточнее «железного занавеса». Их трудности очень сходны с таковыми у любых последователей религии, претендующей на знание единственной истины. Что поражает меня больше всего в этих случаях, так это полное подавление феминного принципа и, соответственно, личных чувств — тошнотворное интеллектуальное чувство отчуждённости. При этом ослабляется способность к перестановке, к испытыванию смысла или значения. Также для этих людей все религиозные слова, вроде *Бог* , *душа* или *совесть* , настолько заклеймены позором, что лучше всего вообще не использовать их в разговоре с ними, но, скорее, нужно попробовать донести до них тот «новый смысл», который при помощи снов и в их терминах пытается выявить их душа. В определённом отношении у таких людей даже есть преимущество: они могут испытать религиозное измерение души с внезапной свежестью, необременёнными прошлым, без высокомерного чувства традиции, которое немедленно связывает их открытия с материалом из прошлого. Я надеюсь, что когда-нибудь во всех этих странах взрастёт чрезвычайно плодотворный урожай, как это происходит после наводнения.

Также как и большинство лечебных веществ является также ядами, у встречи с бессознательным также есть чрезвычайно опасная сторона. В самом деле, религии — это не только что-то конструктивное: нам достаточно только подумать о сжигании еретиков и ведьм, об опустошающем вторжении турок в Европу, достигшем самых ворот Вены, о сомнительной миссионерской активности, которая уничтожила туземные религиозные и культурные формы многих людей, лишая их их корней. Юнг пишет:

Религии не обязательно красивы или хороши. Они являются могучими проявлениями духа, и у нас нет власти обуздать дух. Конечно, великие катастрофы вроде землетрясений или пожаров более не убедительны для современного ума, но они нам не нужны. Есть гораздо более ужасные вещи, а именно человеческое безумие, великие ментальные

---

[27] Jung, CW 11, paras 142ff.

[28] Отсылка к Екклесиасту 11:7: «Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце» (прим. перев.)

[29] Цитируется в Jung, letter to Pastor Damour, 15 August, 1932.

инфекции, от которых мы в настоящее время бесспорно страдаем.[30]

В отдельных случаях мы можем увидеть в действии опасную сторону нуминозного в том явлении, что когда архетип подходит к порогу сознания, он развивает тенденцию очаровывать сознательное эго и заставляет прямо разыгрывать своё символическое содержание. Если человек не преуспевает в сохранении рассудка и отсутствии уныния, он становится одержимым и впадает в инфляцию. Если присутствует элемент шизофрении, он также может хорошо отыграть наиболее ужасные вещи. Т.о., например, шизофреник, работающий в саду психиатрической лечебницы, внезапно схватил маленькую дочь директора и отрезал ей голову. Он объяснил, что голос Святого Духа приказал ему сделать это. Если бы он понял этот голос символически, то его значение было бы в том, что ему нужно пожертвовать своей собственной чрезмерной детскостью. Конкретное отыгрывание непреодолимых архетипических содержаний — это величайшая опасность, сопровождающая нуминозный опыт. В случаях подобных этому одержал победу демонический аспект нуминозного. Шанс на обнаружение нового смысла и эффективного лечения потерян. Одержимость всегда также означает и фанатизм. Человек обладает и воплощает собой единственную истину и чувствует себя вправе подавлять всё остальное. Только понимание психологического смысла может защитить нас от этой опасности. Богословы, представляющие религиозную «воинствующую» позицию, рассматривают это как неприемлемую релятивизацию правды их веры. Однако дело не в этом. Когда происходит первичный религиозный опыт, для того, у кого он случается, он является абсолютным. Однако если в то же самое время он воспримет этот опыт как личное открытие смысла, он примет, что Бог, или *numinosum* , может также проявлять себя в тысячах других форм, что, в конце концов, это что-то неведомое, что проявляет себя только через фильтр человеческой психики, где оно говорит с нами в терминах образов и мифологических форм. Что оно представляет собой «внутри себя», однако, мы не можем знать, по крайней мере, не в этой жизни. По этой причине такой человек никогда не будет желать проповедовать свой опыт как универсальную истину.

Это и есть смысл притчи Иисуса, в которой человек находит скрытое в поле сокровище, прячет его там снова, затем продаёт всё, что имеет, чтобы приобрести поле (Матф. 13:44). Человек, имевший настоящий религиозный опыт, хранит его скрытым в своём сердце и не кричит об этом с кафедры. Возможно, он может поговорить об этом с другими людьми, испытавшими нечто сходное, зная, что то, что он пережил, это нечто, что Бог открыл ему, но мог выразить другим также и в полностью другой форме или с полностью другим содержанием. Таким образом возникает достаточно естественно глубокий благоговейный страх по отношению к *religio* другого человека (если это истинно), и нет нужды атаковать его. Только человек, который сомневается в себе, чувствует себя вынужденным победить так много других почитателей, как это возможно, чтобы заглушить своё собственное сомнение. Поэтому Юнг указывает на то, что религиозный опыт приносит свои собственные доказательства с собой, даже если в то же самое время эго, несмотря на опыт, никогда не перестанет сомневаться в том, что поняло этот опыт корректно. «Я, со своей стороны», — говорит Юнг, — «предпочитаю драгоценный дар сомнения, по той причине что оно не нарушает непорочность вещей за пределами нашего кругозора.»[31] Такая позиция остаётся свежей и открытой к даже более обширным внутренним впечатлениям.

Когда нуминозный, исцеляющий опыт возникает в процессе анализа, это обязанность аналитика помочь избежать возможных негативных последствий, одержимости и инфляции. Они обычно возникают, когда эго или моральная способность (чувство) анализанда ослаблены. Сны дают необходимый базис для предотвращения таких эффектов. Иногда

---

[30] Jung, letter to Leslic Hollingsworth, 21 April 1934.

[31] Jung, CW 12, para. 8.

также пациент оказывается неспособен понять свой опыт, однако это легче исправить.

Из-за большого количества возможных конкретных форм, которые может принимать глубоко затрагивающий, нуминозный (включая религиозный) опыт, трудно о нём делать общие выводы. По этой причине Юнг сконцентрировался в своих работах на описании некоторых общих тенденций, которые он наблюдал как у самого себя, так и у своих многочисленных пациентов. Это по большей части те «течения» в коллективном бессознательном, что мы способны наблюдать, с одной стороны, во всё ещё официально христианском западном мире и, с другой, в его нерелигиозных рационалистичных научных теориях. Компенсаторное «течение» в коллективном бессознательном нашей культуры особенно часто проявляется в мифологических содержаниях, которые напоминают алхимический символизм. Алхимическая мифология кажется имеющей особенное отношение к 4-м проблемам: (1) поднятие статуса индивида по отношению к однообразию масс; (2) повышение значимости феминного принципа или эроса (как у женщин, так и у мужчин); (3) проблема зла; (4) примирение противоположностей в фундаментальных психических структурах человека.

Поднятие статуса индивида проявляется в опыте призвания напрямую Богом; или в снах, когда человек в состоянии определить курс мира или в чём-то подобном. В качестве примера — следующий сон молодого американца.

Я прогуливаюсь по тому, что называется Палисад[32] с которого открывается вид на весь Нью-Йорк. Я иду вместе с женской фигурой, неизвестной мне; нас обоих ведёт человек, являющийся нашим проводником. Нью-Йорк весь превратился в груду щебня, — весь мир, как мы его знаем, был разрушен. Вежде горят пожары; тысячи людей бегут бесцельно во всех направлениях. Гудзон затопил большую часть города. Смеркается. Огненные болиды в небе со свистом летят в направлении земли. Это конец света.

Причина происходящего в том, что раса исполинов пришла из дальнего космоса. Я видел двух из них, сидящих посреди обломков, небрежно зачерпывающих пригоршней людей раз за разом, поедая их, как будто виноград. Это было ужасное зрелище. Исполины были разных форм и размеров. Наш проводник объяснил нам, что эти исполины прибыли с разных планет, где они жили вместе в мире. Они высадились в летающих тарелках (это и были болиды). Земля, которую мы знали, была задумана этими исполинами. Они «выращивали» нашу цивилизацию подобно тому, как выращивают овощи в теплице. Теперь они пришли за урожаем. Для этого была особая причина, которую я узнал только позднее.

Я был в безопасности, потому что у меня было слегка повышенное кровяное давление. Если бы оно было нормальным или слишком высоким, я был бы съеден. Т.о., я был избран, чтобы пройти это испытание огнём, и, если я пройду его успешно, мне будет позволено также спасти другие души. Затем я увидел перед собой огромный золотой трон, сияющий как солнце. На нём сидели король и королева исполинов. Они были виновны в разрушении нашей планеты.

Моё испытание, помимо мучений от происходящего, состояло в необходимости вскарабкаться по ступеням трона к точке, откуда я смог бы взглянуть королю и королеве в лицо. Это произошло в несколько этапов. Я начал восхождение. Оно было долгим, но я знал, что судьба мира и человечества зависит от этого. Затем я проснулся весь в поту. После того, как я проснулся, я осознал, что разрушение Земли было свадебным пиром для короля и королевы.

Мотив вторжения исполинов, которые разрушают всё, напоминает нам о библейской Книге Еноха, где сказано, что ангелы влюбились в человеческих женщин и с ними положили начало расе исполинов, которые грозили всему уничтожением. В то же самое время ангелы научили человечество многим новым искусствам. Как Юнг интерпретировал это, здесь имеет место хаотическое вторжение в человеческое сознание содержаний коллективного

[32] Палисад (англ. Palisades) — вертикальные базальтовые скалы на реке Гудзон (прим. переводчика).

бессознательного.[33] Исполины являются воплощением результирующей инфляции, поднявшими важность человечества на «исполинский» уровень при помощи чрезмерно быстрого развития технологического знания. Но это негативное развитие имеет скрытое позитивное значение: оно призывает индивида предпринять трудное восхождение к более высокой осознанности, к индвидиуации.

Такой сон легко может быть неправильно понят как выражение мании величия, однако на самом деле это не был случай сновидца. Напротив, наивысшая функция сна состоит в помощи сновидцу в осознании, что всё зависит только от него, что все внешние усилия — например, политические или любые другие коллективные усилия — не могут спасти мир от положения, от которого он, подобно всем нам, страдает. Также ясно представлены перенесение повышенного значения на феминный принцип и объединение противоположностей.

Объединение противоположностей природы и разума, света и тьмы часто представлено в современное время в странном изменении образа Христа во внутренних видениях и снах. Например, Христос предстаёт с копытами наподобие древнего Пана или сделанным из металла вроде Меркурия, фигуры-спасителя в алхимии. Только с добавлениями деталей вроде этих Христос может функционировать как полный символ Самости для современных людей. Такие мотивы в снах также указывают, что бессознательное кажется не заинтересованным в уничтожении нашей христианской культурной традиции, но скорее в творческом развитии её дальше.

Алхимическая литература представляет собой хаос, в котором мы находим большое количество чепухи и, в то же самое время, наиболее важные, бесконечно индивидуально различные религиозные символы. Юнг сделал задачей своей жизни отыскать в этом хаосе при помощи изматывающей детальной работы наиболее важные и значительные базовые мотивы и собрать их вместе подобно кусочкам паззла. Наилучшее резюме того, о чём здесь идёт речь, мы находим в его введении в «Психологию и алхимию».[34] Здесь показано, что продукция символов в алхимии компенсаторно связана с христианским учением с его односторонней патриархальной ориентацией.

Исторический сдвиг в мировом сознании в сторону мужского компенсируется в первую очередь хтонической женственностью бессознательного. Действительно, некоторые дохристианские религии дифференцировали мужской принцип в форме диады «Отец — Сын», что должно было иметь крайне важное значение для христианства. Если бы бессознательное было просто дополнительным, это сдвиг сознания сопровождался бы акцентированием на Матери и Дочери. <…> Но, как показывает алхимия, бессознательное выбрало скорее тип «Кибела — Аттис» в форме prima materia и filius macrocosmi[35]. <…> Это показывает, что бессознательное совершает акт не просто противоположный сознанию, но изменяет его в манере оппонента или партнёра. <…> Так высшее, духовное, мужское вошло в низкое, земное, женское; и, соответственно, Мать, которая противостояла миру Отца, приспособила себя к мужскому принципу и <…> произвела Сына — не антитезу Христа, но его хтонического двойника, не божественного человека, а мифическое существо, единосущее с природой Праматери. <…>

Этот ответ Матери-мира показывает, что пропасть между ней и Отцом-миром не является непреодолимой, поскольку бессознательное содержит зёрна обоих.[36] Сущность

---

[33] Jung, *“Answer to Job* ”, CW 11, para 669f.

[34] Jung, CW 12, paras. 26–30.

[35] Сын макрокосма (лат.) — прим. перев.

[36] Emphasis mine.

сознания состоит в способности к различению; оно должно, если будет осознавать вещи, разделять противоположности, и оно делает это *contra naturam* . В природе противоположности сходятся <…>;, и то же самое наличествует в бессознательном и, в частности, в архетипе единства, Самости. Здесь, как в божестве, противоположности снимаются.

Алхимия то и дело обеспечивает базис для проекции архетипов, которые не могут быть органично сделаны частью христианского процесса.[37]

Нечто, что возникает как фундаментальная особенность алхимического символизма, — это повышенное значение женского принципа, и эта особенность также присуща большому количеству нуминозных опытов индивидов в современной западной культуре. Юнг, как мы знаем, был воодушевлён выпущенным Папой Пием XII «Declaratio Assumption Maruae» («Догмат о Взятии Пресвятой Девы Марии в небесную славу»), который он назвал наиболее важным событием в духовной истории нашего времени. Большинство людей не могут этого увидеть, несмотря на тот факт, что конфликт по поводу целибата священников, движения феминизма и природы женщины и феминного вышли на повестку дня. Они не способны увидеть, что был активирован архетип богини. Они переходят к обсуждению юридических, социологических и политических вопросов и к некому подобию без восприятия действующего нуминозного. В снах, напротив, нуминозное часто становится достаточно явно различимым как признаки надвигающейся бури под рябью на поверхности.

Женщина-протестантка, прочитавшая статью в газете *о Declaratio solemnis* [Торжественном Объявлении] Папы, но не придавшая этому значения, увидела следующий сон. Она прогуливается по мосту в Цюрихе в направлении общественной площади, где она видит большую толпу народа. Кто-то объясняет ей, что здесь скоро произойдёт Вознесение Девы Марии. Она видит деревянную платформу с поразительно красивой обнажённой чёрной женщиной, стоящей на ней. Чёрная женщина поднимает свои руки и медленно возносится к небесам.

Что в этом сне кажется не каноничным, так это обнажённость. Таким образом бессознательное подчёркивает то, на что Declaratio только намекало, — важность тела. Образ не противоречит новой догме, но развивает её следствия дальше.

Женщина-католик, также не придавшая важности *Declaratio* , во сне видела женщин-священников, которые не разрешены в Церкви. В этом случае также бессознательное до мелочей продумало дальнейшие следствия *Declaratio* . Согласно *Declaratio* Дева Мария входит в небесный брачный чертог. Это указывает на дальнейшее развитие, святую свадьбу в загробной жизни.

Сегодня мы сталкиваемся с практически, или даже полностью, неразрешимой проблемой, касающейся вопроса о том, как относиться к злу. В большинстве нехристианских религий (за исключением буддизма) боги (или высшие силы) настолько же деструктивны, как и добры. Греко-римский мир и поздний иудаизм (в полных мудрости книгах Старого Завета) односторонне укрепляют тенденцию рассматривать Бога как *summum bonum* [высшее благо] и исключать зло из его сферы. Кульминация наступает в схоластическом учении о том, что зло не существует само по себе, но представляет собой только *privati boni* , недостаток или отсутствие добра. Такая разновидность психологической односторонности просто взывает к компенсаторной обратной тяге. Христос предвидел это, когда указывал на приход Антихриста. Как описывает Юнг, преимущественно в своих работах «Айон» и «Ответ Иову», начиная примерно с 1000 года, в период, соответствующий второй рыбе эры Рыб,[38] это движение в противоположном направлении постепенно прогрессировало,

---

[37] Jung, CW 12, paras. 26–30.

[38] Точка зрения астрологической традиции, к которой Юнг временами обращается, состоит в том, что эра Рыб состоит из двух периодов по тысяче лет каждый. Астрологический символ Рыб состоит из двух рыб, каждая из которых, как заявлено, отвечает за одно из двух тысячелетий.

подрывая христианское учение шаг за шагом. В наши дни, как он говорит на эту тему в своей последней работе (в главе «Поздние мысли» своих воспоминаний):

Вопрос, поднятый в своё время гностиками, — откуда явилось зло? — остался без ответа, и осторожное предположение Оригена о возможном искуплении дьявола назвали ересью. Сегодня этот вопрос поставлен снова, а мы стоим, смущённые и растерянные, не в состоянии уяснить, что никакой миф нас не спасёт, хотя мы нуждаемся в нём как никогда. Мы страшимся политических потрясений; пугающие, я бы сказал дьявольские, успехи науки вселяют в нас ужас и порождают тяжёлые предчувствия. Но мы не видим выхода, и только немногие понимают, что единственное наше спасение — в давно забытой *человеческой душе* .[39]

Юнг рассматривал современную кульминацию зла как типичную для исторических катастроф, которые имеют тенденцию сопровождать великие переходы от одной эры к другой, в нашем случае конец эры Рыб и начало эры Водолея. В действительности мы даже находимся под угрозой полного исчезновения жизни на нашей земле, как постепенной, вследствие разрушения окружающей среды, так и по причине глобальной войны. Ухудшение криминогенной обстановки, возникновение холокостов и т.д., являются первым предупреждением. Все говорят об этих проблемах в наши дни, и никто не знает, что должно быть сделано. Апеллировать к разуму — значит остаться неуслышанным. Как показывает цитата выше, у Юнга также не было простого ответа, но он был убеждён, что каждый человек, который берёт на себя обязательства договориться со злом в себе, сделает больший вклад в спасение мира, нежели любые идеалистичные внешние манипуляции. Здесь мы говорим о большем, нежели просто понимание личной тени; мы говорим также о борьбе с тёмной стороной Бога (или Самости), с которой человек не может столкнуться лицом к лицу, хотя и должен, как сделал Иов.

Мифу в конечном счёте придётся прийти к монотеизму, отказавшись от деизма, официально отвергнутого, но и поныне хранящего верность некоему вечному тёмного антагонисту всемогущего бога. <…> Лишь таким образом бог может сохранить целостность и единство. Ведь природа символов такова, что они способны соединять противоположности, чтобы те не противоречили друг другу, а, напротив, дополняли один одного и придавали жизни смысл, поэтому неоднозначность представлений о боге-Природе и боге-Творце уже не выглядит столь затруднительной. Более того, миф о неизбежном вочеловечивании бога, составляющий основу христианского учения, теперь может быть истолкован как творческая борьба противоположностей в человеке, их синтез в самости, индивидуальной целостности. В сознании личности присутствует уже не прежняя оппозиция «бог» — «человек» — она преодолена, противоречия заключены в самом богообразе. И это станет смыслом «богослужения» — свет, возникающий из тьмы, Творец, осознающий своё творение, и человек, осознающий самого себя.[40]

Поэтому абсолютное зло также представляет божественную тайну, также некую форму опыта нуминозного, даже проблески которого оставляют нас безмолвными. Когда однажды студенты Юнга спросили его, можно ли избежать третьей (и, вероятно, наиболее устрашающей) мировой войны, он ответил, что это зависит от того, как много людей смогут примирить противоположности внутри себя.

В анализе мы часто сталкивается со снами о глобальной катастрофе (подобно тому, что описана выше); поэтому нам не следует сходу отвергать возможность того, что бессознательное, т.е., сама природа, стремится к уничтожению человечества. Юнг принимал в расчёт такую возможность, но его оптимизм давал ему надежду, что мы можем быть

---

[39] Jung, *Memories, Dreams, Reflections* , pp. 333–334.

[40] Ibid., p. 338.

способны всего лишь с трудом выжить в критический момент и избегнуть полного уничтожения земли.

В письме он зашёл настолько далеко, что сказал: «Отказ от божественного, как кажется, универсально понимается как наибольший и самый основной грех».[41] Однако он указывает в другом месте в том же письме, что нет ничего, что не могло бы быть в то или иное время названо злом, и поэтому добро и зло — это только относительные человеческие оценочные суждения. Критический момент всегда в том, является или нет человек сознательным в отношении своего конфликта и проживает ли его сознательно; но человеку не следует впадать в иллюзию, что даже таким образом зло устраняется. Юнг указывает, что

> мы не знаем, есть ли больше добра, чем зла, или является ли добро сильнее. Мы можем только надеяться, что добро будет господствовать. Если добро идентифицируется с конструктивностью, с тенденцией к сознанию, тогда есть некоторая вероятность, что жизнь будет продолжаться в более или менее приемлемой форме; но если бы превалировало деструктивное, мир несомненно довёл бы себя до смерти уже очень давно. <…> Отсюда и оптимистичное предположение психотерапии, что сознательная реализация подчёркивает добро более чем уводит в тень зло. Становление сознательным объединяет противоположности и таким образом создаёт высшее третье.[42]

Так как зло — это, по большей части, отступление от божественного, это также означает, что повторные отступления такого рода неизбежны, и конфликт между поворотом спиной к божественному и поворотом лицом к нему является долгосрочным, если даже не продолжительностью во всю жизнь. Образ распятия является поэтому вечной правдой, и поэтому также аналитик не обещает пациенту счастья, но может только освободить его от невротической стагнации в его жизни, но не от его подлинного страдания.

Я сама больше ничего не могу сказать об этой проблеме, кроме того, что мог сказать Юнг, за исключением того, что в моей работе я видела, что как минимум в индивидуальных случаях проблема зла может быть иногда (не всегда!) разрешена с Божьей помощью (то есть это Бог, противостоящий Богу!). Когда такой успех случается, это чудо, и один из наиболее глубоко затрагивающих опытов нуминозного. В религиозном образе божества, другими словами, Самости, оппозиции сосуществуют вместе; однако они не объединяются сознательно. Такое может произойти только с сознательными людьми, у которых обе стороны Самости, добро и зло, вместе работают в направлении воплощения. В воплощённой форме обе стороны ослабляются и смягчаются и, таким образом, при посредничестве человеческого сознания, способны установить контакт. Самоосознание или развитие сознания является, таким образом, ключевым фактором.

Четвёртая тема, которая постоянно возникает в снах современных людей, это *coniunctio* . Как это ясно из всего нашего обсуждения до этого, она неразрывно связана с уже упомянутыми тремя мотивами. Она возникает в снах американцев о необходимости порождения королевского *coniunctio* , в *Declaratio* Папы (Дева Мария входит в брачный чертог для свадьбы с Ангцем) и как ответ на проблему зла. Поверхность рябит, что выражается в виде постоянной дискуссии о сексуальности и отношениях между мужчиной и женщиной и указывает на штормовые волны в бессознательном. Однако продукты бессознательного связаны с чем-то, что лежит значительно глубже, с *unio mystica* с Самостью, которое переживается как объединение космических противоположностей. Оно [unio mystica] связано с отношением между мужчиной и женщиной постольку, поскольку все серьёзные любовные отношения более глубокого сорта в конечном счёте служат взаимной индивидуации, процессу, при помощи которого каждый партнёр становится цельным. Оно также очевидно является смыслом брака, воспринятого как таинство. Но это нечто, что

---

[41] Jung, letter to Rev. H. L. Philp, 11 June 1957.

[42] Jung, letter to Helene Kiener, 14 May 1955.

констеллируется не только в браке, но также и в любых любовных отношениях, которые принимаются как обязательство. Этот опыт невозможно передать в сухих словах. Юнг в своих воспоминаниях описывал видение этого, которое он имел, когда приближался к смерти.[43] Но его можно найти у Мейстера Экхарта и в работах других мистиков, часто на языке Песней Соломона. Это тот опыт, которые освобождает человека в космическое пространство. В символизме алхимии это центральный мотив *coniunctio solis et lunae* и всех других противоположностей.[44] Юнг посвятил свою великую работу поздних лет этому символу,[45] устно указывая, что он всё ещё обладает настолько большим значением, что он не может его выразить. Всего несколько человек в наши дни испытали такой уровень индивидуации, но *coniunctio* также движущий мотив, лежащий глубже как кратковременного поверхностного развития сознания, так и любого более глубокого анализа, в котором оно впервые проявится как проблема переноса и контрпереноса.

Так как у большинства современных людей до сих пор нет понимания такого опыта, Юнга в невыгодном свете представляли как мистика, пророка, основателя религии, и всё это со смущением «ненаучных» коннотаций. Если бы этих коннотаций не было, я бы даже частично согласилась с первыми двумя описаниями, потому что великая тайна христианской традиции (но также и даосизма и дзен-мастеров на востоке и святых в исламе) говорит, как и он, о первичном личном опыте нуминозного. И пророки (без негативных коннотаций) — это были люди, кто получил инсайты в архетипические предпосылки ситуации в их время в первичном опыте, который сделал их способными предвидеть будущие духовные развития и предупреждать против неверного понимания их времени. Третьим, основателем религии, Юнг никогда не был и никогда не хотел быть. Когда его студенты под давлением внешнего мира (преимущественно со стороны людей, регулирующих законы) организовали профессиональную ассоциацию, Юнг с большой неохотой согласился на это. Для него абсолютом было то, что разум должен быть свободен, чтобы следовать своим вдохновениям, которые не могут быть разлиты по бутылкам или законсервированы. Если мы ищем исторические параллели, то юнгианскую психологию наиболее точно можно сравнить с оригинальным даосизмом в Китае, мудростью, которая охватывает всю человеческую жизнь. Даосы также позднее собрались в организованные общества, но из-за этого они потеряли в значительной мере глубину понимания Пути (Дао), как указывал Лао-цзы или Чжуан-цзы. В сходстве даосов с алхимией мы находим другую параллель между двумя мирами.

Из-за их интереса к естественным наукам даосы не были отвергнуты маоистами, и здесь тоже есть некоторая параллель. Суть здесь в том, что это не вся правда, что юнгианская психология «не научна», как часто можно услышать. Многие её аспекты, вроде архетипов и их влияния, теории снов и понимания комплексов, определённо могут быть смело проверены «твёрдыми» методами естественных наук. И только исцеляющий опыт смысла, встреча с нуминозным из-за их развития и творческой уникальности, не могут быть схвачены статистическими методами. Они могут быть доказаны, только если ты напрямую им подвергнешься. И, более того, как указывал Юнг, даже тогда, хотя нечто может произойти, оно не обязательно произойдёт. В противном случае действие божественного принципа не было бы свободным; оно было бы связано законами природы. Но с точки зрения его сущностно творческой природы это не кажется основным. Юнг зашёл настолько далеко, что сказал, что творческое воображение является «единственным первичным явлением доступным нам, настоящее Основание психики, единственная непосредственная

[43] Jung, *Memories, Dreams, Reflections* , p. 294f.

[44] Превосходный пример есть в *Aurora Consurgens* , III, в «Mysterium Coniunctionis».

[45] Jung, CW 14.

реальность».[46] Это божественный принцип сам по себе. И этот символ творческой спонтанности бессознательного в конце концов стоит за созданием любой религии.

При образовании великих религий в первую очередь всегда есть коллективная дезориентация, которая констеллируется везде как подавляющий упорядочивающий принцип в бессознательном (коллективная жажда спасения). Пророк, за пределами критических нужд времени, опознаёт внутренним зрением спасительный паттерн в коллективном бессознательном и выражает его в символе. <…> Когда ситуация меняется, нужна новая «правда»; поэтому правда всегда относится к конкретной ситуации. <…> До тех пор пока символ является правдой и таким образом освобождающим ответом на ситуацию, связанную с ним, он является правдой и валидным, в действительности, «абсолютным». Если ситуация меняется, а символ остаётся неизменным, он становится не более чем идолом с обедняющим и опустошающим эффектом, так как он просто делает нас неосознанными без обеспечения любым прояснением или просвещением. <…> Символ — это учение, идол — это бред. <…>

Символу требуется человек для его эволюции, но он растёт вне его, поэтому он называется «Богом», потому что выражает психическое положение дел или фактор, который сильнее, чем эго.

Затем Самость перехватывает лидерство и таким образом освобождает эго от его чувства бессилия. Из факторов, только грубо описанных здесь, становится ясно, что для Юнга нуминозное, символический опыт, есть всё, это единственное значимое измерение аналитического процесса.

Глава 4. Религиозное или магическое отношение к бессознательному

В ограниченных условиях невозможно описать ход даже короткого анализа таким образом, чтобы представить все тонкости снов, процесса трансформации и их взаимосвязей. Поэтому я ограничусь тем, что выделю только одну проблему, которая играла важную роль в анализе сновидицы и вокруг которой вследствие этого вращались её наиболее важные сны. Эта проблема может описана как противостояние «религиозной» и «магической» установки по отношению к бессознательному. К. Г. Юнг пишет:

Религия является особой установкой человеческого ума, которую мы можем определить в соответствии с изначальным использованием понятия «religio», т.е., внимательное рассмотрение, наблюдение за некими динамическими факторами, понятыми как «силы»: духи, демоны, боги, законы, идеи, идеалы — и все прочие названия, данные человеком подобным факторам, обнаруженным им в своём мире в качестве могущественных, опасных; либо способных оказать такую помощь, что с ними нужно считаться; либо достаточно величественных, прекрасных, осмысленных, чтобы благоговейно любить их и преклоняться перед ними.[47]

Такая разновидность тщательного внимания предполагает определённое скромное, честное и простое отношение сознания к нуминозному, позиция, которая, однако, для многих людей потребует слишком больших усилий. При её отсутствии человек часто находит уместной одержимую и бессознательную установку эго по отношению к нуминозному, из которой возникает отношение к бессознательному, которое может быть описано как «магическое». Мне следует попытаться выразить более точное впечатление о том, что в это вовлечено, при помощи представленных в этом эссе снов.

Снова и снова на всех уровнях общества встречаются люди, у которых бессознательное

---

[46] Cf. Jung, “Psychology of Transference”

[47] C. G. Jung, *Psychology and Religion* , cw 11, p. 8.

фатально сильно констеллировано в экстраординарной мере, что выражается в изобилии нагруженных аффектами архетипических образов. Опасность быть перегруженным бессознательным в таких случаях всегда неочевидна, но она часто может быть отражена при помощи творческого структурирования наступающих содержаний. Сны таких людей часто сами по себе ясно настаивают на этой возможности структурирования, и человеку нередко напоминают о множестве старых традиций, которые говорят о боге, демоне или духе, требующих, чтобы индивид выполнил определённые специфические работы, чтобы услужить ему. Это требование часто сопровождается угрозой наказания через физическое или ментальное заболевание или даже смерть, которое последует, если человек не послушается.

Но почему часто происходит так, что человек неспособен выполнить такое задание? Почему каждое психологическое развитие, каждый дальнейший шаг сознания всегда предусматривает этическое решение, которое должно быть принято на краю пропасти? Легко осуждать людей, но здесь вовлечены не поддающиеся точному описанию факторы, о которых мы можем не знать. В отдельных случаях сны часто могут дать нам непрямые указания на то, в чём проблема.

Следующие сны принадлежат 43-летней незамужней учительнице грамматики из Штирии в Австрии. Она начала свой анализ в своём родном городе, однако он был неуспешен, вследствие недостатка мифологических знаний у её аналитика, в то время как её сны содержали практически исключительно архетипический материал. Продолжающиеся мигрени без физической причины и один особый симптом привели её к тому, чтобы пойти на этот первый анализ. Этот особенный симптом состоял в том, что когда её ученики доводили её до определённой точки, она испускала устрашающий крик, похожий на крик животного, который действительно немедленно заставлял детей замолчать, однако её ужасало, что нечто настолько тёмное и дикое исходит из неё. Когда она разыскала меня на своих каникулах, она была в состоянии чрезвычайного истощения и в то же самое время переполнена видениями и снами, которые угрожали всецело поглотить её. В действительности первым делом нужно было позаботиться о восстановлении её физического состояния, но от требований бессознательного больше нельзя было отгораживаться. Я только надеялась, что сны сами укажут путь выхода из того, что практически с самого начала казалось невозможной ситуацией. Первый сон был таков.

Появление Ангела [48]

Я нахожусь в заключении в большой крепости, которая частично образована естественной породой. Мы находимся в задней части крепости; кажется, передняя часть является действующим храмом, поэтому наше заключение имеет какое-то отношение к религии. Со мной мой дед и моя сестра Агата. Комната с каменными стенами, в которой мы находимся, расположена в верхней части крепости. Сейчас ночь. Передо мной вырисовывается отверстие в скале. За ним на всём протяжении пути течёт многоводный поток, образуя в итоге широкий водопад. Я рада этому зрелищу, которое оказывает освобождающее действие на меня.

Я ищу место для сна. Скала слишком твёрдая и неровная. Там есть каменная лестница, которая спускается далеко вниз. Я спускаюсь вниз на несколько ступеней, так что я могу лечь там. Кромешная тьма, камень холодный и влажный, и я замерзаю.

Я встаю и иду немного дальше. Там есть вторая, деревянная, лестница, которая ведёт во внутреннюю комнату, где находятся мои сестра и дедушка. Нам, Агате и мне, нужно идти дальше вниз вследствие естественной потребности. Я прошу нашего деда составить нам компанию, чтобы он мог защитить нас. На мне тёмный красно-коричневый домашний халат, ткань которого начинает сбиваться на спине. Так как мне холодно, я спрашиваю дедушку, нужен ли ему другой халат; если нет, то я бы надела и его тоже. Я задаю этот вопрос с

[48] Сновидица сама, без моего влияния, дала своим снам названия, когда записала их для меня.

нежностью и тёплой заботой о нём. Он отвечает, что я безусловно должна взять халат; он ему не нужен.

Мы идём через большую, пустую комнату. Затем мы входим в спальню моей матери. За занавеской находится ночной горшок. Дедушка сопровождает к нему Агату, так что с ней ничего не случится. Затем они возвращаются, и туда иду я.

В горшке находится использованная гигиеническая прокладка моего деда. Он не выкинул её, поэтому можно видеть, что ему также нужны гигиенические прокладки. Это как если бы гигиеническая прокладка принадлежала мне. Самое неловкое в том, что мне приходится её убрать, однако я намереваюсь сделать это в том же духе любви, в котором я до этого предложила ему халат.

За то время, что я провела за занавеской, появилась большая, красивая женщина.

Я выхожу. В месте, где был ночной горшок, теперь находится женщина в постели, которую я использовала для сна, когда была ребёнком (в той же самой комнате моей матери). У женщины сейчас я вижу только прекрасное ангельское лицо в окружении благоухающей, очень лёгкой дымки. Это подобно видению. Она говорит, что не понимает, как всё работает (это достижение или трансформация). Рядом с ней возникает достаточно маленькая фигура святого и позади неё ангел, который ведёт и направляет её. Обе фигуры полны цвета и состоят из множества мелких частей, подобно фигурам в церковных витражах. Я смотрю на это видение и понимаю! Я говорю, что я знаю. (Мелькает мысль: под руководством ангела!)

В этот момент моего деда охватывает тошнота. Он как будто бы поднялся из кровати моей матери. Он сидит перед ней, опираясь на прикроватную тумбочку. Плача, он говорит, что должен умереть, и добавляет: «Я никогда не думал, что это будет наша последняя прогулка вместе». Я подхожу к нему с большой нежностью и отправляю Агату за доктором. Больше всего я бы хотела преклонить колени и обнять его. Я глажу его лицо и целую его прямо в рот с красными губами.

Сновидица родом из крестьянской среды и осиротела в возрасте шести лет. Её отец трагически погиб на войне, а мать умерла вскоре после этого. Маленькую девочку взяли к себе родственники, но не было никого, с кем она была бы близка. Все её чувства были обращены к самке собаки, к которой она часто прижималась, чтобы ощутить тепло. Её сёстры также были взяты родственниками, но в другое место. Сестра Агата, появляющаяся во сне, задолго до того умерла от карциномы. Дедушка, также появляющийся во сне, тоже умер много лет назад, так что на самом деле здесь сновидица, направляемая двумя духами мёртвых, проходит некею, спуск в глубины бессознательного. В этих «духах» нетрудно распознать тень и анимус в терминах юнгианской психологии; иными словами, сестра представляет тёмную, неизвестную сторону эго, а дедушка — бессознательную духовную установку в отношении бессознательного.

Крепость или имеющее религиозное значение отверстие в скале — это известный архетипический символ, выражающий неизбежность становления собой, мучение абсолютной направленности личности внутрь самой себя, каковая теперь очевидно становится необходимой. Этот мотив напоминает инкубационные камеры Асклепия и других богов врачевания или *katoche* в античности, то есть то «заключение», которое также рассматривалось как одержимость, иными словами, состояние полного подчинения хтоническому богу[49]. Люди входили в эту тюрьму, чтобы получить инициацию в тайный божественный культ через свои сновидения.[50]

Поток — часть этого образа. Как С. А. Meier показывает в своей книге *Der Traum als*

---

49 Об этом также см. Мария-Луиза фон Франц «Золотой осёл Апулея», гл. 12 (прим. пер.).

50 См. также моё обсуждение in *The Passion ofPerpetua* (Dallas: Spring Publications, 1980), pp. i6ff.

Medizin (Сон как лекарство),[51] ручьи или искусственные потоки были обнаружены во всех местах, связанных с целительством, или около них. Он говорит:

Вода в целом играет могущественную роль в ритуалах Асклепия. Эти источники и бассейны никогда не были минеральными или термальными. По аналогии со змеёй Асклепия, скорее всего, они просто сначала принадлежали ему как хтоническому богу, а потом из-за своей связи с богом и стали *hagiasma* (исцеляющим источником). Все хтонические боги (*dii chthonii*) рядом с посвящённым им местом имели источник (*pege*); <…> даже христианские преемники древних богов исцеления, святые, которые совершали чудеса исцеления, почти все имели источник в своих церквях.[52]

Купание в этих источниках было равносильно очищению и даже содержало в себе элемент крещения как внутреннего возрождения и coniunctio, другими словами, внутреннее достижение единства и целостности.[53]

Психологически образ источника означает, что в глубинах бессознательного может быть заново открыт поток жизни. Жив ли человек или чахнет подобно мёртвому — дело, в конце концов, субъективного психического ощущения, которое зависит от того, двигается ли человек в потоке бессознательной психической энергии или же отрезан от него.

Сновидица замерзает. Она неподходящим образом одета в свой изношенный домашний халат. Её установка в отношении бессознательного пренебрежительна, не достаточно «тепла» и поэтому неадекватна. Поэтому она одалживает халат деда; другими словами, она пытается перенять его отношение к бессознательному. Об этом давно умершем отце её матери она знала только, что он прибегал к «чёрной магии» и что люди собирались в его доме по ночам, чтобы вызвать дьявола: «Люди часто слышали, как дьявол гремел цепями». И сама сновидица очень интересовалась такими вещами. Она читала работы Элифаса Леви и очевидно была очень сильно впечатлена ими. Однако — и в этом была опасность — она не намеревалась особо говорить об этом. Дедушка явно служил персонификацией этого «грязного» отношения к глубинным силам, которое нужно было очистить. Он появляется как гермафродит, символ целостности, есть даже что-то уродливое в нём,[54] так как в нём в единое целое объединяются два элемента ещё до того, как они будут должным образом поляризованы, — это случай всё ещё противостоящих друг другу противоположностей, а не новый coniunctio oppositorum.

Фигура деда содержит в себе фактически главную проблему сновидицы: сознание и бессознательное, эго и «другой» находятся друг с другом в контакте неправильным образом внутри неё, образом, который может быть описан скорее как магический, нежели религиозный. Первый включает частичную одержимость бессознательным, которое в сне выражается тем фактом, что маг-дедушка ассимилировал аспект феминности, который в действительности принадлежит эго. Привлекая это феминное на свою сторону, анимус как бессознательный магический дух занимает главенствующую позицию, и, как результат, не просто доминирует над эго сновидицы, но и в таких случаях женщина может более не понимать, она ли или её анимус чувствует что-то или верит во что-то: мнения анимуса дают точно такое же внутреннее ощущение, как и её собственные. Кроме того, феминное чувство и маскулинный тайный расчёт и планирование неподобающим образом смешиваются.

Если есть часть эго, ассимилированная бессознательным, то возникает некая

---

[51] C. A. Meier, *Der Traum als Medizin* (Zurich: Daimon, 1985).

[52] Meier, *Der Traum als Medizin,* p. 78.

[53] Ibid., p. 84.

[54] См Юнг “Психология переноса”. Главнейшая роль, которую играет гермафродит в алхимии, связана с “нечистым” смешением материи и бессознательной психики, нечто, о чём алхимики не волновались.

разновидность неясной идентификации с последним, которая в случае сновидицы проявляется как значительная степень ясновидения и провозглашаемые медиумические способности. Благодаря этому, однако, затем легко развивается втайне высокомерное, высосанное из пальца ложное чувство собственной важности и ложное же «знание» в отношении бессознательного. Это знание основано на одержимости, другими словами, на внеличностном «знании» бессознательного, на его неопределённости. Как доказал Юнг, бессознательное обладает определённым диффузным качеством сознания,[55] и в случае захваченности бессознательным комплексом оно [бессознательное] естественным образом становится частично доступным для эго. Это действительно несёт в себе определённые возможности ясновидения, но только ценой чёткого разграничения поля сознания или недостаточной ясности чувств. В нашем случае это второе из двух. Сновидица была странным образом не уверена в своих чувствах и очень непостоянна — её сердце снова и снова подчинялось диктату холодного, недоверчивого расчёта, другими словами, дедушке-магу. Соответственно, в своей жизни она постоянно влюблялась в холодных, расчётливых мужчин, которые злоупотребляли её способностью любить и не давали ей того, в чём она более всего нуждалась после своего несчастливого детства — искренних тепла и чувств.

Загаженность туалета в спальне её матери указывает именно на такой неблагодарный сексуальный опыт. Однако именно здесь также рождается Самость — *in stercore invenitur* (среди экскрементов)![56] Спальня матери, где сновидица пришла в мир и жила сначала, символизирует внутренний источник происхождения и сферу феминных инстинктов. Когда сновидица решает создать там место чистоты, возникает «большая, красивая женщина», образ Самости, как указывал Юнг, иначе говоря, персонификация более высокой, более объемлющей личности и внутренней целостности. Эта «красивая женщина» появляется на свет в том месте, где и сама сновидица пришла в мир — месте, пронизанном тайной возникновения человека.

Но эта великая внутренняя фигура ничего не знает о своём собственном происхождении; у неё есть такая же большая потребность в эго, как и у эго в ней, чтобы стать сознательными по отношению к самим себе. Эго подобно глазу Самости, и только оно может видеть и испытывать то, как зарождается Самость. Оно видит это в следующем образе из сна в виде двух объединённых фигур: ангела, ведущего святого.

Фигура святого повторяет мотив «красивой, большой женщины», представляя снова индивидуализированную религиозную личность, которой сновидица может стать, если подчинится предводительству ангела. Образ ангела — посланника божественного — проясняется в более позднем сне, в котором величественная фигура церемониально провозглашает: «Бессознательное облекается в форму ангела». Т.о., ангел — это сама тайна бессознательного, божественная мистерия исконной земли души или психики. Сновидица должна позволить ему руководить собой.

То, что эти фигуры имеют вид мозаичного оконного стекла, указывает на мотив «объединённой души», Самости как многогранного единства, единения множества внешних и внутренних элементов.[57] В этот момент становится ясно, что сон сейчас требует от сновидицы скромного религиозного отношения, и поэтому именно в этот момент дух мага в ней испытывает смертельную тошноту, так как две установки несовместимы. Маг овладевает бессознательным и использует его и ведёт себя так, как будто при помощи своего знания он обладает над ним полным контролем, тогда как на самом деле, в лучшем случае, как и все остальные, он способен постичь всего несколько интуитивно воспринятых символических

---

[55] Jung, CW 8, pp. i89ff.

[56] *In stercore invenitur* : “ discovered amid excrement.”

[57] См. Юнг “Дух Меркурий” cw 13.

связей.

В то же время в целом ситуация сновидицы остаётся очень тревожной. Её истощение затрудняет пробуждение надежды, и даже записывание стремительного потока образов из сновидений часто слишком трудно для неё. Однако после ряда более личных снов пришёл сон, который, казалось, дал мне знак о том, как действовать дальше.

Часто можно услышать в психологических кругах мнение, что когда есть опасность затопления бессознательным, аналитик должен принять меры по его подавлению или же меры, которые хотя бы не будут стимулировать бессознательное. По моему опыту, это не всегда необходимо, так как часто само бессознательное показывает нам путь установления контроля над ним, если человек правильно понимает тонкое значение снов; и способ, предложенный самим бессознательным, чаще всего для анализанда более убедителен, нежели всё, что аналитик может предпринять по своей инициативе. В нашем случае возник следующий сон.

Источник

Я стою в пустыне. Они копают в поисках воды. Мужчина копает при помощи лопаты. Он выглядит очень знающим и значимым, своего рода «профессор». Ещё один, кажется, работает снизу вверх. Неожиданно они оба сталкиваются, и всё заканчивается тем, что они лежат друг на друге лицом к лицу. Это выглядит довольно забавно. У того, кто снизу, какая-то разновидность железного лица или маски, и кажется, что те, кто снизу и сверху, поменялись местами. Внезапно ситуация полностью меняется, — должен быть очень быстро ликвидирован переизбыток воды, чтобы предотвратить наводнение и в то же самое время направить воду в город Рим. Много чернокожих работает под руководством профессора. Появляется моя подруга Альберта с милым зелёным контейнером, и мы помогаем вычерпывать воду. Профессор подгоняет нас и однажды в шутку бьёт меня по попе палкой. Но затем профессор отсылает меня, — я должна лежать в кровати и отдыхать. В то же время другие продолжат работать на меня.

Этот сон сразу дал мне полезный практический сигнал. Я посоветовала сновидице, как и сказано во сне, просто лежать всё время в кровати и вставать только на короткое время для сессий анализа. В остальном я просто продолжала интерпретировать её сны в соответствии с обычными принципами. Это решение показало свою пользу; поток снов подошёл к концу без того, чтобы сновидица свалилась от болезни или потеряла связь с бессознательным. Долгие часы в постели обеспечили ей хороший отдых и привели в мирное, медитативное настроение. Как я узнала только впоследствии, под влиянием своего деспотично послушного долгу анимуса, она постоянно силой склоняла себя к чрезмерным усилиям; таким образом этот отдых в кровати был также неожиданно очень полезным в деле освобождения от этого вызванного анимусом чрезмерного напряжения.

Кроме того, этот сон мне кажется впечатляющим, практически классическим воплощением таинственного процесса, который возникает, когда аспект бессознательного становится сознательным.

Дело в том, что мы «объясняем» бессознательное с помощью символов и концепций, которые и сами произошли из всё той же первоосновы — *ignotum per ignotius* ,[58] как говорят алхимики и на что неоднократно указывал Юнг. Символические образы, которые поднимаются из бессознательного, по самой своей сути относятся к материалу, который также преимущественно бессознателен,[59] и поэтому «каждая интерпретация остаётся гипотетической».[60] Каждая интерпретация — это только «приближенное описание и

---

58 *Ignotum per ignotius* : “ the unknown by the more unknown.”

59 См. C. G. Jung and C. Kerenyi, *Einfiihrung in das Wesen der Mythologie* (Zurich: Rhein-Verlag, 1951), p. 113.

60 Ibid.

характеристика бессознательного зерна смысла»,[61] и таким образом сама по себе «новое облачение мифа». Однако этот процесс должен быть осуществлён, чтобы сохранить контакт культурного сознания с инстинктивной почвой бессознательного.15 «Профессор» очевидно представляет собой интеллектуальный подход, который пытается усвоить содержания бессознательного (тогда как человек в железной маске олицетворяет дух глубин, порождённый мифом). Временное переключение ролей с одной стороны показывает естественную близость этих двоих, но, с другой, это также может быть интерпретировано с точки зрения опасности магии. Если дух бессознательного поглотит интерпретирующий дух, результатом будет высокомерно-мистическая псевдо-интерпретация и интуитивно двусмысленное «провозглашение» «нового» мифа. Такого рода вещи в последнее время были в почёте у многих студентов, изучающих мифологию, так же как и у полу-мистических «движений», игнорирующих сознательный человеческий подход и сознательный человеческий способ смотреть на вещи. Разница между профессором и духом состоит именно в том факте, что один из них человек, а другой частично не человек.

Даже в академической среде исследователей мифологии сегодня развивается тенденция в очередной раз позволить символам говорить самим за себя, порождая больше символов без какой либо связи с фундаментальными аспектами глубинной психологии. Я имею в виду такие исследования, как в *Symbolon* или в журнале *Antaios* Мирчи Элиаде, J. Schwabe и др. Эти исследования рискуют потерять себя в неограниченной амплификации, в которой практически всё является практически всем и в то же самое время ничем. Чего не хватает, так это определённых рамок и Архимедовой точки опоры за пределами символической системы. Этими рамками может быть только отдельный человек, так как это именно в его или её душе возникают символы. Поэтому мне кажется, что исследование символов, которое не учитывает психологию бессознательного, является бессмысленным занятием. Оно обязательно приводит к том, что исследователь оказывается одержим символами, становится холодным и хаотичным вследствие утраты индивидуального человека как «фундаментального структурирующего элемента» для материала.

Кроме того, сегодня новые Розенкрейцеры, антропософские и «магические» движения стремятся вернуть жизнеспособность наших отношений с символом без учёта глубинной психологии — которую они отвергают — потому что это позволяет им интуитивно и интеллектуально играть с этими содержаниями без каких-либо личных последствий.

Сновидица симпатизировала такому подходу к символам, потому что в этом случае она могла бежать от страданий её реальной жизни в мифический мир магии, где не надо принимать никаких этических решений или каких-либо вообще решений, если уж на то пошло. Она равнодушно относилась к моим попытками относить все толкования сновидений к текущему состоянию её собственной жизни, и временное превосходство, полученное человеком с железным лицом, показывает, что она иногда позволяет себе индульгировать в своих аффектах и образах. Но, слава богу, в её сне преимущество было только временным, и «профессор» был в состоянии снова занять господствующее положение.

Тем не менее, затем у нас появляется угроза затопления бессознательным, содержания которого, как сон говорит нам, должны быть направлены «в город Рим», другими словами, в религиозный внутренний центр.[62] Это не эго предназначено наслаждаться восторгом от этого вырвавшегося из глубин богатства; скорее это внутренний центр, Самость, будет оживлён им.

У сновидицы есть ассоциация с чернокожими — «работать как негр», и это именно то,

---

[61] Ibid., p. 114.
15 . Ibid., p. 115.

[62] Согласно ассоциации сновидицы, именно это Рим значит для неё. Она на самом деле никогда не была в Риме.

что они делают во сне. Они подчиняются профессору и воплощают собой ещё раз ту простую скромную преданность внутреннему миру, которая всегда вызывается добросовестной, серьёзной работой над собой, работой, в которой ищется не только интуитивное дуновение содержаний бессознательного, но и интеграция их в их основополагающем виде.

Но наиболее важным символом в этом наборе связей является симпатичный зелёный контейнер, который подруга сновидицы, Альберта, использует для вычерпывания воды. Сновидица относится к интровертному интуитивному типу,[63] и её ощущение, другими словами, её функция реальности, была — как это часто случается в подобных случаях — примитивно интенсивной, но при этом ограниченной и обособленной и функционировала автономно. Таким образом, у неё были хорошие отношения, даже слишком хорошие, с вопросами денег и одежды, но она пренебрегала своим телом, когда нужно было есть и спать, и она никогда не обустраивала комфортно своё жильё. То, как с трудом и нерешительно обычно действует подчинённая функция по отношению к внешнему, особенно ценно в отношениях с бессознательным, потому что она по-прежнему обладает той примитивной стихийностью, которая полезна в усвоении содержаний бессознательного. Человек, который приносит контейнер, Альберта, также указывает это направление, так как она, согласно сновидице, простая, «реалистичная» женщина. Среди прочего, контейнер отсылает нас к символизму Святого Грааля[64] и представляет Самость в её функции высшего феминного символа, того элемента психики, который способен к постижению божественного принципа. Таким образом, сновидице было ясно сказано привести её эго в состояние медитативного спокойствия и затем позволить чему-то простому и естественному в ней спонтанно доносить до неё содержания бессознательного.

Человек в железной маске или с железным лицом, безусловно, заслуживает более внимательного рассмотрения. Это архетипический мотив, который можно найти как в алхимии, так и в сказке братьев Гримм «Железный Ганс». Как человек из железа, он появляется в алхимии как персонификация Марса или Ареса, и он рассматривался учеником Парацельса Адамом фон Боденштайном как *natura prima rerum* (первичная природа вещей), в то время как Руландус связывал его с Археусом Парацельса, который, как показал Юнг, является персонификацией бессознательного.[65] Согласно Руландусу Арес является формообразователем идивидуума, другими словами, как говорит Юнг, *the principium individuationis sensu strictiori* (принцип индивидуации в строгом смысле).[66] Парацельс описывает его в своей *De vita longa* следующим образом:

Он исходит от звезды, от *corpora supracoelestia* , ибо свойства и природа наднебесных тел таковы, что они прямо из ничего производят телесную фантазию (*Imaginationem corporalem*), принимаемую нами за плотное тело. Такого рода Арес: случись кому, скажем, подумать о волке, волк и появляется. Этот мир подобен созданиям, сложенным из четырёх элементов. Из элементов возникают вещи, совсем непохожие на свои первоистоки, но тем не менее Арес всё это носит в себе.

Таким образом Арес возникает (как Юнг говорит в интерпретации этого фрагмента) как предсознательная творческая формообразующая сила. Johannes Braceschius von Brixen, примерно современник Парацельса, уподобляет Ареса Демогоргону, говоря, что он предшественник всех языческих богов. «Он бог земли, ужасный бог, а также железо».

---

[63] Здесь я предполагаю знакомство с типологией Юнга, см. “Психологические типы”.

[64] См. Эмма Юнг и Мария-Луиза фон Франц “Легенда о святом Граале”.

[65] См. Юнг “Парацельс как духовный феномен”.

[66] The principle of individuation in the strict sense.

Астрологически Марс представляет естественные побуждения и аффективность людей.[67] Их приручение и преобразование в философский камень и является целью алхимической работы.

В случае сновидицы также сильные эмоции и аффекты были констеллированы за застенчивой, мягкой наружностью. Это была не в последнюю очередь, как мы увидим в связи со следующими снами, проблема, связанная с творчеством. Мощная творческая сила её «Ареса» была связана с магией, также как мы находим это ясно выраженным в цитате из Парацельса.

В «Железном Гансе» мы находим сходную фигуру. Там он скрытый в водоёме «дикий человек» или демон, который на самом деле является старым королём, связанным заклинанием и ждущим спасения. В лесу он обладает источником, который окрашивает в золото всё, что погружено в него. Как «старый король» он представляет духовный принцип, который ранее был у власти, но тем или иным образом был свергнут с престола и понижен до уровня злого природного духа. Здесь есть связь не только с алхимией, но также и с дохристианскими германскими религиозными традициями и в особенности с Вотаном. Как хранитель золотого источника, однако, Железный Ганс является также волшебным духом природы в смысле алхимической философии природы, *deus absconditus* (незримый бог) материи.[68] В состоянии до своего спасения, будучи железным демоном, однако, он также представляет дикую варварскую агрессию и эмоциональность; поэтому не удивительно, что в течение Второй мировой войны сновидица развила национал-социалистические взгляды, которые, однако, она не проявляла внешне, — слава богу, это не пошло дальше, чем лёгкая симпатия.

Этот демон, очевидно, связан с симптомом (криком) сновидицы, который был несомненно автономным прорывом дикости. После того как я обсудила эти связи с ней и подняла их на уровень сознания, пришёл сон, в котором кабан во дворе за школой испускал громогласный рёв. Появился охотник и застрелил кабана, и сновидица затем увидела, что живот мёртвого зверя испускал странное золотистое сияние. Это напоминает нам о вепре Вотана — Гуллинбурсти. Исходя из того факта, что симптом крика ни разу не появился снова после возвращения сновидицы домой, надо полагать, что этот сон представляет защиту от автономного аффективного прорыва после того, как духовно-религиозный аспекта человека в железной маске и другие связанные содержания были подняты в сознание сновидицы. Такие мотивы сновидений также показывают, однако, что магическая, языческая религия и ложные политические доктрины современной эры скрытым образом напрямую связаны с неинтегрированными религиозными содержаниями, и что старый Вотан, как охотник, железный человек, кабан и т.д., всё ещё обитает в психическом фоне людей германского происхождения.

Зелёный сосуд, который своим цветом связан с функцией ощущения,[69] указывает, что для сновидицы было необходимо интегрировать наступающий поток бессознательного материала при помощи практических, реальных мер — чего-то, что шло вразрез с её характером, так как она предпочла бы злоупотреблять этим потоком, получая благодаря нему восторженное, интуитивное состояние ума. У неё было ярко выраженное презрение ко всем скромным, простым жизненным проблемам, и она всегда хотела вести себя как ёжик из известной северо-германской сказки, который бежал наперегонки с зайцем. Ёжик помещал свою жену на финише, и когда заяц без сил добегал туда, она насмешливо кричала «Я уже тут!».

---

[67] Jung, CW 13, para. 176.

[68] See H. von Beit, *Symbolik des Marchens* (Symbolism of Fairy Tales).

[69] Зелёный цвет, как цвет земной поверхности, обычно связан с функцией ощущения.

Это способ, которым любят себя вести интуитивные типы: он разделяет себя на две части, и одной частью себя, своей интуицией, он уже на финише, забывая, что другой своей половиной он всё ещё сидит на корточках в пыли на старте или находится всего в нескольких ярдах по ходу!

Эта проблема была проиллюстрирована последующим сном, который из-за своей сложности и длины я сокращу в частях 1 и 3.

1. Сначала сновидица видит много животных, подвергающихся пыткам, будучи привязанными к тяжёлой военной машине и вынужденными тащить её. Затем она пытается вместе с одной из своих сестёр, которая представляет её реалистичную тень, спасти бутерброд с ветчиной от кошки. Она берёт и бутерброд, и кошку на кухню, где неизвестная женщина, её сестра, она сама и кошка занимают места за столом. Позднее она интересуется, возможно ли, что её сон не следует публиковать.

Эта часть сна сначала показывает, насколько сновидица подавляет свои природные инстинкты, а затем даёт решение проблемы: формирование группы из четырёх как символ целостности её личности. Три дальнейшие части сна последовали в ту же ночь.

1. Я на корабле, где очень дружелюбный экипаж. Мы описываем кривую вокруг скалы. Люди, которые пришли слишком поздно, следуют за нами на плоту. Мы останавливаемся у берега, чтобы взять их на борт. Нам нужно подождать немного, чтобы сделать это. Затем мы продолжаем плавание по суше абсолютно нормальным образом — корабль был оборудован для этого. <…> Затем мы снова возвращаемся обратно, в воду.

Мы скользим по воде. Ночь. Затем мы видим на скале справа от нас что - то странное и таинственное: у скальной стены есть уступ примерно на середине высоты. На нём стоят птицы, разделённые на 2 группы по 3 или 4 каждая. Они размером с человека, стоят прямо подобно людям и носят человеческие маски и парики. Белые парики и белые лица в одной группе, чёрные на другой стороне. На их телах можно увидеть очертания птиц: крылья и т.д. На одной стороне у них также есть белое на крыльях, на другой они чёрные. <…> Мы смотрим на них в изумлении. Настроение таинственности пронизывает сцену. Птицы гримасничают, болтают и поют друг другу как будто человеческими голосами и с соответствующими энергичными жестами и мимикой. Это выглядит неземным, подобно мистерии. Я говорю моей соседке: «Теперь меня более не удивляет, что люди изобрели театр; они узнали его от животных (от природы)!»

Моя соседка (гораздо темнее, чем я) внезапно говорит «Кыш!» Птицы встрепенулись и заметили нас, затем внезапно обратились в настоящих птиц и улетели от нас, неземные, при этом совершая широкие взмахи крыльями. Они не хотят, чтобы их видели за этой игрой. Это «кыш!» было оскорбительным.

1. После сеанса анализа, на котором сновидица пыталась принизить ошибку, оговорку, которую она сделала, она должна отправиться на некий корабль, и теперь следует типичный мучительный сон, в котором она снова и снова торопится и снова и снова опаздывает. Сначала она задерживается по вине женщины, гладящей бельё, которая, однако, удивительным образом обновляет её бельё при помощи магии, а затем с кучей одежды, которую она тщательно рассматривает; потом женщина-аналитик, которая сопровождает её, дружелюбно приветствует простую женщину, которую это делает очень счастливой, тогда как сновидица расстроена потерей времени. Далее сновидица встречает служанку, которую аналитик находит неприятной, и, наконец, следуя совету этой девушки, сновидица теряется в лабиринте железнодорожных путей.

Всё это время она знает, что этим вечером ей действительно нужно пойти на вечеринку, — вот о чём говорит спешка. На железнодорожной станции она приходит на «наклонный уровень» и соскальзывает с него на снег и лёд и бродит в дальнейшем среди путей и лестниц. Повествование сновидицы продолжается:

В конце концов я прихожу к двери в скале. Я открываю её, и я смотрю на пещеру в скале, в задней части которой особенная, значительная вода вытекает из могучего источника, который находится за пределами моего поля зрения. Это своего рода чудо природы. Пещера

охраняется женщиной. Она думает, что я пришла осмотреть пещеру, но я говорю, что у меня нет времени, я должна идти на корабль. Она сопровождает меня, чтобы показать мне путь. Впереди у нас ещё значительный подъём вверх; затем мы стоим на погрузочной площадке корабля. Паромщик стоит там, давая информацию: река замёрзла, но лёд взломан. Я спрашиваю, идёт ли корабль в О.[70] Он говорит, что да, и объясняет, что лёд был сломан, чтобы сделать возможным отправление. Я спрашиваю, есть ли другое судно. Он говорит, что следующее не отправится до восьми часов,[71] и что это будет полицейский корабль,[72] но он думает, что они могли бы взять меня на борт. Однако я смогу добраться только до Т. и должна буду дойти до О.; таким образом, я прибуду слишком поздно, и ночью это место закрыто. Время приближается к полуночи, и люди говорят, что после 12 часов строго запрещено находиться на улице.[73] Так что у меня нет другого выхода кроме как позвонить в О., сказать им, что я не приду, и затем поискать здесь место, чтобы остановиться. Это сочельник, и я должна провести ночь в «Дармштадте!»

1. Мой брат довёл до ума небольшой проект ручной работы, который представляет что-то значимое, `— символический проект. Женщина держит его в своих руках и даёт ему объяснения. Там есть маленькие этажи или уровни, и на каждом из них есть особенная выставка. Как часть своих объяснений она произносит предложение на итальянском, а затем продолжает торжественным тоном: «Бессознательное затем принимает форму ангела. <…>». На следующем уровне расположен большой нож с обёрнутой рукояткой, скреплённой в середине. Женщина продолжает: «Бессознательное — это то убежище, которое не разрезать, ни разломать!»[74]

Конец первой части сна, которая приносит идею о публикации сновидений, как мне кажется, представляет попытку части бессознательного предложить идею сновидице воспользоваться богатым источником внутренних образов как автору. Эта тема затем дальше развивается во второй части, где речь идёт о лицедействе птиц. Этот образ говорит сам за себя и особенно хорошо показывает, как наши художественные вдохновения в конечном счёте возникают из нашей бессознательной природы, а не из нашего эго, как мы это часто себе представляем. Корабль — это настоящая дионисийская «машина», и в этой художественной сфере жизни использование интуиции, которая поможет переплыть через все препятствия, поставленные реальностью, действительно к месту. С другой стороны, люди на плоту, которые должны были ждать, являются «отсталыми» элементами личности сновидицы, и ёж по-прежнему сидит на стартовой линии. Эта внутренняя реалистичная сторона беспокоит птиц своим вульгарным «кыш». Это воплощение таких соображений как «за писательство не платят», «это так утомительно», «никто не будет этого читать», «это пустая трата времени» и т.д. Это то, при помощи чего сновидица неоднократно душила свои творческие порывы. Тем не менее она была довольно успешна с различными короткими рождественскими пьесами, которые она написала для своих учеников, но творческая

---

[70] Место, где сновидица жила в процессе анализа.

[71] 8 — это цифра, которая указывает на целостность.

[72] Полицейский корабль = моральный надзор!

[73] Полночь, как “ведьминский час”, здесь представляет опасность.

[74] Рассказ сновидицы здесь содержит слова, которые на самом деле не существуют в немецком языке, но всё равно несут некоторое значение. Эти слова, *zickt* и *zermessert* , были определены как «разрезать» и «разломать». Надо отметить, что оба немецких псевдослова начинаются с резкого звука ts буквы z. (прим. переводчика англ. изд.)

деятельность всегда должна сопровождаться религиозной установкой,[75] без расчёта на успех или денежную прибыль — как «птицы небесные» делают это — а ограниченный теневой элемент постоянно препятствовал ей в этом.

Вот почему этот «реалистичный» теневой элемент представляет собой тему третьей части сна и появляется там как в позитивном аспекте, как женщина, занятая глажкой, и простая женщина, так и в деструктивной форме, как служанка, которая отправляет сновидицу в хаос путей и «наклонного уровня» и подрывает её доверие к аналитику. Однако эта часть также показывает, как она находит путь к источнику в глубинах, который охраняется персонификацией Самости. Но она не хочет оставаться там и ищет место для «вечеринки»[76] — остановку после многочисленных блужданий в своих глубинах, для которой сновидица использует слово «Дармштадт» и ассоциирует его с «кишками» и «городом», то есть, это «город внутренностей».[77] Так Рождество, святой праздник рождения Бога, происходит в тёмной пещере тела, в месте эмоций, в её собственных внутренностях.[78] Тогда на сцену выходит творческий ремесленник, а потом ещё и другая почтенная женская фигура, образ Самости, который предупреждает сновидицу не препарировать интеллектуально бессознательное, но придать ему форму *religiose* в безыскусных и скромных одеждах (как делает ремесленник).

Творческая проблема, от которой она всегда уклонялась под предлогом нехватки времени или усталости, была выражена ещё более чётко, когда в последующем сне сновидица обнаружила автора Карла М. спящим в туалете. Туалет является местом «творческого» производства, и в целом символизм экскрементов часто указывает в снах на творческие проблемы. Это играет особенно важную роль для шизофреников, так как, как часто указывал Юнг, в конце концов случай шизофрении можно вылечить лишь в той мере, в какой возможно привести пациента к творческому структурированию тех содержаний, которые угнетают его. Нас нельзя подтолкнуть к такому виду творчества из-за амбиций и жажды материальных успехов. Быть творческим человеком в этом роде можно только «ради Бога».

Rene Gardi описывает в своей прекрасной книге *Sepik* , как коренные жители того региона[79] организовывали строительство дома. Сначала «светские» строители приступают к работе, и будущим владельцам больше не позволено входить в дом. Затем наступает очередь художников, которые составляют своего рода жреческий класс, и они оформляют тотемные столбы с образами духов и богов в центре дома, после чего, наконец, дом освещается другими священниками, которые совершают ритуалы. Только на четвёртой стадии владелец входит в дом. Здесь становится ясно, что искусство как изначальный психический феномен выполняет религиозную задачу и представляет аспект этого «тщательного принятия во внимание трансцендентных сил», которое соответствует песнопениям, молитвам и ритуалам

---

[75] Здесь используется форма religiose — форма наречия латинского слова religio, означающего «добросовестность, скрупулёзность, точность». Это был ключевой термин для Юнга. Две короткие цитаты могут служить определением и дать понимание того, что этот термин значил для него: «… исходное значение слова religio — это тщательное наблюдение и принятие во внимание … нуминозного». И ещё: «Но к счастью у человека есть religio, другими словами, он тщательно принимает во внимание свой опыт». CW 11, pp. 596, 43. (прим. переводчика англ. изд.)

[76] Ассоциацией сновидицы с “вечеринкой” было Рождество.

[77] Название этого главного немецкого города может быть буквально переведено как “город внутренностей”, так что в действительности это не искажение названия. (прим. переводчика англ. изд.)

[78] В тантра йоге это соответствует огненному центру, манипуре.

[79] Сепик — это река в Папуа — Новой Гвинее (прим. пер.).

священников. Предоставление формы духам является «священной задачей», и это должно быть сделано ради них самих (духов), а не по вкусу или настроению художника.[80]

Именно искусство созидательного творчества требует бессознательное от сознания во многих подобных случаях; бессознательное требует выполнить работу ради неё самой, даже если мир никогда не увидит конечного результата. Но это предполагает щедрое отношение, не социальные амбиции неопределившейся служанки, а самоотверженную любовь ремесленника. Это также не работает без принятия того, что я назвала «творческим разочарованием». Даже самый талантливый человек должен постоянно смиряться с тем, что по сравнению с тем, что он видит внутренним взором, конечный продукт, несмотря на всю любовь и преданность, которые могли быть заложены в его создание, к сожалению, представляет собой лишь несовершенное воплощение. Многие люди, однако, не могут принять этого разочарования. Они не готовы пожертвовать красочностью своего внутреннего видения. Они не готовы отлучить себя от него, и поэтому они не приходят к смирению, которое в силу своей наивности способно приступить к творчеству. По моему опыту это связано с тайной инфляцией, которая препятствует творчеству аналогично тому, как «магическая» установка блокирует *religio* , — по сути, это та же самая проблема. Эго чрезмерно раздуто, и Самость оторвана от него, и поэтому эго не может служить бессознательному в качестве положительной контрпозиции. В основном мы не хотим принимать свою жизнь как глупую, наивную и беспомощную, как в действительности есть, когда мы сталкиваемся с явлениями бессознательного, и мы не намерены начинать там, где всё начинается, с *religio* — с тщательного принятия во внимание нуминозного ради нас самих.

Следующий сон откровенно это выражает.

Кухня ведьмы

1. Цюрихское озеро, очень красивое и красочное — большой город, расположившийся на северном берегу — там же странный, сказочный замок возвышается — изображение снова пропадает.

2. Двое молодых людей, которые обручены и хотят поженится, бродят вокруг. <…> Молодой человек просит меня написать письмо его любимому отцу и спросить разрешения жениться на ней. Я беру на себя ответственность и составляю это письмо, но потом я уже не уверена на его счёт, потому что юноша ставит меня в неловкое положение и потому что задача слишком смущающая, поэтому я читаю письмо двум молодым девушкам, чтобы узнать их точку зрения. Они несколько презрительно улыбаются друг другу на мой счёт и придерживаются мнения, что это в самом деле не моё дело. Письмо принято, но я также говорю, что молодой человек мог бы написать его и самостоятельно. Я добавляю, что мы часто высмеиваем любовные письма и что есть люди, которые попытаются получить в свои руки такие письма просто ради смеха.

3. В комнате у семьи Арон. Состоится обряд чёрной магии. Кроме меня присутствуют г-жа Арон, г-жа Майер (слегка невротичная женщина, давний друг семьи Арон) и одна из юных девушек (из части 2). Г-жа Арон намеревается совершить обряд. Я сижу на диване с молодой девушкой; мы собираемся принимать участие в качестве зрителей.

В комнате есть некая разновидность печи, ярко освещённой изнутри, вероятно, невидимым огнём. Г-жа Арон готовит всё необходимое рядом с печью и начинает работать. Г-жа Майер помогает ей. Она говорит: «Вы [я одна из тех, кого она имеет в виду] собираетесь испытать то, что Дева Мария является только лишь плодом фантазии ведьмы!» Другими словами, цель происходящего состоит в вызове Девы Марии вниз в подготовленную магическую субстанцию. Г-жа Майер выходит после этих слов.

У мена на коленях три альбома Мазереля разных размеров, на них я должна смотреть, пока вещество вызревает. Г-жа Арон говорит мне, что мне следует открыть самый большой,

---

[80] У индейцев наскапи с полуострова Лабрадор есть сходная концепция.

тот, который с надписью: Мазерель…? (резкое на слух слово, содержащее «ст»: твист, мастер?).[81] Я открываю книгу. Внутри красочные, очень своеобразные картины. Они в увеличенном виде проецируют себя на стену (или же там есть увеличивающее зеркало?). Они изображают призрачные чёрные и серые фигуры, которые сражаются в самом центре огня войны; это ад, приготовленный для них врагом. Цвета — огненный, сине-зелёный и чёрный. Я думаю, что Мазерель представляет здесь бесчеловечность врага, других, только одной стороны, но что, однако, эти люди, на чьей он находится стороне, делают те же самые вещи со своими врагами. Тем не менее, представлены и другие хаотические образы.

В это же время г-жа Арон подходит к камину в другом углу кухни, чтобы завершить вызывание. Пламя горит и освещает весь угол. Магическое вещество находится в круглом контейнере, который погружён в водяную баню,[82] другими словами, в другой большой круглый контейнер. Оно по преимуществу состоит из яйца (смешанного с чем-то) и выглядит как заготовка для быстрого пудинга. Водяная баня подвешена над огнём и над ней располагается широкое отверстие дымохода. Все залито ярким светом от костра. Г-жа Арон стоит перед ним, помешивая вещество, и громко распевает заклинание призыва.

Я передвигаюсь за её спину. Я чувствую себя странно, и я напугана. Я пытаюсь успокоить себя, говоря, что, в конце концов, это г-жа Арон колдует, а я только наблюдаю. Тем не менее, я задаюсь вопросом, не может ли это мне как-то повредить. Конечно, это вызывание только лишь Девы Марии, а не самого Бога. Затем я осознаю, что Мария — Матерь Божья, и поэтому включает в себя Бога или Бога как сына. Я думаю о чёрной мессе. Дева Мария, конечно, не самая святая фигура, но она является частью божественной природы. Я начинаю бояться. Я хочу уйти.

Появляется г-н Роберт (глава школы, где была моя первая работа; не верит в магию). Вещество уже начинает приобретать очертания; оно скоро будет готово. Кажется, что всё это будет успешным, только если в веществе есть магическое кольцо (золотое кольцо). Я думаю, чтобы успокоить себя, что его там нет, но г-н Роберт отвечает: «Кольцо внутри».

Сейчас самое время — я выхожу вместе с г-ном Робертом. Мы вместе обсуждаем чёрную магию. Он сомневается в вещах такого рода. Я говорю ему, что магия очень опасна. Он отвечает: «К счастью, с Вами ничего не произошло!». Я отвечаю: «Это уже произошло!» Я думаю о двух могущественных проблесках невидимого мира, которые у меня были во сне. Роберт объясняет, что по своей природе я очень уязвима. Я соглашаюсь с этим. Да, я очень подвержена воздействию. Некоторые люди не воспринимают такие вещи, другие, однако, если совершают хоть малейшую ошибку, если их бдительность притупляется лишь на мгновение, тут же получают шок (сильные эмоции, как те, что вызваны ударом электрического тока). Затем я говорю ему, что каждое злоупотребление бессознательным уже чёрная магия.

Мы приближаемся к большим закрытым железным воротам, через которые мы должны пройти на пути к месту сбора или встречи с множеством других людей.

4. На дороге в машине с моей подругой, г-жой Линднер. (Она замужем, у неё хорошее чувство практической стороны жизни, она глубоко религиозна, заинтересована во всех философских и религиозных проблемах, является прихожанкой со склонностью к пиетизму.) Впереди развилка дорог с крутым поворотом (три направления). Машины движутся в двух направлениях. Им удаётся обойти друг друга. Мы находимся в самом центре развилки. Приближается большая машина. Г-жа Линднер уходит с её пути за счёт движения назад в маленькую область рядом с поворотом и затем описывает круг своей машиной.

---

[81] Здесь в немецком даются примерные слова, основанные на неточном воспоминании о конкретных звуках, которые (слова) при переводе можно подобрать только по аналогии. Сновидица помнила резко звучащее слово, содержащее *err* , и предположила, что это было *zerr* или *herrsch* .

[82] Этот устаревший термин описывает большой сосуд с водой, в котором находится сосуд меньшего размера, частично погружённый в воду так, что он может быть нагрет.

Ассоциацией сновидицы с Цюрихским озером была её прежний аналитик, которая в действительности водила её к озеру, и первая часть с появлением замка подобна благоприятному символическому намёку на Самость. Среди прочего, замок — это известный символ Девы Марии, как таковой он также является связующим звеном с третьей частью сна.

Вторая часть сна изображает пару влюблённых, пытающихся соединиться, — т.е., внутреннее *coiunctio* или объединение противоположностей — и то, как сновидица должна принять активное участие в обеспечении такого объединения, а ей в этом препятствуют теневые фигуры хихикающих тинейджеров. Она очевидно не способна служить *religiose* бога Эроса: здесь также возникают легкомысленные эгоистические элементы, нечто инфантильное, что отделяет её от опыта любви, и поэтому от опыта её как полноценной женщины.

Тем временем мы подходим к жутким изображениям третьей части сна, кухни ведьмы. Г-да Арон была знакомой сновидицы и фанатичной приверженницей коммунизма. Г-жа Майер, как она говорит нам, была невротичной женщиной, дружившей с Аронами. Здесь сон показывает нам, что коммунизм относится, с духовной точки зрения, к кухне ведьмы. Представление Марии в форме «плода фантазии ведьмы» указывает на полное искажение *religio* в теневой сфере: женщина берёт на себя контроль над божественными фигурами, как если бы они были объектами, тогда как в действительности они представляли собой архетипы задолго до появления её эго и изначально обеспечивали его всеми идеями по поводу их природы.

В процессе призыва сновидица должна смотреть на работы Франца Мазереля. Сцены во сне напоминают его знаменитую «Пляску смерти». Это, согласно сну, ад, который враги определённых людей подготовили для них, и здесь появляется рассуждение, что эти последние люди вероятно сделали то же самое первыми. Этот ад показывает, что происходит, когда идеологический конфликт не отличается от своей проекции вовне, — это ведёт к аду негативных аффектов, несправедливости и мести в бесконечном процессе для отдельного человека, а также в жизнях людей.

Пронзительный внезапный или искажённый звук напоминает неприятное «кыш» в предыдущем сне и также позднее замечание женщины, что никто не «разрежет или разломает» бессознательного. Здесь мы явно имеем дело с опасностью внезапного прорыва автономного аффекта. Иногда пациенты описывают момент начала шизофренического эпизода как пистолетный выстрел, звучащий в их головах, или как звук пилы.

Идея «щелчка» в чьём-то мозгу также связана с такой разновидностью аффективных событий. Именно чрезмерность аффекта вызывает вопросы о безнадёжно необратимом дурном повороте в форме агрессивных или, напротив, безумных действий или фатальных решений. В жизни общества это соответствует объявлению войны или военному нападению.

На кухне ведьмы негативные проекции не обрабатываются, но подпитываются, и религиозные символы психики представлены не более чем как контролируемая человеком иллюзия.

Описанная волшебная процедура очень интересна, так как сосуд — это, очевидно, бенмари, водяная баня Марии Профетиссы, еврейской пророчицы, великой женщины алхимика.[83] Также яйцо и золотое кольцо, два наиболее важных ингредиента, — это известные алхимические символы, обозначающие Самость как *prima materia* , «которая содержит в себе всё, что ей надо», и как идеальную золотую мандалу.[84] Но коммунистка г-жа Арон, которая готовит эти вещества, только пытается показать таким образом, что Дева Мария — это выдумка ведьмы, другими словами, иллюзия, придуманная людьми, как и в самом деле коммунисты говорят про религиозные символы и как сновидица одно время была

---

[83] Cf. Jung, CW 12, p. *22* 5.

[84] Jung, CW 12, p. i73f.

склонна верить. Ибо, если это правда, то эго не нужно ставить себя на службу внутреннему процессу, но путём создания иллюзорной власти оно может претендовать на контроль во всех ситуациях и делать в них то, что ему нравится. Так как в этом виде магии есть что-то нечестное и нечистое, он провоцирует возникновение рационального скептицизма как контрпозиции, которая воплощается в г-не Роберте. Коммунистическое «Просвещение», например, и есть такая позиция. Пока реальность души остаётся непринятой, человек только может настаивать на примитивной материальной реальности психических явлений, как делает магия (и в этом скрытый интеллектуализм играет определённую роль), или же на их чистой субъективно-ментальной реальности, как делают школы мысли эпохи Просвещения (и именно здесь украдкой появляется философский материализм).

Таким образом, в психике сновидицы магия ведьмы и скучный скептицизм противостоят друг другу, но затем появляется своего рода освобождающий фактор во сне, подруга сновидицы, г-жа Линднер, которая явно воплощает правильное для сновидицы отношение. Две машины, чьего столкновения нужно избежать, могут иметь отношение к двум психологическим установкам, которые находятся на встречных курсах друг с другом, магической и рационально-скептической. Вера и знание — две модели технического прогресса (= машины), которые также неоднократно сталкивались друг с другом лоб в лоб в коллективной жизни в наше время, хотя согласно юнгианской точке зрения, это псевдоконфликт. Подруга сновидицы, г-жа Линднер, избегает возможного столкновения и сдаёт назад, другими словами, она дистанцируется от вопроса, и затем вместо этого описывает круг своей машиной.

Изображение защитного круга в действительности является старейшим религиозным действием человека, при помощи которого он с незапамятных времён защищал себя от воздействий, угрожавших психике растворением, таких как аффекты, ложные идеалы и другие «злые духи». Это не «чёрномагический» круг, так как человек, который рисует его во сне, является не ведьмой, а религиозной женщиной. Работа ведьмы, с другой стороны, отчётливо подвержена инфляции, например, скептицизмом Роберта, ведь как он может утверждать с такой уверенностью, что иррациональное не существует? Поэтому г-жа Линднер останавливается, как акт смирения: правда в том, что мы не настолько сильно «продвинутые», чтобы быть способными выдвигать суждения о безусловной реальности подобных вещей. Мы должны вернуться назад к тому, что мы действительно можем испытать на опыте, к душе, а *religiose* будет связано с её содержаниями. Только таким образом можно избежать бессмысленного конфликта между суеверием и рационализмом.

Её подруга, протестантская прихожанка, г-жа Линднер (сновидица принадлежит к группе протестантских крестьян Штирии, которые эмигрировали туда из Германии) делает возможным предположение, что идёт призыв к возвращению в лоно протестантской церкви. Однако следующий сон даёт другой нюанс смысла в этом отношении.

Ванна в теплице

1. Я в католической церкви, и с двумя или тремя другими людьми я прогуливаюсь по месту, где проводится священный обряд. Я некоторым образом получаю причастие, но это особый жреческий ритуал, в который я включаюсь. У меня сильное внутреннее переживание, подобно опыту блаженства, опыту обновления, и я очень счастлива по этой причине — это то, чего я искала. Я ясно это понимаю. Разновидность церковного служки или второразрядного священника записывает для меня стих или слова, которые выражают секрет переживания. Перед ним лежит открытой маленькая книга, в которой записаны слова, и я читаю их (но не могу их вспомнить, когда просыпаюсь).

2. Я иду в туалет. Карл М. (штирийский «автор», мой бывший учитель и друг в настоящее время) сидит на бортике и спит. Я открываю крышку, и экскременты поднимаются до краёв. Воняет ужасно. Я говорю Карлу М., что ему не следует спать здесь, в этой вони. Он странно смотрит на меня своими сонными и вороватыми глазами и затем возвращается ко сну сидя. Я поражена, что он может спать в этой клоаке.

3. Школа. Снова начинаются школьные мероприятия. Я подхожу и объясняю женщине,

главе школы, что я всё ещё отсутствую по состоянию здоровья. Я очень счастлива по поводу этого отпуска, потому что он означает возвращение моего здоровья и, кроме того, развитие, которое освободит меня для более высокого уровня достижений. Шульц (материалистичный директор школы) стоит там, прислонившись к стене, с очень недовольным выражением лица. Я спрашиваю его, как он. Он отвечает: «Не хорошо!» Не очень хорошо со здоровьем, и это из-за моего отсутствия. Я иду на лечение, которое должно помочь мне. Я должна подвергнуться купанию с Эберхардом (Eberhard) Мюллером (простым рабочим, который часто промышляет случайными заработками вокруг нашего дома). Ванна в теплице. Я иду туда. Ванна встроена, оформлена в красивом современном виде, и вода течёт в неё. Она почти полна. <…> Эберхард Мюллер также обнажится для ванны. Это вполне естественно и даёт мне возможность узнать его.

В задней части ванная область значительно расширена. Там есть другие ванны среди растений и скал. Это всё выглядит скорее как организация парка. Вода течёт во все из них. Я прогуливаюсь по этой области с ваннами (или парку) с моей подругой Лизбет (замужняя учительница, также хорошая домохозяйка, артистичная, обычно сбалансированная и уравновешенная). <…> Дальше мы останавливаемся у стороны, где расположены источники, питающие ванны. Мы видим три из них, изливающих свои пенные волны на растения и горные породы. Я говорю Лизбет, что это самая красивая часть этого места.

Мы идём дальше прямо к ванне. У Лизбет есть инородные предметы в её теле. Они представляют собой маленькие и большие серебряные иглы, которые двигаются опасным путём в её теле (яркие металлические иглы, которые сверкают как серебро). Часть из них в настоящее время движется в сторону её груди, в самой груди, что очень опасно. По этой причине она пока не может купаться.

Приходят другие люди, среди них также Фрида (очень религиозная коллега, у которой также большая практическая смётка). Все они хотят окунуться здесь. Все ванны вот-вот будут заняты. Я поднимаюсь туда, где у женщины установлен туалет и санитарный узел, однако дальше, в конце этой части, также есть отсек с ванными, и я зову её спросить, могу ли я искупаться здесь. Там ещё есть горячая вода для меня, и женщина немедленно устанавливает её течь в глубокий бассейн для меня.

4. Я нахожусь в пансионе или в гостинице и просыпаюсь в своей очень просторной комнате. Который час — это вопрос. Рядом со мной приготовлена вторая кровать. Открывается двойная дверь, и входит молодая женщина, несущая ребёнка. Она одета и хочет пойти в церковь. Она кладёт ребёнка на край моей кровати и подготавливает его также, так как предполагается, что она пойдёт в церковь с ним. Она извиняется за то, что прошла через мою комнату, что не обычно, но ей пришлось сделать это.

В первой части сна важным местом является Католическая церковь, но позднее Лизбет и Фрида, которые возникают как позитивные фигуры, не являются католичками. Поэтому мне кажется, что для бессознательного важна не столько конкретная деноминация, сколько искренняя религиозная установка, не важно, в каком виде она испытывается.

Первая часть связана с записыванием внутреннего опыта с чувством служения, что делает происходящее похожим на религиозную задачу. Человек, который это записывает, является второразрядным священником или служкой, что предполагает скромную установку служения. Эго должно занять второстепенную позицию по отношению к Самости. Затем возникает сцена, которую мы интерпретировали ранее, с автором Карлом М., который представляет противоположность священнику-служке, записывавшему опыт. Он амбициозный журналист и поэтому не имеет ничего общего с деятельностью со созданию форм для религиозного опыта.

Затем следует алхимическая ванна исцеления и крещения. Человек, который должен это совершить, в своём первом имени содержит слово Eber («кабан» по-немецки), и является простым работягой. Большая дикая эмоциональность, которая воплощена в кабане в более раннем сне, теперь становится рабочим, то есть, становится контролируемой энергией, чтобы служить внутренней работе! Материалист Шульц в сновидице, с другой стороны, чувствует

себя нехорошо, когда она поворачивается лицом к своей внутренней работе.

Но также чрезвычайно позитивная фигура её подруги Лизбет полна серебряных иголок и поэтому не может попасть в ванну. Это старый мотив в магии, демонические иглы или «сосульки», которые, например, сибирские шаманы отправляют, чтобы причинить страдание своим соперникам. Психологически эти иглы символизируют негативные проекции, которые в первое время должны быть осознаны. В чём бы мы не были всё ещё бессознательны и не проецировали наши внутренние теневые элементы, мы в том же самом особенно чувствительны к «жалам» наших дорогих любимых мужчин и женщин, и это может зайти даже так далеко, как до развития идей преследования. Ведьминская тень женщины часто выделяется в отправке и получении таких «уколов»! Наконец по крайней мере сама сновидица смогла попасть внутрь обновляющей ванны и таким образом родиться заново из вод бессознательного. Возрождённый ребёнок, однако, как следующая часть сна показывает, это не её эго, но Самость (представленная неизвестным ребёнком, которого неизвестная женщина кладёт на её постель), и ребёнок этот собирается в церковь, другими словами, на религиозную службу. Женщина, которая несёт его в церковь, неизвестна, обозначая, что её собственная соответствующая религиозная установка всё ещё неизвестна сновидице, но эта установка как минимум уже возникла из бессознательного и существует.

Дальнейшее развитие ситуации было не столь удачным, как этот последний мотив мог бы позволить нам предположить. Знакомая сновидицы приехала, чтобы присоединиться к ней, частично чтобы разделить её новый опыт, а частично чтобы уничтожить его из ревности. Ей удалось посеять недоверие к анализу, и, таким образом, анализанд не вернулась на своих следующих каникулах для продолжения лечения, что она частично объяснила тем, что это слишком дорого для неё. Сновидица, что правда, была в лучшем состоянии. Она исцелилась от своих симптомов, мигреней и крика. Однако религиозно-творческое развитие, возникшее в её снах, не имело будущего. Вмешалась в проецированной форме негативно-реалистичная тень. В результате анализанд связалась с духовным движением, которое отстаивало символически-интуитивное учение. Таким образом, дедушка-маг, от которого сновидица не хотела отделяться в конце первого сна, частично восстановил свою власть над ней. Конец изначального сна действительно часто предсказывает курс лечения, однако он по-прежнему неясно, умрёт ли маг в дальнейшем.

Человеческая жизнь длится дольше, чем анализ на двух коротких летних каникулах, и мы не можем знать, будет ли когда-нибудь и когда, если будет, соответствующее *religio* доминировать в психике сновидицы над магом, скептиком, спящим автором, ведьмой и легкомысленными девушками. Все эти сны, как мне кажется, показывают с ясностью процесс индивидуации как первичный религиозный феномен. Они также показывают, что установки психики должны препятствовать этому процессу. Эти многочисленные препятствующие влияния, которые частично представлены теневыми фигурами и частично персонификациями анимуса, замечательно ясным образом видны в данных снах, в отличие от возвышенных, но расплывчатых и неизвестных форм Самости. Всё это показывает, что тенденция в направлении индивидуации до сих пор была только очень слабо реализована у сновидицы. Только такие позитивные фигуры как Лизбет и Фрида очерчены более резко. Т.о., сновидица, чтобы достичь прогресса, должна начать с них, другими словами, должна попытаться принять в себя их отношение к жизни. Хотя эти женщины были членами разных конфессий, согласно сновидице, они практически одинаково религиозны и укоренены в практической стороне жизни. Они правильно объединяют две стороны жизни, которые в её случае были слишком разделены, и таким образом используются бессознательным как модели правильного отношения.

Кроме того, на мой взгляд, эти несколько снов (и они представляют только лишь малую выборку из потока сходных архетипических снов) показывают нам нечто, что вероятно может быть названо фундаментальной религиозной тенденцией психики, тенденцией, которая неразрывно связана с процессом индивидуации, а также включает в себя все творческие возможности личности.

Глава 5. Некоторые аспекты переноса

Меня попросили рассказать о некоторых более глубоких аспектах проблемы переноса, и я согласилась, возможно, немного поспешно; и я должна открыто признать, что не чувствую себя достаточно квалифицированной для этой задачи. Когда Юнг закончил *«Mysterium Coniunctionis»* , он сказал: «Я полагаю, что я далеко не всё сказал здесь по данной теме; всё ещё есть очень многое, но я представил её здесь настолько, насколько смог.» Так что может быть добавлено кем-то вроде меня? Поэтому я буду говорить только о некоторых аспектах данной проблемы, относительно которых у меня есть как минимум проблески понимания.

Мне кажется полезным для начала выделить в проблеме 4 главные аспекта: (1) архаическое тождество, (2) взаимные проекции, (3) личные отношения, (4) предопределённое духовное единение в «вечности».

На практике в начале наиболее явно проявляется не первый аспект, а скорее второй. Здесь мы имеем дело с фактом, уже отмеченным Фрейдом, что многие проекции, идущие из семейных отношений, входят в перенос — перенос образов отца и матери и брата и сестры — и это создаёт нереалистичное эротическое притяжение, омрачённое инфантильными требованиями и предубеждениями. Как Ханс Дикманн подтвердил в своих экспериментах, эти проекции также констеллируют в аналитике параллельные образы, которые ещё не были обработаны сознанием, и в результате обе стороны практически немедленно вовлекаются в проблему. Негативный материнский комплекс у анализанда, например, пробуждает сходные негативные образы из воспоминаний аналитика. У этого есть и положительная сторона: так формируется базис для эмпатии и понимания со стороны аналитика; но есть также и отрицательная сторона, общее бессознательное, которое, помимо прочего, может сделать необходимым консультации с коллегами аналитика.

Первый аспект: когда мы говорим о «проекциях» на этой стадии, мы должны помнить, что Юнг в своём определении этой концепции[85] указывал, что мы можем говорить о проекциях, только когда есть беспокойство или бессознательное сомнение, которые делают существующий взгляд на партнёра неподходящим; до этого момента властвует архаическое тождество (именно поэтому я выделила эту первую стадию). Я полагаю, что в этом отношении мы часто совершаем ошибку в нашей практической работе: мы говорим с анализандом о «проекции», потому что мы сами так это видим (другими словами, мы сомневаемся), даже если в этот момент всё ещё нет никаких указаний — например, в снах — которые могут прояснить это сомнение для анализанда. Такой подход затем вызывает оправданное и ненужное сопротивление у анализанда. Я полагаю правильным в связи с этой первой фазой просто вести себя с анализандом исходя из того, как он себя чувствует, но без каких-либо словесных конфронтаций. Например, можно отреагировать на требование материнской заботы простым подчёркиванием своего собственного недостатка времени или желания для этого, без обвинения другого в проекциях матери на себя. Со временем, такое отношение само по себе вызовет упомянутое выше беспокойство или сомнение в других, которые выражаются по большей части во снах. Только в этот момент, с моей точки зрения, наступает правильный момент, чтобы откровенно поговорить о проекции, потому что предшествовавшая стадия выполняет жизненно важную функцию, которая не должна быть прервана в незрелом состоянии, так как она часто представляет собой эффективное средство для начала лечения. Это также причина того, почему групповые экспериментов имеет такую сомнительную ценность, — потому что, как всем известно, при их помощи контролируется явление переноса.

То же самое справедливо для аналитика: он должен позволить архаическому тождеству

---

[85] К.Г. Юнг, «Психологические типы», раздел «Определения», термин «проекция».

в себе также жить дальше. На своём примере я заметила, что я иногда испытываю достаточно сильные контрпереносные увлечения теми анализандами, кто, с моей сознательной точки зрения, не казался особенно симпатичным, и в этих случаях постоянно оказывалось, что имела место тяжёлая проблема или угроза смерти, которые я проглядела. Как только состояние анализанда улучшалось, всё очарование исчезало как по волшебству. Такой эффект особенно имела незамеченная неизбежность смерти. Мне кажется, что таким образом природа, или, другими словами, бессознательное, просто пыталась силой вызвать необходимое эмоциональное участие и усилия по пониманию с моей стороны, так как мой сознательный подход не соответствовал ситуации. Если в этих случаях я пыталась преждевременно развеять это очарование как «проекцию», то она не теряла способность положительно влиять на состояние анализанда. Поэтому мне кажется, что как бы некомфортно это не было, нужно позволить первой фазе архаического тождества идти своим чередом; и если я правильно понимаю Юнга, то и он поступал так же. И правда, когда мы смотрим на первые картины алхимического *Rosarium Philosophorum* ,[86] где король и королева встречают друг друга, мы обнаруживаем, что там уже есть прекрасные, позитивные любовные отношения, касания *левых* рук друг друга. Только после этого происходит купание в ванне, нигредо, и возникает смерть, то есть, те беспокойства, которые нужны нам, чтобы выполнить работу по сознательному распознаванию проекций.

Второй аспект: сознательное распознавание проекций является, как мне кажется, прежде всего и более всего моральной проблемой. Я часто вижу, что аналитики имеют тенденцию преждевременно и интеллектуально развеивать как проекции романтические увлечения анализандов, в которые у них нет никакого желания вовлекаться, без учёта того, пришло ли для этого время или нет исходя из указаний внутренней жизни анализанда. И наоборот, многие не интерпретируют свои собственные любовные фантазии как проекции, но, скорее, как необходимые отношения, «предназначенные» жизнью или Самостью, только потому, что это действительно их скрытое желание. Таким образом человеком начинает владеть бессознательная похоть или тенденция отрицания, что приводит к негативными последствиями для обеих вовлечённых сторон.

Как я уже говорила, мне кажется более правильным, например, если присутствует материнский перенос, в самом деле быть по-матерински заботливой в той мере, в какой человек этот перенос ощущает, вплоть до тех пор, пока проекция не «созреет» для обсуждения. Я была особенно поражена тем фактом, что часто почти непроизвольные сильнейшие явления переноса появляются в тех случаях, когда анализанда нужно было принуждать к установлению отношений с его внутренним миром, потому что в противном случае он или она, из сопротивления или же в силу поверхностности, убежит от этого. Что же касается постоянного «обсуждения переноса», как рекомендует Юнгианское Общество Аналитической Психологии в Лондоне, я считаю откровенно вредным использовать его в таких ситуациях. Такую болезненную, тяжёлую ситуацию обе стороны должны просто перетерпеть. И в самом деле, Юнг пишет в письме, что люди попадают в ловушку в безответной любви тогда, когда для них важно избегать эротического опыта, потому что подобный опыт может отвлечь их от цели индицидуации, другими словами, от стремления к большей осознанности.[87]

Кроме того, я иногда наблюдала мужчин-аналитиков, которые не открывались для «оправданной» эмоциональной потребности женщины-анализанда, что приводило к ненужной потере времени и энергии и вызывало у пациентки ненужные слёзы. В этих случаях перенос спустя некоторое время переходит на другого партнёра, с которым лучше потенциал для отношений.

---

[86] Юнг, «Психология переноса»

[87] Юнг, письмо к Elined Kotschnig, 23 июля 1934 г.

Третий аспект, который должен был бы быть частью анализа с самого его начала, но часто в силу своей природы может развиваться только постепенно, — это личные отношения или даже дружба. Разумеется, такие отношения не могут установиться со всеми анализандами, и то, какими они будут, близкими или далёкими, зависит от неисчислимых и не поддающихся точному определению факторов. Юнг писал в письме к аналитику:

Одной из самых важных и сложных задач в процессе индивидуации является преодоление дистанции между людьми. Всегда существует опасность, что это расстояние будет сокращаться только одной стороной, и это неизбежно будет источником оскорблённых чувств и последующих обид. У каждых отношений есть своя оптимальная дистанция, которая, разумеется, должна быть найдена путём проб и ошибок. Проблема особенно актуальна для женщин, чья сексуальность склонна поднимать свою уродливую голову. Пристальное внимание должно быть уделено вопросу *сопротивления* . Его достаточно трудно воспринимать серьёзно, так как человек очень склонен к самообману.[88]

Хотя многие ищущие любви анализанды могут обратить своё внимание на нас, слишком сильно сокращая дистанцию, всегда есть и другие, которые не хотят личных отношений. Они хотят, чтобы мы оставались для них подобно механикам, которые чинят машину, не более, чем безличной психологической ремонтной мастерской. И между этими двумя крайними точками есть тысячи промежуточных вариантов. Даже у самого аналитика присутствуют обе крайности. Существует как тенденция устанавливать любящие, семейные отношения и принимать анализанда как партнёра, сына, дочь или любимого, таким образом уменьшая дистанцию слишком сильно; так и тенденция придерживаться подхода циничного отчуждённого зануды с большим самомнением, который «спускает весь внутренний процесс в канализацию», как Юнг однажды это сформулировал, другими словами, отрицать все потребности в человеческом общении. И в между этими вариантами снова присутствуют все тысячи промежуточных точек, которые так сложно обнаружить и между которыми так сложно найти золотую середину.

В сфере первого и второго аспектов, архаического тождества и сознательного распознания проекций, конечно, особую роль великого разрушителя, о котором предупреждал Адольф Гуггенбюль-Крейг в своей книге «Власть в помогающих профессиях», играет могучая тень. «Где любовь отсутствует, власть приходит на её место», — говорит Юнг. Как часть мощной тени мы находим не только желание обеих сторон конкурировать и доминировать; есть также желание аналитика лечить, которое выступает здесь не последним компонентом.

В этой связи я вспоминаю мой первый анализ с серьёзно нарушенным анализандом, пограничный случай. Я отчаянно всеми силами пыталась удержать её от соскальзывания в психотической эпизод. В этот момент Юнг велел мне приехать к нему. Он выслушал историю целиком и затем очень серьёзно сказал: «Что придаёт тебе такую уверенность в том, что анализанду не нужно проходить через эпизод? У многих людей наступает улучшение после эпизода. Что заставляет тебя думать, что ты так точно знаешь её судьбу? Возможно, ты мешаешь именно тому, что в соответствии с Божьей волей должно произойти.» Я была поражена, а затем я впервые увидела, что моё стремление вызвать улучшение было могущественным участником происходящего. Когда я ослабила своё ошибочное давление, анализанду скорее стало лучше, а не хуже, он не соскользнул в эпизод. Позже я была сильно впечатлена, когда нашла следующее в средневековом руководстве по экзорцизму для священников: священник сначала должен попытаться выяснить для себя при помощи молитвы, хочет ли Бог освободить больного от мучающего его демона или же в таинственной мудрости своей хочет продлить его мучения и кропотливую работу с ними. Только когда кажется, что речь идёт о первом варианте, священник должен готовиться к церемонии исцеления. Слишком много христианского помогающего духа — это, как Юнг

---

[88] Юнг, письмо к Oscar A. H. Schmitz, 20 сентября 1928 г.

однажды написал, «вторжение в волю другого. Следует вести себя подобно кому-то, кто предлагает возможность, которая может быть либо принята либо отвергнута. В противном случае вы столкнётесь с трудностями. Это так, потому что человек не полностью благ, в нём почти половина от дьявола.»[89]

Тем не менее, Юнг также отвергал циничное мнение, что оставлять всё на усмотрение Бога или судьбы — это то же самое, что и стремление сделать слишком много. Попытка придерживаться середины между этими крайностями кажется мне на самом деле очень трудной задачей, потому что она меняется при переходе от человека к человеку и от момента к моменту. Я не считаю, что с ней возможно справиться только лишь на основе одного мышления или чувства. Единственное, что может помочь, — это быть в Дао, так что то, что человек должен или не должен делать прямо здесь и сейчас может прийти к нему по наитию из его собственной Самости. Но, конечно, мы далеко не всегда в Дао, в правильном внутреннем контакте с Самостью, или, по крайней мере, я не всегда.

С самого начала, но с увеличивающейся интенсивностью в третьей фазе, ситуация такова, что человек вообще больше не может функционировать, используя правила и концептуальные инсайты или личные чувства; начиная с третьей фазы всё, имеющее критическую важность в работе, зависит от человека и того, насколько он развивается; ибо здесь все общие ориентиры отпадают, и это становится вопросом выбора уникального правильного момента времени для конкретного человека. Ситуации неоднократно возникают в аналитическом диалоге, и в нём человек должен реагировать моментально, с молниеносной скоростью. В этот момент не только то, что человек думает или говорит или чувствует, имеет значение, но и изменение тона голоса, непроизвольное движение, колебание — всё становится крайне важным. Таким образом в этот момент имеет значение только то, что представляет собой человек и как далеко он зашёл в своём собственном развитии, а ни в коем случае не сознательно выученное «поведение», какие бы намерения за ним не стояли.

Это подводит нас к четвёртому аспекту, который я назвала «предопределённое духовное единение в вечности», настоящему *mysterium coniunctionis* . Эта стадия относится к реальному опыту взаимодействия с Самостью, внутренней целостностью, которая не может быть понята интеллектуально, но только через любовь. Юнг пишет: «Эта любовь не является переносом, и это не обычная дружба или симпатия. Это нечто более примитивное, более первозданное и более духовное, нежели всё, что мы можем описать.»[90] В этой области уже не два индивида имеют друг с другом отношения на персональном уровне, но «многие, включая тебя и любого, чьё сердце ты затрагиваешь.»[91] Там «нет никакой дистанции, но непосредственное присутствие. Это вечная тайна. <…>»[92] В некотором смысле в проявлениях четвёртого аспекта имеет место возвращение к первому аспекту, но на более высоком, более сознательном уровне. По этой причине намёк на эту более высокую стадию уже присутствует на стадии первой и приводит к глубинам страсти, с помощью которой многие пытаются достичь состояния *мистического соучастия* и бороться с попытками сознательно принять и узнать ограниченную человеческую реальность. Юнг в процитированном выше письме говорил, что этот аспект любви более примитивный и более духовный, нежели перенос, дружба и симпатия в обычном смысле этих слов. Это причина диковинных парадоксов, при помощи которых алхимический символизм *coniunctio* пытается представить такой тип отношений. Я бы хотела попробовать проиллюстрировать это при

89 Юнг, письмо к Katherine C. Briggs, 4 июля 1931 г.

90 Юнг, письмо к Mary Mellon, 18 апреля 1941 г.

91 Там же.

92 Там же.

помощи сна молодой женщины. Он приснился ей во время последней мировой войны в момент, когда сновидица пыталась разрешить свой перенос. Сон был таков.

Я в Мюнхене рядом с административным зданием, в котором, как я знаю, находится Гитлер. К моему удивлению, оно не охраняется. Заинтригованная, я вхожу внутрь и немедленно обнаруживаю себя лицом к лицу с Гитлером. Я держу в руке пистолет, и внезапно меня поражает мысль, что это уникальная возможность. Я стреляю в Гитлера и убегаю. [Затем следует длинное описание погони.] Наконец я обнаруживаю себя идущей пешком по грунтовой дороге через поля в направлении швейцарской границы, на пути домой. Я вижу передо мной белого петуха с большим количеством кур, идущих в том же направлении. Петух спрашивает меня, не возьму ли я его и его куриц с собой в Швейцарию. Я соглашаюсь, но с тем условием, что на протяжении пути не должно быть никаких сексуальных контактов. Петух соглашается, и голос произносит: «И так они шли, подобно князю-аббату со своими монахинями.» Когда мы продолжили движение, я увидела красивую пару людей, которые также держали путь к границе. У них на головах были золотые короны. Это был король и его королева. Так как казалось, что они очень чужды этому миру, я пригласила их идти с нами, и они с благодарностью согласились. В ночи нам удалось пересечь границу. Швейцарские пограничники поместили нас в карантин, где мы должны были находиться четыре недели. Они потребовали, чтобы яйца, отложенные курицами на протяжении этого времени, принадлежали государству Швейцария.

Стрельба в Гитлера означает освобождение от могущественного анимуса, стоящего на пути индивидуации. Затем следует побег в Швейцарию, возвращение домой, другими словами, во внутреннее пространство, в котором у человека есть своё место и которое является землёй свободы. Примитивный, первобытный аспект *coniunctio* , как его назвал Юнг, представлен петухом и его курицами, в виде образа, который также возникает в алхимическом символизме. Таким образом арабский алхимик Сеньор (Senior)[93]описывает, как лунное вещество говорит солнцу: «О солнце, я нуждаюсь в тебе, как петух нуждается в курице.»[94] В других текстах этот же аспект представлен волком и собакой, оленем и единорогом или другими животными. Яйца, которые вступают в действие в конце сна, являются хорошо известным образом исходного материала процесса индивидуации. Во сне на это множество кур наложена духовная дисциплина, так что их животная природа не будет препятствием на их пути к внутренней свободе. Согласно вышеприведённой цитате Сеньора, петух и курица на самом деле представляют солнце и луну, также как и король и королева в алхимическом символизме. Таким образом королевская пара, появляющаяся во сне позже, на самом деле символизирует другой аспект того же самого.

Это напоминает замечание Юнга о том, что такая форма *coniunctio* , *иерогамия* , является более примитивной и более духовной, нежели всё, что мы способны описать. Король и королева, как и животные, представляют нечто полностью трансперсональное, подобно чему-то, что существует в божественной сфере, за пределами пространства и времени. Поэтому сон говорит нам, что королевская пара является «чуждой этому миру». Человеческое эго должно помочь им продвинуться в этой конкретной области. Сон прекрасно изображает промежуточное положение эго, которое с одной стороны накладывает определённую духовную дисциплину на животных, а с другой должно обеспечить королевской паре элемент земной реальности.

Ощущение этой промежуточной констеллирует бесконечную кропотливую заботу, но, как указывал Юнг, оно жизненно важно не только для индивида, но также для морального и духовного прогресса человечества. Таким образом, если психотерапевт трудится над этим

---

[93] В латинских текстах под именем Сеньор (Senior) известен арабский алхимик Моххамед ибн Умайль (прим. перев.).

[94] Senior, *De Chema* (1566)

ощущением, он работает не только для своих конкретных пациентов, но также и для своей собственной души, и каким бы малым не было его достижение, оно достигает совершенства там, куда в настоящее время сдвинулся *нумен* , другими словами, в месте, куда сместилась проблема человечества.[95] Это также причина того, что во сне возникает фрагмент вероятной мировой истории, убийство Гитлера, как реакция на тот факт, что сновидица приняла решение воспринять свой перенос серьёзно. Вот почему бессознательное часто использует такие явно космические и возвышенные образы, чтобы выразить проблему переноса, другими словами, выразить, что происходит что-то значительное.

Так, одному анализанду после просмотра фильма «Хиросима, моя любовь» приснился сон, что либо влюблённые смогут быть вместе должным образом, либо же атомная бомба взорвётся. Таким образом бессознательное говорило, что происходит что-то потрясающее и очень важное.

То, насколько значимой проблема любви считается бессознательным, может также быть проиллюстрировано следующим сном. Он приснился женщине средних лет, испытывавшей сильнейшую любовь к женатому мужчине, на которую он ответил взаимностью; однако она продолжала бороться с этой любовью из соображений приличия и по рациональным причинам. Вот этот сон.

Я слышу мощный, глубокий звук бронзового колокола, экстраординарный звон, подобного которому я никогда не слышала и не представляла, звук свыше, невероятной красоты, неотразимый! Очарованная, я встала, так как я каким-то образом должна была добраться до источника звука, который мог быть только божественной природы. Так как звук показался мне сакральным, я подумала, что он идёт из церкви, и внезапно я оказалась в церкви чистейшего готического стиля, из белого камня, и я была готова подняться на колокольню, чтобы найти колокол, источник этого серьёзного ритмичного перезвона, который я всё ещё могла слышать. Но всё изменилось. Церковь превратилась в широкое подземелье, подобное нефу собора, сделанному из прозрачного живого красно-оранжевого материала, погружённого в красноватый свет и поддерживаемого лесом колон, которые напомнили мне сталактиты в пещере, которую я однажды видела в Испании. На мгновение я увидела себя крошечной и одинокой, стоящей в этом грандиозном зале, подавленная ощущением, что у меня есть целый мир, чтобы его исследовать. Это было моё сердце. Я стояла внутри моего собственного сердца, и в этот момент я осознала, что восхитительный колокольный звон, который я всё ещё слышала, был ничем иным, как биением моего собственного сердца, или же что этот внешний звук и моё сердцебиение были одним и тем же. Они звучали в одном и том же ритме. Макрокосм и микрокосм были синхронизированы; ритмы мирового сердца и моего сердца были одинаковы.

Я думаю, что этот сон не требует интерпретации. Он говорит сам за себя и показывает, как Эрос и индивид неразрывно связаны друг с другом.

Я бы хотела в этот момент сослаться ещё раз на сон женатого мужчины, который я вкратце обсуждала в другой лекции.[96] Он был влюблён в замужнюю женщину, Альберту, и имел с ней сексуальные отношения. В момент сна они оба думали о разводе.

Я был с моим учителем, присутствующим незримо, на краю сферы, которую он описал как «высшую реальность», нечто лишённое времени и пространства, неописуемое. Только те, кто видел это, могут понять этот опыт как «всё-ничего», «везде-нигде», «все-никого», как «Слово, которое ещё не было произнесено». Каким-то образом учитель помог мне выхватить два существа или чего-то подобного из этой высшей реальности. Я их не видел, но я знал о них. Чтобы сделать их видимыми, учитель помог мне извлечь серебристо-серую подобную туману субстанцию из пространства, в котором мы парили, и ею мы покрыли этих двух

---

[95] Юнг, «Психология переноса»

[96] W. Bitter (ed.), *Lebenskrisen* (Crisis of Life)

существ и что-то третье, что разделяло двоих. Когда я увидел их оформленными, я был сильно поражён. «Они ангелы», — крикнул я. «Да», — ответил он, — «этот — ты». Я видел серую завесу, которая разделяла двух ангелов, и учитель объяснил: «Это пелена иллюзий.» В ней было много отверстий. Я был глубоко тронут и закричал: «О, она падает, она падает», и у меня было чувство, что тысячи лет, которые были прожиты в полубессознатлеьной надежде, что она будет разорвана, наконец-то оправдались. Я подошёл к ангелу, который был «мной», и увидел серебряную нить, идущую от него к очень крошечному созданию, которое также было «мной» в сфере иллюзий. Другая нить тянулась прямо туда к женщине. Это была Альберта. Два ангела казались одинаковыми и бесполыми, и они могли «думать вместе» в своей некой «одинаковости» (что иногда происходило со мной и Альбертой в реальности «прямо там»). И мы думали: «Такая маленькая часть нашего сознания живёт в этих маленьких существах, и они волнуются о столь незначительных вещах. Бедные маленькие существа!» И мы увидели, что их союз не может состояться должным образом, если эти два маленьких существа не выполнят свои обязательства по отношению к тем, кто рядом с ними, прежде своих эгоистичных желаний. И в то же самое время нам было ясно, что будет грехом против «высшей реальности» (грехом против Духа Святого?), если мы не будем заниматься процессом взаимного стремления к осознанности.

Здесь алхимическая королевская чета заменяется двумя ангелами, посланниками Господними. Однако они представляют тот же самый трансцендирующий сознание более глубокий аспект любовных отношений, который на этой стадии развития соскользнул слишком сильно на конкретный сексуальный уровень. Как указывает Юнг, он может быть неверно понят и как способ достижения более высокого уровня духовности, и как способ уклонения от конкретных обязательств, чтобы позволить отношениям деградировать до атавистично-примитивного уровня. Эти две возможности представляют собой Сциллу и Харибду, между которыми человек должен найти свой путь. На текущем этапе была констеллирована вторая опасность, поэтому сон так сильно подчеркнул духовную сторону. Ранее, однако, тот же сновидец видел сон, в котором он должен был принять опасный, очень важный круглый медный объект, вокруг которого свернулись волнистыми линиями змеи. В той стадии своей жизни он неправомерно хотел отойти от физической стороны проблемы любви. Этот круглый объект напомнил ему во сне о терновом венце Христа, и он знал, что это означает «кровь и слёзы». И действительно, перенос всегда ведёт к распятию, другими словами, к смерти природного — иначе говоря, бессознательного, — человека, которым он до сих пор был.[97] Мы — точка пересечения конфликтующих сил, во-первых, проявлений нашей собственной тени в форме ревности, территориальности, сексуальных страстей и т.д.; во-вторых, того факта, что мы не обладаем партнёром, и, в третьих, содержаний коллективного бессознательного, которые при помощи переноса выходят на поверхность и начинают оказывать всё большее влияние на нашу судьбу. Всё это ведёт к смерти эго, и, если всё идёт правильно, к рождению Самости. На этой стадии принципиальной является задача, насколько мы знаем, примириться с анимусом и анимой.

Я бы хотела здесь повторить описание анимы, взятое из неопубликованного семинара Юнга по детским снам. Анима является своего рода желанием или системой ожиданий, которые мужчина имеет в отношении женщины, фантазией по поводу отношений и эротики. Если внешние ожидания, подобно обычным чувственным желаниям или планам в отношении денег, власти и т.д. смешиваются с ней, всё утрачивается. Таким образом сознательное признание анимы означает любить другого человека ради него самого и ради самой любви. «Когда я следую своей любви, тогда моя любовь удовлетворена.» Только для человека, который следует за анимой ради неё самой, она становится Беатриче. Для такого мужчины она становится мостом к трансцендентным сферам. «Размышляя, я шёл по пути

---

[97] Юнг, «Психология переноса». Это причина размещения перекрещенных ветвей на алхимических изображениях королевской четы.

любви», как это выразил Данте. Однако изначально аниму можно найти также в амбициях человека, и таким образом она опутывает его чувством вины и ошибками, если он сознательно не узнаёт свою жажду власти. Если человек не способен на это, он в конце концов оказывается в полной изоляции в состоянии одержимости.

Мы также можем применить это описание к анимусу, который на самом деле является системой понимания.

Для анимуса имеет значение понимание или правда исключительно ради правды и без любой примеси чувственности или жажды власти. Только женщина, которая любит истину ради неё самой, может интегрировать анимус, и тогда он становится, подобно аниме, мостиком к Самости, другими словами, к знанию Самости. И когда два человека, состоящие в отношениях друг с другом, находятся на пути к взаимному процессу индивидуации, тогда констеллируется мотив *coniunctio* надличностной пары. Юнг в приведённой в начале цитате указывал, что в случае *иерогамии* не два эго сталкиваются лицом к лицу, но скорее «все, чьё сердце мы затрагиваем». Эту странную множественность очень трудно понять. Это как если бы свыше существовала только одна божественная пара, Шива и Шакти, которые находятся в вечном объятии, и земные человеческие существа принимали бы участие в их *coniunctio* только как «гости на пиру», как Андреэ изобразил это в своей книге «Химическая Свадьба». Это множественное единство может быть проиллюстрировано следующим сном, который приснился молодой девушке. Она по трагической случайности потеряла своего любимого жениха. После примерно двух лет другой молодой человек, который сейчас является её мужем и которого она достаточно любила, проявил к ней интерес; но что-то в ней сопротивлялось его принятию, потому что она рассматривала это как измену по отношению к своему первому жениху. Однако она обручилась с этим вторым человеком, и он подарил ей красивое кольцо. Однако затем она снова начала сомневаться. Во сне, который она увидела в этот момент, появился её мёртвый жених и сказал: «Но это *я* дал тебе это кольцо» (и показал кольцо, которое подарил второй жених). Это сделало возможным для неё принять новые отношения.

Я не претендую на полное понимание этого сна, но мне кажется, что он указывает на тайну пары в потустороннем мире, в чьё единство включено множество людей, «чьи сердца мы затронули». В символике алхимии это представлено так называемым образом *multiplicatio* . Когда философский камень найден, он преумножает себя сторицей, как бы сам собой, превращая все близлежащие камни и металлы в золото. Когда это событие выделяется на фоне человеческой встречи, тогда присутствуют бог и богиня, затем возникает чувство вечности, как если бы момент более ранней встречи был сейчас и всегда в одно и тоже время, как это выразил Юнг, — «непосредственное присутствие». Таким образом Юнг писал в своих мемуарах, что «привязанности <…> значат очень много, но в них всегда заключена проекция, некое субъективное смещение угла зрения, которое необходимо устранить, чтобы достичь объективности и самодостаточности. <…> Суть в том, что объективное знание в большинстве своём скрыто за эмоциональным отношением. И только объективное знание открывает путь к истинному духовному единению.»[98] И в другом месте: «и в наших отношениях с другими людьми важно то же самое: присутствует ли в них некая безграничность».[99] Эта безграничность кажется мне мотивом проявления в фоне бога и богини.

Проблема множественного единства также, как мне кажется, есть в китайском даосском взгляде на жизнь после смерти. Согласно этой концепции душа умершего распадается и превращается в мужскую, духовную часть, которая ускользает вверх, и феминную, земную часть, которая опускается на землю. Затем они двигаются, в первую очередь на восток,

---

98 Юнг, «Воспоминания, сновидения, размышления».

99 Там же.

потом на запад, и оттуда к таинственному космическому центру, «жёлтому источнику». Там эти две части празднуют свою свадьбу, «тёмное единение», как Лорд Востока и Леди Запада, как любая божественная пара, которую всегда воплощает каждый мёртвый человек.

Когда отношения достигают настоящей глубины, тогда это *coniunctio mysterium* каким-то образом возникает из вневременного царства и просвечивает через все желания, сопротивления, проекции и идеи, появляясь на поверхности. По большей части это происходит только в определённые моменты и исчезает в следующий период времени. Мы никогда не будем способны ухватить это, но мне кажется важным как минимум иметь подозрение о существовании этой тайны, так что каждый не должен на основе рациональных предрассудков закрывать дверь перед богом и богиней, когда они хотят войти.

Мотив *иерогамии* , как Юнг это выразил в другой момент, — это тайна взаимной индивидуации, «ибо ничто не может быть завершено без любви, ибо любовь приводит нас в состояние ума, в котором мы готовы рисковать всем без оглядки»[100]. Только таким образом возможна встреча с Самостью. Поэтому Юнг назвал фигуру Самости, которую он нарисовал в Боллингене, Филемоном, «любящим».

Стремление стать целостным является наиболее сильным импульсом у человека, и именно оно на самом деле скрывается за более глубокой страстью в переносе. В конце своей жизни Юнг признавал:

Тщетно я старался бы найти язык, который был бы в состоянии адекватно выразить неисчислимые странности любви. Эрос есть космогония, он — творец сознания. <…> Здесь скрыто самое великое и самое малое, самое далёкое и самое близкое, самое высокое и самое низменное. И одно не живёт без другого. <…> И, если у него есть хоть капля мудрости, ему придётся смириться, обозначив *ignotum per ignotus* — то есть назвав любовь именем бога.[101]

И однажды в разговоре он сказал: «Проблема любви так трудна, что человек должен быть счастлив, если в конце своей жизни он может сказать, что никто не был уничтожен по его вине.»

Глава 6. Самореализация в индивидуальной терапии К. Г. Юнга

Самореализация — это слово, в основе использования которого сейчас различными психологическими школами в широком смысле лежит юнговская концепция индивидуации. При более пристальном внимании, однако, мы увидим, что они используют его в отличном от Юнга смысле, а именно в смысле обнаружения определённой эго-идентичности. Такая идентичность, как мы знаем, возникает из того, что эго становится более целостным и стабильным. Затем эго узнаёт что-то новое о себе. Юнг же, напротив, подразумевал нечто совершенно иное, а именно сознательное обнаружение и вступление в отношения с другим психическим содержанием, которое под влиянием Упанишад он назвал Самостью. В этом случае также развивается более целостная и стабильная эго-идентичность, но скорее другого сорта. Она менее эгоцентрична и обладает большей человеческой добротой. В данном случае эго не столько реализует себя, сколько помогает реализоваться Самости.

На ранней стадии это звучит немного абстрактно. Поэтому дальше я попытаюсь прояснить этот процесс, дав интерпретацию сновидению, которое проливает свет на принципиальные аспекты нашей темы. Я выбрала именно сон, так как сон является выражением непредубеждённой, бессознательной природы человеческих существ; таким образом он представляет не теорию, а реакцию части психики на вопрос самореализации.

Концепции эго, Самости и бессознательного известны большому количеству людей

---

[100] Мигель Серрано, «Герметический круг».

[101] Юнг, «Воспоминания, сновидения, размышления».

теоретически, и многие используют их без знания о том, что они означают с практической точки зрения. Это справедливо и в отношении сновидца, которому приснился наш сон. Это был 44-х летний мужчина, принадлежавший к англоязычной культуре и только что сдавший свой первый экзамен в Институте К. Г. Юнга в Цюрихе. Теоретически он был хорошо знаком с упомянутыми выше концепциями. Однако сейчас для него настало время, конечно, под руководством супервизора, начать лечение своих первых пациентов. Что вполне понятно, он не считал себя готовым для этой задачи и был испуган. Его самым большим страхом было то, что он может быть не способен понять сны своих анализандов. (Как хорошо известно, юнгианский анализ в значительной степени базируется на интерпретации сновидений пациентов). Всё казалось ему сомнительным, и он начал раздумывать над тем, что вообще такое «правильная» или «неправильная» интерпретация сновидения, и даже более того, что на самом деле происходит в процессе анализа. Однажды ночью он отправился спать после продолжительной дискуссии на эту тему со своим другом и увидел следующий сон:

Я сижу на открытой прямоугольной площади в старом городе. Прямо рядом со мной со скрещенными ногами сидит молодой человек, одетый только в пару брюк. У него могучий, полный жизни и силы торс. Солнце просвечивает через его светлые волосы. Он пересказывает мне свои сны и хочет, чтобы я их ему интерпретировал. Его сны подобны ткани, которую он разворачивает передо мной по мере того, как он их мне рассказывает. Каждый раз, когда он пересказывает сон, с неба падает камень, который разбивает сон вдребезги. Фрагменты сна разлетаются в разные стороны. Когда я беру их в руку, мне становится ясно, что они сделаны из хлеба. По мере того как кусочки снов разлетаются, открывается их внутренняя структура, которая напоминает абстрактную современную скульптуру. При пересказе каждого следующего сна на него падает ещё один камень, и таким образом проявляется всё больше и больше базовой структуры, состоящей из гаек и болтов. Я говорю юноше, что это показывает, как выявить значение сна — вплоть до основных элементов. Затем выясняется, что интерпретация сна — это искусство знать, что нужно отбросить, а что сохранить, точно так же, как и вообще в жизни.

Затем пространство сна меняется. Юноша и я теперь сидим лицом друг к другу на берегу восхитительно прекрасной широкой реки. Он всё ещё рассказывает мне свои сны, но структура, которая строится на основе снов, принимает другую форму. Они более не образуют пирамиду из гаек и болтов, но пирамиду, сделанную из тысяч маленьких квадратов и треугольников. Она подобна произведению кубистов, например, Брака, но при этом она трёхмерная и живая. Цвета и оттенки маленьких квадратов и треугольников постоянно меняются. Я объясняю, что для человека важно сохранять баланс всей композиции, немедленно противопоставляя изменению цвета соответствующее компенсаторное изменение на другой стороне. Задача по балансировке цветов невероятно сложная, потому что весь объект является трёхмерным и находится в постоянном движении. Затем я смотрю на вершину пирамиды из сна. И там ничто. В действительности это единственная точка, в которой вся структура удерживается вместе, но там пустое пространство. Когда я смотрю на неё, это пространство начинает излучать белый свет.

Пространство сна меняется ещё раз. Пирамида там остаётся, но теперь она сделана из затвердевших фекальных масс. Вершина всё ещё светится. Я внезапно осознаю, что эта невидимая вершина словно бы сделалась видимой при помощи твёрдого дерьма, и напротив, дерьмо также стало видимым благодаря вершине. Я вглядываюсь в дерьмо и понимаю, что я смотрю на руку Божью. В момент прозрения я понимаю, почему вершина невидима: это лицо Бога.

Сон снова меняется. Д-р фон Франц и я прогуливаемся вдоль реки. Она со смехом говорит: «Мне 61 год, а не 16, но оба числа при сложении цифр дают 7.»

Внезапно я просыпаюсь с чувством, что кто-то громко стучится в дверь. К моему удивлению, в квартире абсолютно пусто и тихо.

На языке первобытных людей это «большой сон» или, на языке Юнга, архетипический сон, который имеет сверхличностное, универсальное человеческое значение. Теперь нам

надо попытаться более точно понять его. Он состоит из четырёх частей. Локация первого набора событий — прямоугольная площадь в старом городе, что указывает на традицию и человеческую культуру в противовес реке в следующей части сна. Предположительно это связано с тем фактом, что сновидец мучил себя вопросом «Что мы делаем, что я на самом деле буду делать в анализе?» Ответ заключается в том, что пересказ и интерпретация снов является древней культурной традицией, которая раньше происходила в публичном месте. И уже пришёл первый пациент, который хотел, чтобы его сны были интерпретированы. Он, однако, примечательно здоров и полон жизненной силы, а не болен. Его светлые, подсвеченные солнцем волосы, возможно, даже указывают на то, что он в некотором роде солярный герой. Эта полнота здоровьем указывает, что сон, даже у больных пациентов, возникает из здорового уровня психики, но также она указывает на нечто большее: солярный герой в мифологии является носителем нового света, нового сознания. Он уже является аспектом того, что Юнг называл Самостью, всё ещё неизвестного аспекта самого сновидца, который принесёт ему просвещение.

Сны, которые этот мужчина пересказывает, обладают некой материальностью. Они являются не чем-то лёгким и воздушным, но чем-то реальным, фрагментом материи, если можно так сказать. На них падают камни с небес. В этом некоторым образом лежит их интерпретация. Сновидец был чрезвычайно обеспокоен тем, будет ли он способен правильно интерпретировать сны. Компенсаторно образ из сна здесь ясно указывает, что верная интерпретация сна является чем-то, что поражает нас в самое сердце. Это скорее внеличностное психическое событие, нежели что-то, что можно выдумать. Камни падают с неба; должно быть, это метеориты. Если что-то приходит свыше, на языке мифа это означает, что оно происходит из неизвестной духовной сферы коллективного бессознательного. Таким образом, с древнейших времён метеориты были очень почитаемыми объектами; их рассматривали как содержащих божественный дух, как посланцев богов. Например, в мифах североамериканского племени арикара верховный бог Несару посылает им чёрный метеорит как своего эмиссара, который научил их ритуалу священной трубки, трубки мира. Знаменитая Кааба, цель паломников в Мекку, также является чёрным метеоритным камнем. Так как камни падают с неба, мы видим, что и сны с одной стороны и их интерпретация с другой — правильная идея, которая «поразит» тебя, — происходят из бессознательного. И то, и другое в конце концов происходит из одного источника, но только тогда, когда врач и анализанд вместе работают над сном, позволяя камню «поразить» нас.

Фрагменты сна, которые возникают, когда происходит удар камня, при ближайшем рассмотрении оказываются сделанными из хлеба, другими словами, из чего-то, что может быть съедено или, в психологических терминах, интегрировано. И это на самом деле факт, который мы все можем испытать на собственном опыте, что успешное толкование сна, которое поразит нас в самое сердце, является чем-то питающим сознание. Синтетическая, конструктивная интерпретация — которая не пытается свести содержание сна к «ничему иному как исполнению желаний» или любому другому «всего лишь» и которая вместо этого следует за творческой нитью сна, обогащая его мотивы, — выступает как «хлеб жизни». На самом деле в молитве *Отче Наш* мы не просим о «хлебе насущном» (в смысле хлеба на каждый день, еды), как гласит общепринятый неправильный перевод. В греческом тексте мы находим слово *hyperousion* , то есть «духовный хлеб».

То, что не может быть съедено или напрямую интегрировано, — это часть сна, которая остаётся после разлетевшихся фрагментов. Она состоит из гаек и болтов, которые вместе последовательно образуют целую пирамиду. Они, как гласит сон, представляют собой базовую структуру сна, то, что остаётся после того, как исчезает плоть, в данном случае, хлеб. Позднее нам говорят, что мы должны сделать то же самое, что мы должны делать в жизни, — обнажить скелет. Это значит, что мы должны проникнуть к более глубокому значению, которое лежит под образами сна.

Люди часто говорят: «Прошлой ночью у меня был такой смехотворно глупый, абсурдный сон.» Они застревают на поверхности сна, на той комбинации абсурдных образов,

и не способны постичь его значение. Юнг в таких случаях часто отвечал: «Не бывает глупых снов, только глупые люди, не способные их понять.»

Назначение болтов — удерживать и скреплять вещи вместе, например, лезвия ножниц. Очевидна сексуальная аналогия.[102] При использовании болтов вещи соединяются. Каждый раз, когда интерпретация сна поражает нас в самое сердце, фрагмент бессознательного соединяется с сознанием, или же автономный комплекс присоединяется к остальной личности. Таким образом имеет место повторяющийся процесс *coiunctio* . И здесь странная пирамида, с которой мы имеем дело на протяжении остального сна, принимает форму. Таким образом, мы должны внимательнее посмотреть на символизм пирамиды.

Наиболее важная функция пирамид — это, безусловно, функция, данная им древними египтянами, — форма для гробниц их правителей. Пирамида была домом мёртвых. Камень, венчающий её вершину, был расположен таким образом, чтобы первые лучи солнца падали на него.[103] В Египте верховное божество, бог вселенной Атум, изначально был представлен как каменный холм, как так называемый «неизвестный камень бенбен»[104][105] Это название связано с *wbn* , означающим «восход, просвещение». Тот же самый корень обнаруживается в египетском слове *bnw* , означающем «птица, феникс». Феникс символизировал восходящее солнце и воскресение. Наиболее сакральный храм в Гелиополисе также назывался Домом Камня или Домом Феникса. Тот же самый камень бенбен также рассматривался как изначальный холм, который возник из первичных вод в начале мира. Также феникс в поздней египетской истории идентифицировался с птицей *ba* . Эта птица — тот же самый бессмертный проводник души каждого человека, его индивидуальность, которая после смерти становится единой с универсальным богом без потери сущности отдельного земного человека.

С точки зрения Гельмута Якобсона пирамидальная форма навершия обелиска также представляет камень бенбен. Оно называется бенбенет (*benbenet*). Когда правитель ритуально приветствовал бога восходящего солнца от подножия обелиска, первые лучи солнца падали на его вершину, которая в те дни была позолочена.[106] В этот момент была видимой *ba* , душа Бога. Бенбенет, однако, также означает вершину пирамиды, которая по форме сходна с вершиной обелиска.[107] В момент своего воскресения умерший человек, который стал *ba* , лицезрит в этой точке бога солнца. Позднее такие камни также стали входить в похоронное снаряжение обычных людей.

Как указывает Якобсон, камень бенбен в Египте является прямой параллелью «философскому камню» западной алхимии. Философский камень также символизирует бессмертную душу-проводника и некоторую разновидность воскресшего тела мёртвого. Пирамида в нашем сне образует удивительную параллель с этим, так как сновидец с очевидностью не знал ничего о тех египетских ассоциациях, которые мы описали. Тем не

---

102 Здесь автор ссылается на сексуальные коннотации немецкого слова *Mutter* , которое обычно означает «мать», но также иногда служит обозначением той разновидности гайки, в которую закручивается болт. — *пер* .

103 См. Helmuth Jacobsohn, “Das gottliche Wort und der gottliche Stein im alten Agypten” (Божественное Слово и Божественный Камень в Древнем Египте), *Eranos Jahrbuch,* vol. 39 (1970): 217ff.

104 Бенбен — холм, который появился из первичных вод Нуна, на него, согласно мифологии, спустился бог-творец Атум и стал размышлять о создании богов. Этот холм превратился в небольшую пирамиду, которая была местом пребывания Атума. (прим. пер.)

105 Там же, стр. 233-234.

106 Там же, стр. 236.

107 Это был твёрдый, в форме пирамиды камень.

менее, приснившаяся ему пирамида была чем-то божественным; её излучающая свет вершина была даже манифестацией Бога, и в её ничего не стоящем материальном облачении даже можно увидеть руку Бога.

Возможно, также стоит мимоходом отметить, что пирамиды проявляют странные физические свойства, которые ещё надо объяснить.[108] Эксперименты с моделью пирамиды Хеопса, сделанной из картона, показали, что помещённые внутрь трупы не разлагаются; затупившиеся лезвия, положенные внутрь, приобретают свою прежнюю остроту. Должно быть, это связано с геометрией внутреннего пространства, но ничего более точно не известно. В любом случае для нашего обсуждения это не существенно. Для нас важно только психологическое значение пирамиды во сне как символа Самости.

Возможно теперь, в ходе нашего обсуждения, стало несколько более ясно, что Юнг подразумевал под Самостью. Это не эго, а более объемлющая и вечная внутренняя личность, на которую намекает этот символ. Юнг также определял её как сознательно-бессознательную целостность личности. Хотя Самость уже есть у каждого человека как основной элемент, она на практике реализуется только через понимание снов или через активное воображение.[109] В процессе реализации она «воплощается», если можно так сказать, в смертной жизни эго. Если бы я обладала даром к музыке, как Бетховен, но никогда бы не узнала этого или не использовала его, это всё равно как если бы его не существовало. Только сознательное эго способно к реализации психических содержаний. Даже что-то настолько великое, даже божественное, наподобие Самости, может быть реализовано только через эго. Это и есть самореализация с юнгианской точки зрения.

Теперь давайте вернёмся к началу первой части сна, к прямоугольной площади в городе. Как можно прочитать в работах Мирчи Элиаде, такая площадь в городе является символом центра мира, местом, где небеса и земля, вечное и временное, встречаются вместе.[110] Таким образом, эта площадь действительно является символом Самости, но в значении материнского *теменоса* , или защитного пространства. А рассказчик снов со светлыми волосами — это аспект Самости, который стремится стать сознательным, также как и мифические герои являются носителями нового видения мира.

Теперь становится легче объяснить, почему Юнг всегда требовал от аналитиков, чтобы они постоянно прикладывали усилия к продвижению по пути их собственной индивидуации. Поступая таким образом, они берут своих анализандов с собой в путешествие без попытки повлиять на них напрямую (что было бы злоупотреблением властью). В ранних письмах Юнг даже доходил до того, что говорил, что врачу следует анализировать только патологический аспект психики пациента.[111] Причина этого в том, что интеллектуальное понимание является деструктивным. Понимание (*comprehendere* по-латински), кроме того, означает «овладение», «схватывание» и, таким образом, соответствует применению власти. Когда на кону стоят жизнь и судьба пациента, должно с непередаваемым уважением относиться к его уникальной мистерии. Как говорил Юнг: «Мы должны понимать божественное в нас, но не в другом, так как он способен сам улавливать и понимать его в себе». Наш сновидец, как мы помним, был очень встревожен по поводу своей встречи с пациентами. Его сон возвращает его к работе над самим собой.

---

[108] S. Ostrander and L. Schroeder, *Psi* (Bern, Munich & Vienna: Scherz Verlag, 1970), pp. 3o8ff. (Karel Drbal).

[109] См. главу по активному воображению.

[110] Mircea Eliade, *Kosmos und Geschichte* (Cosmos and History) (Rowohlt, 1966), pp. 1 iff.

[111] C. G. Jung, letter to Hans Schmid, 6 November 1915, in *Letters,* vol. x (Princeton: Princeton University Press, 1973), p. 31.

Далее сон меняется, и действие переносится на берег широкой реки. В мифологии река обычно ассоциируется с течением времени, с потоком жизни. Для греков, например, время — это бог Хронос, а также текущий Океан, который окружает землю наподобие кольца или же опоясывает космос звёздным потоком с расположенными на нём животными зодиака.

Река также является символом вечного изменения. Мы можем вспомнить утверждение Гераклита о том, что в одну воду нельзя войти дважды. Технический и абстрактный скелет пирамиды, сделанной из гаек и болтов, теперь становится пирамидой из бесконечного, бесчисленного числа находящихся в гармонии разноцветных квадратов и треугольников, нюансы оттенков которых должны постоянно компенсаторно уравновешиваться. Таким образом описывается продвинутый аспект анализа сна. В самом начале каждая успешная интерпретация сна является личным «Ага!» опытом. Но теперь всё входит в более близкий контакт друг с другом из-за непрерывности жизни, реки. Человек не только начинает понимает отдельные сновидения, но и непрерывно жить с ними. Также становится ясно, что пирамида, вследствие множества своих отдельных граней, представляет сбалансированную целостность, в которой каждый элемент сочетается со всеми остальными. Цвета означают привлечение эмоций и чувств. Теперь это более не вопрос рассмотрения отдельных фрагментов, но также и их связи с учётом всех оттенков чувств некоторым более живым образом — всегда с учётом общего состояния баланса таинственной целостности.

Основными компонентами пирамиды являются треугольники и квадраты, ровно также как и всё целое само по себе состоит из квадратного основания и четырёх треугольников. Те, кто знаком с работами Юнга, знают, что символы Самости практически всегда четверичны или, реже, обладают троичной структурой. В древних космологиях модели вселенной четверичны, также как и естественные символы божественного. Католическая церковь даже расширила христианскую Троицу до четверых путём вознесения Девы Марии на небеса. В терминах числового символизма, три и треугольник — это маскулинно-динамическое, тогда как четыре и квадрат — феминно-статичное. Композиция пирамиды объединяет и то, и другое, что является указанием на объединение противоположностей, на что уже намекал образ болтов и гаек. Вся структура в целом находится в состоянии постоянного изменения цвета. Это живая сущность, которая должна каждый раз пониматься заново, кто бы с ней не сталкивался, например, в данном случае, толкователь сновидения.

Далее сновидец обнаруживает, что вершина, основной фокус всей структуры, пуст, является пустым пространством. Дальше мы узнаем, что причина этого в том, что это лицо Бога. Как хорошо известно, ни один человек не может взглянуть в лицо Бога и выжить! Во многих мандалах — другими словами, круговых и прямоугольных религиозных образах Самости, — в центре располагается фигура Христа или Будды или какого-либо другого божества или, возможно, символ, вроде молнии (*тиб* . дордже) или кристалла, цветка, золотого шара и т.д. Однако особенно в последнее время, как указывал Юнг, всё чаще и чаще встречаются случаи, когда центр пуст. Это происходит потому, как он говорил, что многие современные люди больше не способны проецировать божественный образ на Христа, например, или на Будду.[112] В результате они подвержены риску идентифицировать с центром себя, что приведёт к полному растворению личности. Границы мандалы существуют для того, чтобы предотвратить это и усилить концентрацию на внутреннем центре, Самости, который не отождествляется с эго. Образ человека не заменяет божество, но, скорее, символизирует его. Таким образом, божество остаётся таинством, которое обитает в глубинах человеческой психики.

Опасность любой разновидности атеизма в том, что человек может поместить в центр своё эго, что приведёт его к инфляции, которая может вызвать психическую катастрофу. Наш сновидец не подвержен этой опасности, но он всё ещё воспринимает себя как аналитика слишком серьёзно; поэтому возник этот образ. Когда он смотрит на вершину, она начинает

---

[112] See C. G. Jung, *Psychology and Religion,* cw 11 (Princeton: Princeton University Press, 1958), para. 156, p. 95.

излучать свет. Это напоминает о *нирване* или опыте *сатори* Дальнего Востока. Эта пустота не негативна, она полна сил просвещения.

В третьей части сна имеет место удивительное обращение вспять, так называемая энантиодромия.[113] Красивая пирамида теперь состоит из окаменевшего дерьма. Оно делает видимой точку озарения в пустоте и наоборот. Древние и средневековые алхимики никогда не уставали повторять, что философский камень *in stercore invenitur* («обнаруживается среди экскрементов») и что люди этого мира по неосторожности втаптывают его в грязь. Как много современных рационалистов даже сегодня придерживаются мнения, что сны являются таким «мусором», анальными и генитальными фантазиями и тому подобным. Безусловно правда, что то, что аналитик должен выслушивать, сидя весь день в офисе, не является особо душеполезным. Он вынужден слушать о супружеских проблемах, сумасшедшей ревности, прорывах подавленной неприязни, сексуальных фантазиях, денежных нуждах и бесконечных «затем он сказал <…>, затем я сказала <…>». Это ужасное дерьмо, в котором пациенты и все мы застряли. Но при более пристальном взгляде в этом можно увидеть руку Бога!

Возможно, это было величайшим талантом Юнга: он мог выслушивать подобную чушь и оставаться поразительно бесстрастным, а затем внезапно словом или жестом указывать на руку Божью, проглядывающую во всём этом, другими словами, на более глубокое значение происходящего кризиса, которое делает возможным его принятие. Он был способен на это, потому что он не столько искал ответы на вопрос «почему» — личную историю невротических симптомов, которая бы объясняла, как они возникли, — но, скорее, на вопрос «зачем»; он искал цель, *телос* , или значение данного явления. «Что для меня значит, что я завёл себя в это вязкое болото?» С этой точки вершина пирамиды становится видимой, тот пинакль, который древние египтяне размещали так, чтобы каждое утро на него падали первые лучи солнца. На востоке, особенно в Персии, рассвет и сегодня всё ещё является символом мистического озарения, точкой, где просвещённый видит Бога и становится единым с ним.

Четвёртая часть — это спуск или возвращение к повседневной жизни. Появляюсь я (я была его аналитиком) и со смехом говорю, что мне шестьдесят один, а не шестнадцать, но сумма цифр в обоих числах равна семи. Давайте вначале рассмотрим конкретную ситуацию. Мне было шестьдесят один, сновидцу сорок, а женщинам, которые стали его первыми анализандами, было около двадцати. Таким образом, сновидец был в середине, на грани второй половины жизни. До своих сорока лет он работал по другой специальности, и теперь он был в опасности испугаться своей новой задачи, как будто школьник перед экзаменами. Уже накопленный им жизненный опыт, сложный брак, с которым он успешно справился, его три уже взрослых ребёнка — всё это он забыл.

Здесь нам помогает числовой символизм. Число один отвечает за божественность и космическое единство, шесть — за объединение полов и брак. В возрасте шестнадцати лет человек определённо оставляет позади бессознательную целостность детства и поворачивается в направлении сексуальности и «десяти тысячи вещей» мира. В возрасте шестидесяти одного года человек пересекает порог старости, после которого он отворачивается от мира и обращается к внутреннему единству. Но сумма цифр обоих чисел равна семи. Семь — это число эволюции, развития.[114] Нам достаточно подумать о семи днях творения. В цифре восемь достигается цель, дифференцированная целостность. Акцент здесь сделан на семи, на том факте, что жизнь — это развитие, как в юности, так и в зрелом возрасте. «Всё есть путь» или «*Habentibus symbolumJacilis est transitus» (“Владеющему символом лёгок путь”)* , как говорили древние алхимики.

---

[113] See C. G. Jung, cw 8 (i960), p. 219.

[114] See R. Allendy, *Le symbolisme des nombres* (The Symbolism of Numbers) (Paris, 1928).

Этот большой сон уводит прочь от страха сновидца и отвечает на его вопрос целой жизненной философией, в центре которой находится самореализация. Целое представлено как серия событий, которые просвещают сновидца. Однако не следует думать, что работа аналитиком не требует достижений со стороны эго. Мы по опыту знаем, что это тяжёлая, трудная работа, и она требует много знаний. Этот сон, который представляет эту работу явно как что-то, что происходит само по себе, носит компенсаторный характер, потому что сновидец в своих беспрестанных размышлениях о прошлом дне принял своё эго, свою роль аналитика, слишком серьёзно. Две настоящие пациентки, назначенные ему, две молодые женщины, вообще не появились во сне. Скорее пациент, «страдалец» является внутренней фигурой самого сновидца. Пациент является частью его Самости.

Сон, возможно, даёт осторожный намёк на то, почему мы, как представители юнгианской школы, скептически относимся к групповой терапии. Этот сон показывает, что основной процесс внутреннего развития происходит между эго и Самостью, — или, выражаясь старомодным языком, образом Бога внутри нас. Другие люди и их мнения не имеют к этому никакого отношения. Это даже доходит до того, что аналитик, как партнёр человека, является лишним. В конце концов, как указывает Юнг, человек должен «быть один, если он хочет найти, что поддерживает его, когда он уже не может поддерживать себя сам. Только такой опыт может дать ему неразрушимое основание.»[115]

Такая позиция не имеет ничего общего с нарциссизмом или с эгоистическим индивидуализмом. Они — не более чем поглощённость эго самим «дорогим эго», а не Самостью, которая является в конце концов внутренней мистерией индивидуальности. Отношение между человеком и Самостью не эгоистично, напротив, далеко от этого, — человек не может никогда относиться соответственно к другим людям до тех пор, пока не найдёт себя, другими словами, свою Самость. Тем не менее, Юнг признавал, что его позиция была односторонней. В действительности, экстравертный путь социальной адаптации и интровертный путь отношений с Самостью составляют пару комплементарных противоположностей, причём оба оправданны и в тоже самое время являются взаимоисключающими. Но под давлением перенаселения и увеличивающейся урбанизации, с учётом влияния коммунизма и экстравертной ориентации большинства психологических школ, мы находимся в большой опасности фокусирования только на одном полюсе и, таким образом, крушения индивидуальности в своей уникальности.

Неспособность принять это во внимание может вызвать бессознательное противодействие, для которого характерен неограниченный эгоизм и, в чрезвычайных случаях, даже асоциальное криминальное поведение. По этой причине, согласно точке зрения Юнга, пришло время уделить больше внимания внутреннему пути индивидуации в направлении Самости. Только тот, кто укоренён в Самости, может поступать по настоящему этично. Только такой человек не будет больше некритично следовать течениям моды и увлечений, а также политическим «измам». Затем он может, как красиво указывает этот сон, воспринять руку Божью среди всей грязи и навоза жизни, —конечно, как также указывает сон, если взглянет пристальнее.

Глава 7. Религиозная подоплека проблемы PUER AETERNUS

Термин *puer aeternus* , «вечный ребёнок», часто используется в психологии для обозначения особой формы невроза у мужчин, характеризующегося тенденцией застревать в юношеском возрасте как следствие чрезвычайно сильной привязанности к матери. Поэтому его главные отличительные признаки, как указано в заметках Юнга в эссе о значении архетипа матери, — это гомосексуальность и донжуанство. Оба этих типа мужчин

---

[115] C. G. Jung, *Psychology and Alchemy,* CW 12 (1953), para. 32, p. 28.

демонстрируют слабую эмоциональную связь с женщинами того же возраста.[116] Однако у них также можно наблюдать и все другие типичные свойства юности, например, тенденцию принимать очень условный стиль жизни, мечтая в то же самое время о «настоящей» творческой жизни, но предпринимая очень мало усилий для воплощения этого. Идеи о спасении обычно играют здесь приоритетную или минорную роль. Они могут принимать форму размышлений о том, что человек является мессией, который призван спасти человечество или, как минимум, что он близок к произнесению «последнего слова» в вопросах философии, искусства или политики. Реальность, как она есть, он воспринимает неприемлемой. Требующая терпения скука повседневной жизни, равно как и длительные усилия по достижению чего-либо, им избегается, и везде — в профессии человека, с женщиной, с которой он живёт, с его коллегами — он находит «волос в супе», в результате чего снова и снова можно наблюдать внезапное и необоснованное разрушение всех отношений. Как правило, у пуэра не только умозрительные идеи и планы высокого полёта, но и на самом деле он часто выбирает авиацию или альпинизм как основной вид спорта. В этом часто играет роль сильное сознательное или бессознательное стремление к смерти, которое приводит к множеству аварий и крушений. Иногда, однако, у «крылатого юноши» происходит не настоящее физическое крушение, а психологическое, когда он, как часть внезапного кризиса, отказывается от всех своих прежних идеалов, и тогда он либо иссыхает сердцем и тащится вперёд по жизни как мелкобуржуазный циник, либо же становится преступником и даёт волю своему ранее подавленному реализму в такой ограниченной форме.

В общем и целом сейчас кажется, что такая форма невроза находится на подъёме в нашей западной культуре. Литературные произведения хорошо известного автора Антуана де Сент-Экзюпери отражают французскую форму этой проблематики. Школа Стефана Георге и его поклонников, а также многие другие в Германии, «рассерженные молодые люди» в Англии, поэт Федерико Гарсия Лорка в Испании — это только немногие, относящиеся к этой категории. То же самое справедливо и для Америки. Знаменитый психолог Генри Мюррей из Бостона отметил огромный рост там проблемы *puer aeternus* и сейчас работает — я благодарю его ассистента, д-ра Грира, за эту информацию — над большим исследованием по данной теме. Художник Джордж Риммер (George Rimmer) или поэт Джон Мэджи могли бы послужить типичными примерами такого типа среди молодых людей Америки.

Пока мы говорим только об индивидуальных случаях, проблему можно объяснить и вылечить исходя из связи с личным материнским комплексом. Но, помимо этого, сейчас возникает вопрос о том, откуда идёт коллективное увеличение этой невротической констелляции, которое мы, как кажется, сейчас наблюдаем. Мы знаем, что необходимость и трудность размежевания с матерью представляет собой универсальную, можно даже сказать «нормальную» проблему, с которой сталкиваются, например, все примитивные народы в процессе мужских обрядов инициации. Протестантские и католические церемонии конфирмации *mutatis mutandis* также ещё проявляют слабые следы таких инициаций. В некоторых итальянских городах священники всё ещё дают юношам увесистую пощёчину на их конфирмации вместо символического касания — небольшое напоминание об испытаниях мужественности. А в Швейцарии в это же самое время часто юноша получает свои первые длинные брюки и часы, — он оставляет позади мечты детства и переходит в эпоху сознания и мужественности. Ослабление христианской веры, которое всё больше и больше проявляется в разных социальных средах, вполне может считаться причиной, способствующей этой современной проблеме пуэров; в конце концов, так как христианская традиция является патриархально ориентированной, то она поэтому представляет собой защитный щит против мира матери и материи. Однако этого наблюдения недостаточно. Мы

[116] К. Г. Юнг “Психологические аспекты архетипа матери”.

должны более глубоко проникнуть в суть вопроса.

Когда мы изучаем свидетельства современной литературы, которая оставляет без внимания многие типичные примеры этой психической констелляции, мы видим два особенно сильно выделяющихся архетипических образа: бог-ребёнок или божественный мальчик или юноша, ассоциированный со светом, с одной стороны, и жёсткий, цинично холодный отец, захваченный психологией власти, тиран или надсмотрщик, с другой. Последний иногда прославляется в литературе как идеальный лидер для мужчин, иногда же представлен негативно, как враг «романтичной молодёжи».

Гёте изобразил это противостояние в умеренной форме, ограниченной личным уровнем, другими словами, понимаемой в менее архетипических терминах, в конфликте между Торквато Тассо и Антонио. В «Страданиях юного Вертера» он изливает свою собственную проблему пуэра прямо из сердца; и затем в «Торквато Тассо» он заходит настолько далеко, чтобы примирить искусного молодого Тассо с отеческим и ответственным, но слишком реалистичным и прозаическим Антонио: «Так за скалу хватается пловец, которая разбить его грозила». Такое примирение происходит у Гёте при посредничестве женского принципа, другими словами, анимы.[117]

В более современной литературе та же оппозиция предстаёт в гораздо более архетипической форме. Фигура бога-ребёнка, возможно, наиболее чисто была представлена — хотя и не без неприятного сентиментально-инфантильного оттенка — в «Маленьком принце» Антуана де Сент-Экзюпери. Маленький принц приходит со звёзд, потому что он поссорился со своей любимой розой. На земле он узнаёт от лиса первые секреты того, как быть человеком. Но всё же он не вступает в тесные отношения с землёй; вместо этого он освобождается от жизни мудрой змеёй и её смертельным укусом и снова возвращается на свою звезду. Тип антагониста разделяется в этом маленьком произведении на множество разных фигур, и все из них воплощают «взрослых», которые не понимают, которых Сент-Экзюпери уже подверг насмешкам в своём вступлении к «Маленькому принцу». Там есть подсчитывающий деньги делец, жадный до власти король, циничный и мрачный пьяница, фонарщик-идеалист и т.д. Пришедший со звёзд маленький принц не устанавливает контакта с этими фигурами, но проходит мимо них, незатронутый. В определённом смысле змей также представляет собой важнейший антагонист маленького принца. Он стар, мудр, враждебен к жизни и учит сладкому суицидальному соблазну свободы в смерти. В других работах Сент-Экзюпери антагонист мальчика изображён более чётко, и в этих произведениях можно видеть, что писатель находится в поиске позитивных отношений с этими негативными фигурами. Например, у нас есть Ривьер — начальник и организатор авиакомпании — в романе «Ночной полёт», который — строгий, серьёзный, верный своему долгу, но с трудным характером — посылает своих «детей», пилотов, на смерть; или же шейх в «Цитадели», который правит в отечески строгой, ответственной и любящей порядок манере, но который, например, не колеблясь осуждает женщину на ужасную смерть от жажды в пустыне из-за по-человечески понятного эротического преступления.

Образ идеального лидера-диктатора или отца страны, который доминирует сейчас и в прошлом в политической констелляции, основывается, по моему мнению, в частности на спроецированной версии такого образа «антагониста».

В серии снов типичного пуэра, что характерно, как воплощение такой отрицательно воспринимаемой связанной с порядком отцовской властной фигуры возникают русские секретные службы, которые хотят пытать сновидца. В качестве представителя этой власти полиции во сне выступает пожилая женщина, которая бьёт сновидца в переносицу. Непроработанный материнский комплекс часто способствует формированию идеала диктатора, так как привязанность к матери оставляет молодого человека инфантильным,

---

[117] Автор здесь ссылается на известный ранний роман Гёте “Страдания юного Вертера”(1774) и его классическую драму “Торквато Тассо” (1790) — прим. пер. англ. изд.

социально безответственным и неорганизованным, что затем, конечно, почти неизбежно вызывает такую жёсткую контр-позицию, как представлена здесь в виде русских спецслужб. Это также, безусловно, относится к более высокому, государственному, уровню.

Наиболее ярким литературным описанием архетипической основы проблемы puer aeternus, как кажется мне, является оккультный роман Бруно Гетца 1919 года, *Das Reich ohne Raum* (Царство без пространства). Юнг часто упоминал этот роман как пророческое предсказание о национал-социализме и также интерпретировал разрушительные войска мальчиков, которые в нём появляются, как негативный аспект пуэра или божественного ребёнка.[118] В этом романе герой истории, которого зовут Мельхиор ван Линденгус, мечется между двумя враждебными партиями: той, что принадлежит божественному мальчику Фо (= Будда), и той, что относится к господину Ульриху фон Шпату, преследующему мальчика. Фо сопровождает экстатический отряд мальчишек, которые вызывают потрясения и «освобождающие» массовые вспышки дикости в каждом городе. Фо — дух Луны и воды, сын матери-богини Земли, которая защищает его в форме торговки яблоками. Виноград, вино, флейты Пана, животные, розы и огонь — его элементы. Он провозглашает вечную смену форм через множество перерождений, поддерживает любые формы жизни и смерти, поиска и скитаний, танца и экстаза. Его преследователь и враг Ульрих фон Шпат («Шпат» по-немецки означает «поздно»), напротив, является, со своими «стеклянными лордами», правителем кристально чистого трансцендентального царства среди звёзд. Порядок, этика и чистая духовность — это цели, которые он провозглашает человечеству. По большей части господин фон Шпат появляется как жадный до власти чернокнижник, но в редкие лучшие моменты его лицо показывает себя как «благородное страдающее лицо бога». Из-за этого благородного аспекта герой романа, Мельхиор, никогда не мог полностью отказаться от фон Шпата, хотя его сердце принадлежало Фо и мальчишкам. Только в конце романа его тень действительно помогает убить тень Ульриха фон Шпата, и затем Мельхиор объединяется в смерти с божественным мальчиком Фо, который является ему в окружении гроздьев винограда. Последний в многих отношениях напоминает Евфориона Гёте и мальчика-проводника в «Фаусте» или же Максимина у Стефана Георге. Ульриха фон Шпата, с другой стороны, можно сравнить с фигурой вроде Клингзора в «Парсифале» Вагнера. Фон Шпат представляет, фактически, могущественное давление традиции и прошлое, которые, как Юнг однажды сказал, «хоронят богов в мраморе и золоте». Мальчик Фо, напротив, находится за пределами крайностей национал-социализма. Мы можем полностью применить к нему замечание Рабле, что «*La verite dans sa forme brute est plus fausse que le faux* ».[119] Так как, в отличие от «Торквато Тассо» у Гёте, здесь слабая фигура анимы не может играть роль посредника, в романе Бруно Гетца мы не находим ни трансформации тёмной стороны, ни объединения с ней. Но что значит противостояние между этой тяжёлой отцовской фигурой и крылатым мальчиком-богом? Является ли это проблемой, которую философ Клагес назвал «дух как враг души»?

Наиболее меткие мифологические аналогии этим двум противостоящим фигурам обнаруживаются в символизме алхимии: так, начальник-диктатор-отец относится к тайному веществу, известному как «старый король», тогда как *puer aeternus* , как кажется, имеет отношение к *mercurius infans или filius regius* («царскому сыну»), которые также иногда персонифицируются в виде крылатого юноши, *juvenis alatus* .

В «Mysterium Coniunctionis» Юнг даёт детальный комментарий о фигуре старого короля, который представляет тайное вещество и обычно изображается алхимиками в начале процесса как несовершенный, неспасённый, ожесточённый, больной или даже злой. Ущербность соотносится с активизированным эгоизмом и ожесточением сердца, которое

---

118 C.G. Jung & C. Kerenyi “Essays on a Science Mythology”.

119 «Правда в сыром виде лживее, чем сама ложь».

должно быть разбито в алхимической ванне. Жажда власти и похоть часто также бесславно характеризуют старого короля. Аналогично начальник Ривьер в «Ночном полёте» Сент-Экзюпери и Ульрих фон Шпат в «Царстве без пространства» Гетца воплощают собой чистое стремление к власти и характеризуются тотальным отсутствием эроса. Дух, который сам по себе не является «врагом души», вырождается в таких персонификациях на уровень интеллекта, и в этой ограниченной и ригидной форме стоит на пути всех плодородных и творческих импульсов психики. Он враг эмоциональности и инстинкта, но именно по этой причине он тайно позволяет себе подвергаться негативному влиянию примитивных импульсов.

С другой стороны puer aeternus, понимаемый как алхимический образ, является визави старого короля, элементом, который призван заменить его. Это символ обновления жизни или воссоединения разделённых противоположностей, «новый внутренний человек» или же возрождённое тайное вещество, более полный обновлённый символ Самости.

В свете алхимического символизма и замечаний Юнга по теме, отцовский образ старого правителя и крылатый сын — не только настоящие противоположности, но они при этом обладают единой природой. Поэтому алхимики называли своё вещество *senex at puer* . Иисуса Христа также описывали в схожих терминах, так как он, с одной стороны, существовал с древнейших времён, но, с другой, был рождён Девой Марией как ребёнок. Через слияние, которое происходит в процессе алхимического опуса, неважно, в огне или в ванне, через растворение в хаосе или расчленение, тем или иным образом старик превращается в сына. Таким образом, когда в современных вариантах фигуры отца и сына противостоят друг другу, мы можем только заключить, что что-то должно быть пошло не так психологически. Так или иначе процесс трансформации остановился.

Тем не менее, в этой связи Юнг показал, что старый король представляет собой не только традиционный, чрезмерно эгоистичный, допотопный принцип сознания, но, скорее, прежде всего коллективный образ Бога. Поэтому когда говорят, что королю требуется трансформация, в конечном счёте это наша концепция Божественного требует трансформации, и ясно, что такой процесс возможен только в психике. Другими словами, единственное, что мы можем сделать, — это ориентировать нас в направлении бессознательного, если мы хотим выяснить, каким образом наши доминирующие сознательные установки должны быть изменены так, чтобы наш образ божественного мог быть ещё один раз трансформирован, как на это указывал Юнг, «в настоящую и рабочую целостность, тогда как до этого <…> это только была претензия на целостность.»[120]

Архетипический образ *puer aeternus* представляет такой опыт божественного, который обновляет образ Бога. В то же время если весь этот процесс обновления короля, который Юнг в деталях описал и интерпретировал в «Mysterium Coniunctionis» не осознаётся, то оказывается, что он происходит в любом случае, но тогда уже негативным образом. Особенно интересным в этой связи представляется развитие событий в «Маленьком принце». Мальчик со звезды добровольно разрешает себе быть убитым змеёй, жёлтой песчаной гадюкой, для того чтобы быть способным вернуться на свою звезду и к оставленной там розе. Вскоре после написания этого автор, Сент-Экзюпери, и сам последовал в смерть вслед за маленьким принцем. Он был сбит немецкими пилотами над Средиземноморьем.

В алхимической символике змея отождествляется с *filius regius* , другими словами, со звёздным принцем. Змея — это, как говорит Юнг, «самая низшая, самая зачаточная форма» короля в процесс обновления, «сначала смертельный яд, но противоядие впоследствии».[121] Змея представляет тёмную сторону Меркурия, Гермеса Катахтониуса (Hermes Katachthonios).

---

[120] Юнг, “Mysterium Coniunctionis”.

[121] Ibid.

Утверждается, что когда свет жизни героя гаснет, он продолжает жить в форме змеи.[122] В жизни Сент-Экзюпери змея также приобрела смертельное значение, как всегда и происходит, когда человек идентифицируется с архетипом пуэра, потому что таким образом он принимает участие в трансформации архетипа *in concreto* , и следовательно сам исчезает в хаосе, расчленении и смерти. Отсюда берут начало суицидальные тенденции и склонность к смерти людей-пуэров: алхимическая мортификация тайного вещества принимает форму их собственной смерти.

С этой точки зрения материнский комплекс, который начинает доминировать в современном обществе (я помню книгу Филиппа Уайли «Поколение гадюк» и его насмешки по поводу «мамочек»), приобретает новое значение. Привязанность к матери обусловлена увлекательной силой притяжения коллективного бессознательного как локуса и матрицы «обновления короля». Коллективное бессознательное — это чрево *prima materia* , тёмное первобытное состояние, которое алхимики называют «хаосом», *massa confuse* , в которой старик превращается в юношу. Женщины, у которых более нет религиозной ориентации и чья жизнь поэтому стала бессмысленной, невольно идентифицируют себя с магической ролью Великой Матери и затем проецируют архетипический образ героя или *filius regius* на своих сыновей — вплоть даже до предпочтения его смерти возможности того, что он может прожить обычную человеческую жизнь.[123] Однажды женщина, показывавшая мне предсмертную фотографию её утонувшего сына, сказала мне буквально следующее: «Я бы скорее предпочла то, что произошло, нежели если бы он был жив и его пришлось отдать другой женщине»!

Сын, с другой стороны, подпадает под чары материнского принципа, потому что он идентифицируется *с filius regius* , и *filius regius* привлекается с огромной страстной силой матрицей бессознательного, так как снова и снова это то, во что он превращается. Это даже более могущественно констеллируется в протестантских регионах, так как архетипический образ матери в религии утерян. Таким образом либо вся сила очарования этого архетипического образа падает на собственную мать, либо развивается такой страх и отчуждение по отношению к феминному принципу, что маскулинное сознание закрывает себя полностью от любых феминных влияний и, вместе с этим, от влияния бессознательного; таким образом всё увядает в разумности и исторической ретроспекции. Таким путём возникает сознательная установка фон Шпата, другими словами, стареющего короля, который исключён из процесса трансформации.

В «Царстве без пространства» Бруно Гетца фон Шпат появляется как друг детства главного женского персонажа романа, Софи (жены Мельхиора ван Линденгуса). Поэтому фон Шпат также является персонификацией анимуса у женщины. В этой связи я часто наблюдаю матерей, использующих аргумент традиционного «позитивного христианства» против лечения их сыновей, или жён, которые используют его против юнгианского анализа их мужей; тайным мотивом их действий является отнюдь не христианская любовь, а скорее зависть и жажда власти. Другими словами отцовский и начальственный тип — «Герр фон Шпат» — и *puer aeternus* являются архетипами, которые могут возникнуть также как персонификации анимуса в психике женщины. В интересной работе Элси Хоппе исследовала «Маскулинный тип в литературных произведениях авторов женщин»[124] и противостояние puer и senex, которое становится явным тем образом, как женщины изображали мужчин в своих трудах.

Меня часто спрашивают о психологии *puella aeterna* и существует ли она вообще.

---

[122] Ibid.

[123] Ibid.

[124] Моя благодарность Рене Маламуду за то, что он рассказал мне об этой книге.

Несомненно есть, как я это вижу. *Puella aeterna* была бы женщиной типа «вечная дочь», той, кто будет бессознательно идентифицироваться с анимой отца. Такая женщина живёт, как и юноша-пуэр, в архетипической роли. Она — Кора, нуминозная *anima mundi* , богиня света. Женский тип, соответствующий фон Шпату, — это озлобленная, часто коварная старая женщина, которая цепляется за традицию и дорогостоящие ценности, вроде денег, мебели, домов, мехов — старая ведьма, неспособная любить. Также к этой категории принадлежат и гиены в магазинах, которых так метко изображает, Филипп Уайли. Грета Гарбо определённо испытала особенно интенсивное выпадение из роли и — по крайней мере, я так полагаю — выжила как человек. Грейс Келли также нашла выход из чистой идентификацией с анимой, к которой её вынуждала её карьера. С другой стороны, Бриджит Бардо, например, продолжила жить в роли *puella* в своих фильмах, которые часто содержали гермафродитно-мальчишеские скрытые смыслы, поскольку в алхимии *filius regius* и его невеста втайне идентичны. Мода, мир кино и одержимость анимой у мужчин усиливают соблазн для женщины играть роль *puella* так же, как одержимость анимусом у матерей и женщин превращает молодых людей в «вечных юношей». В то же самое время так много искренней духовной, религиозной и романтической тоски и творческих эмоций вложено в эту идентификацию, что понятно, что есть те, кто не хочет от неё отказываться. Ведь им кажется, что нет другой альтернативы, кроме стерильной тирании фон Шпата или разочарованной старухи, потому что они не знают, где и как может произойти возможная трансформация этих фигур.

В духовной революции протестантизма был сделан шаг в направлении того, чтобы больше не воспринимать религиозные образы как внешние и не сводить религиозную функцию психики к функции внешней церкви. Но если сказано А, то надо сказать и Б: если образы больше не являются «внешними» или не могут быть найдены в «догматической метафизике», то тогда они должны быть в нас — не в субъекте, но в объективной психике. Полностью принять этот необходимый следующий шаг протестантизм и не посмел; именно в этот момент и остановилась трансформация «старого короля». Если бы этот следующий шаг был сделан, тогда было бы мыслимым объединение протестантизма с интровертированным крылом католической церкви — другими словами, с её мистической частью. Таким образом было бы возможным преодолеть раскол с помощью принципа эроса и через признание религиозной функции бессознательного.

Реальность бессознательной психики была по большей части персонифицирована в мифологии в виде духа в природе материи, в виде матери, в виде *anima mundi* или в виде «вечной женственности» в «Фаусте» Гёте. Так как власть феминного не признаётся сейчас в нашей западной культуре, то у нас развились, с одной стороны, высоко-регрессивный культ «мамочек» и гомосексуальность, и, с другой, омертвение сознания, которое находит своё немедленное выражение в увеличении количества образующихся полицейских государств. Я могла непосредственно наблюдать в отдельных случаях, как в снах образ «старого Бога» (в случае немцев — Вотана, в случае евреев — Яхве) и эти силы полиции или диктатор как мотивы заменяли друг друга или возникали как идентичные, так как при отказе от трансформации образ Бога, или предыдущие сознательные доминанты, не просто остаётся прежним, когда процесс не способен продолжаться дальше, но явно регрессирует к старым, примитивным формам. Особенно интересно для нас сегодня всё увеличивающееся везде во внешнем мире количество спецслужб и шпионских сетей. В их сокрытии более или менее непосредственно воплотились тайные работы бессознательного, с одной стороны, в аспекте подрывающем и революционном, с другой — регрессивном и служащем фон Шпату. Без какой-либо своей собственной идеальной цели, эти организации служат укреплению власти различных доминирующих принципов. В большинстве случаев их доминантой является физическая безопасность, другими словами, архетип *mater materia* является принципиальным мотивом, который побуждает их к действию, или это или убеждение, что строгий «закон и порядок» необходим для удержания хаоса масс — иначе говоря, это начальник-диктатор или образ «старого короля». С другой стороны, одержимые архетипом

puer aeternus обычно не придерживаются политических убеждений, и это приводит нас к вопросу об их социальной безответственности; они просто увязают в каждом захватывающем эмоциональном движении масс, которое происходит вокруг, безотносительно того, откуда оно пришло и куда идёт. Конечно, эти два типа одержимости играют на руку друг другу. *Les extremes ne se touchent pas seulement:* [125] они часто даже идентичны.

Даже связанные с ракетостроением и авиацией проекты восточных и западных групп можно рассмотреть в этом свете. Так, американский поэт-авиатор Джон Мэджи пишет об экстазе своего высокого полёта в открытом самолёте: он «до Божьего лика дотронулся, длань протянув». Дотронулся до Божьего лика! То есть, Бог по-прежнему находится во внешнем мире где-то в пространстве или — если это только поэтическая метафора — он достижим только через ориентированную вовне авиационную технологию и акробатику, не через поиск в себе. Экстатическая инфляция, которая ассоциируется с опытом полёта, здесь описана невероятно наивно. Вскоре после создания этого стихотворения Джон Мэджи погиб в авиакатастрофе. Он тоже был ужален духом земли, смертельным аспектом Меркурия, змеёй, подобно маленькому принцу со звёзд.

Из «Торквато Тассо» Гёте уже ясно, что женщина и дифференциация анимы у мужчины играют решающую роль в трансформации senex в puer, как и в интеграции проблемы в целом. Здесь мне кажется, обращаясь теперь к женской стороне проблемы, что неопределённость и пассивность женщин представляет существенные трудности. Если анализировать женщин, которые идентифицируются с Великой Матерью, то они часто кажутся внушительной *massa confusa* эмоций, бессознательного коварства, мнений анимуса и так далее, за которыми, однако, можно найти очень маленькое, чувствительное, незрелое эго. Женщины, которые отождествляются с ролью анимы, кажутся оригинальными и решительными в присутствии дающей им форму мужской проекции, но когда они находятся одни лицом к лицу с другой женщиной, всё это растворяется в огромном чувстве пустоты и неуверенности. И когда встречается твёрдая и сформировавшаяся женщина, которая знает, чего она хочет, это, к сожалению, по большей части достижение её анимуса, а не её собственный характер. Прокручивание махинаций и интриг также тесно связано с этой неопределённостью: человек не принимает решений, но вместо этого надеется, желает и следит, на каком пути ему может улыбнуться удача, а затем очень нежно подталкивает силы судьбы. Немного клеветы здесь, немного шоу ненастоящих эмоций там, не совсем бессознательная ошибка в правильном месте — всё может помочь ходу вещей без того, чтобы брать за него на себя ответственность. Другая возможность заключается в честной и бесхитростной, но жёсткой, в мужском стиле идентификации со старыми коллективными ценностями — фон Шпатом или старым королём. В этом случае неопределившаяся, коварная и нерешительная женщина может быть обнаружена в тени. Иногда эти два типа женщин имеют гомоэротическое притяжение друг к другу, так же, как и два соответствующих типа мужчин, именно потому, что в действительности (но, конечно, внутренне) они должны быть объединены.

Только большая определённость и очень чёткое определение характера как следствие интеграции анимуса может противодействовать этому, потому что только тогда становится возможным объективный эрос, способный принять Самость и в то же самое время любить другого таким, какой он есть. Всё это идёт рука об руку с отречением от архетипической роли Великой Матери или «божественной Анимы» и возвращением к скромным человеческим качествам, также как это должно быть сделано для мужчины пуэра. Юнг сделал для нас важную вещь касательно отношения к данной ситуации: показал нам путь к обретению этой скромности без впадения в банальность, без возвращения к фон Шпату, без утери творческой *mana* , эмоций и очарования, что окружают фигуры пуэра и пуэллы.

[125] «Противоположности не просто соприкасаются.»

Напротив, когда пуэр и пуэлла поняты как Самость и не-эго, именно тогда они впервые начинают оказывать свои тайные искупительные и освободительные эффекты и терять свои ядовитые качества — те, которые делают эго оторванным от действительности. Без этого понимания, однако, архетип пуэра становится ничем иным как демоном смерти.

Бруно Гетц предваряет свой роман следующим стихотворением, посвящённым божественному мальчику Фо:

Когда тёмная туча
Не скрылась с небес,
И от всего мира,
Солнце исчезло,
Из глубины
Появился новый свет,
И даже во сне мы знали,
Что там был Ты.
О, восходящее солнце
Из глубины твоих глаз!
О, потоки любви,
Струящиеся из твоих губ!
Сквозь пучину океана вечности
Сияние твоих рук
Воспламеняет нас
Отвагой и мужеством.
Вечная юность,
Окружённая музыкой сфер,
Дарительница умиротворения,
Сияющая, свободная и прекрасная.
Мужчины и женщины
Танцуют, осенённые твоей славой,
Направляясь к смерти,
Чтобы тебя узреть.
Всегда объятые светом,
Твои белые очертания вызывают
Одну волну за другой,
И мы не состаримся никогда.[126] Мужчины и женщины направляются к смерти, чтобы узреть тебя![127] Это, безусловно, самая опасная сторона данного архетипического образа божественного обновления. Если это обновление не осознано, образ пуэра оказывает могущественное давление в направлении к смерти. В наше время он может стать причиной бессознательного массового самоубийства. Увеличение проблематики *puer aeternus* с точки зрения текущей ситуации в мире может показать нам, и это более чем пугающе, насколько необходимым стало людям совершить шаг в направлении установления внутренних психических отношений с Богом.

Поскольку, как я полагаю, фон Шпат, или алхимический senex, и пуэр, или *infans mercurius,* — это архетипические силы, которые лежат в основе событий в наше время как авторы одержимости и проекций, я полагаю, что мы должны приглядывать за тем, как эти силы могут овладеть нами или как, возможно, они уже это сделали. Мне кажется, что среди аналитиков появились две имеющие к ним отношение тенденции. Одна из них —

---

[126] Перевод цитируется по русскоязычному изданию "Puer Aeternus" М. Л. фон Франц. М.: Независимая фирма «Класс», 2009. (прим. пер.)

[127] В оригинале была фраза — «чтобы увидеть тебя обновлённым» (прим. пер.)

консерватизм, который хочет сделать Юнга «академичным» или «медицинским» или сделать его «удобным» определённым образом. Следуя этой тенденции мы закончим, например, в «нео-фрейдизме» вместе с фон Шпатом. Другая тенденция, в стиле пуэра, в том, что мы бы хотели «выйти за пределы Юнга и сказать последнее слово», не заботясь о том, является ли то, что мы скажем, научно достоверным или нет. Тайная идентичность этих тенденций демонстрируется, например, пуэром вроде Иры Прогофф (Ira Progoff), который обещал нам большие новаторские разработки теорий Юнга, а закончил в стане Отто Ранка!

Мы могли бы приводить и другие примеры, *sed nomina sunt odiosa* .[128] Мы можем только сохранить себя от этих тенденций при помощи большей человечности, другими словами, путём поиска и принятия, что эти два архетипических образа могут негативным образом влиять на нас только в той мере, в какой наш собственный опыт Самости ещё не достаточно развился.

Глава 8. Проекция и её отношение к болезни и психическому созреванию

Глубинная психология как Зигмунда Фрейда, так и К. Г. Юнга использует термин «проекция», но каждая из них вкладывает в него разный смысл. С точки зрения Фрейда проекция — это проблема невротической личности, избавляющейся от эмоционального конфликта путём переноса его на некоторый другой выбранный объект. Например, дочь переносит своё инцестуозное желание переспать с отцом на отцовскую фигуру вроде доктора или священника. Однако с точки зрения Юнга это только одна из множества возможностей. Согласно Юнгу, все психические содержания, которые ещё не стали для нас сознательными, появляются сначала в спроецированной форме как предполагаемые свойства внешних объектов. При таком подходе проекция — это возникающее непреднамеренно и бессознательно, другими словами, остающееся незамеченным, перенесение субъективного психического содержания на внешний объект.[129] В этом процессе бессознательное проецирующего как правило выбирает не вообще любой объект, но скорее тот, у которого есть какое-то или даже очень большое сродство по характеру к проецируемому качеству. Юнг говорит о «крючке» в объекте, на который проецирующий подвешивает свои проекции подобно тому, как вешают пальто на вешалку.

Довольно часто — здесь Фрейд и Юнг согласны друг с другом — проекции содержат не переработанные ложные представления родом из раннего детства. Сыновья или дочери, которые воспринимали своего отца как авторитарного человека (вне зависимости от того, был ли он таким на самом деле), проявляют склонность проецировать на все отцовские авторитеты — такие как учитель, священник, доктор, начальник, государство и даже образ Бога — негативное качество «авторитарности» и реагировать на них в соответствующей защитной манере. То, что спроецировано, однако, при ближайшем рассмотрении оказывается вовсе не исключительно образом отца в памяти, но представляет авторитарную тенденцию самого сына или самой дочери. Они сами ведут себя деспотично, не замечая этого, но при этом лицемерно убеждены, что постоянно встречают тиранов во внешнем мире; чтобы использовать как «крючок», им достаточно лишь небольшого проявления самонадеянности или деспотичности от тех, с кем они находятся в отношениях. Такие проекции, которые базируются на восприятии отца и матери в раннем детстве, особенно непоколебимы. Доктора-мужчины, например, всегда должны принимать во внимание негативный или позитивный отцовский комплекс у своих пациентов. С другой стороны, доктора-женщины должны иметь дело с проекциями материнского образа. Социальные работники, учителя и

---

[128] «Но все имена постыдны.»

[129] C. G. Jung, “Concerning the Archetypes, with Special Reference to the Anima Concept,” in CW 9/i, pp. 4-74.

психотерапевты сталкиваются с такими проекциями каждый день. Проецируются не только негативные свойства (хотя это происходит чаще, так как менее вероятно признать свои негативные качества, нежели позитивные); то позитивное в нас, что остаётся бессознательным, так же может быть спроецировано. Это становится причиной любви в форме нереалистичного, опьяняющего увлечения, которое полностью упускает из вида подлинную сущность партнёра.

ПРОЕКЦИЯ КАК НАРУШЕНИЕ АДАПТАЦИИ

В сущности невозможно определить, что из всего того, что мы чувствуем, ощущаем, думаем и осознаём в отношении внешних объектов и людей, существует «объективно», а что нет. С восточной точки зрения весь внешний мир в конечном счёте является *майей* , миром проекций, произведённым нашей бессознательной жизненной энергией (*шакти*). Западная наука начинает всё больше осознавать, что вообще невозможно постичь реальность «саму по себе», но можно только построить её ментальные модели. В этом смысле весь мир действительно является проекцией. Но на практическом уровне повседневной жизни о проекциях лучше говорить только после того, как человек ментально представит образ или суждение касательно объекта внешнего мира, которое ясно и навязчиво нарушает его адаптацию. Это сигнал о том, что человек, о котором идёт речь, должен вдуматься и осознать, что то, что по непонятной причине так очаровало его снаружи, в позитивном или негативном смысле, находится внутри него. В повседневной жизни такое нарушение обычно выражается в чрезмерно сильно аффекте или преувеличенной эмоции (любви, ненависти, восторге, фанатизме и т.д.) или же в форме иллюзии или ложного утверждения, постоянно замечаемого другими людьми и которое не может быть просто исправлено, как обычная ошибка. Но что такое «чрезмерно сильный» аффект? Итальянцы, например, намеренно культивируют драматические эмоции. Англичане и буддисты подавляют даже ту эмоциональность, которая кажется нормальной другим. Кто решает, что преувеличено, а что нет? В нашем случае на практике принять решение обычно помогает то, что называется здравым смыслом. Однако в конечном счёте это проблема оценки, для которой сейчас не существует объективных научных критериев. По этой причине следует быть очень осторожным при использовании концепции проекции.

АРХАИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В действительности мы сегодня только начинаем осознавать эту проблему. С исторической точки зрения в первоначальном состоянии внутренний и внешний миры не были строго отделены друг от друга, другими словами, субъект и объект были в значительной мере идентифицированы друг с другом. Юнг называет это состояние архаической идентичностью. Примитивное сознание, подобно такому же у детей, в начале находится в потоке событий, в котором события в окружающей среде и во внутреннем мире не отличимы друг от друга или же различаются лишь незначительно.[130] Это также наше нормальное состояние, которое прерывается только время от времени, когда показывается наше сознательное эго. Равным образом в нашем случае непрерывность эго сознания является достаточно относительной. Кто, например, заходит настолько далеко, что размышляет о том, является ли образ супруга или супруги точным, до тех пор, пока не будет принуждён к этому некими неурядицами в отношении? По правде говоря мы всё ещё связаны с нашим окружением целой системой проекций; на самом деле, проекции даже служат настоящим мостом между индивидом и внешним миром и другими людьми. Проекции вызывают игру бессознательных симпатий и антипатий, участия или отвержения, вокруг которых формируется вся наша жизнь. Только когда наша психическая энергия по какой-то причине отводится от этих проекций, например, когда наша любовь сменяется неприятием или когда наша ненависть начинает казаться смехотворной даже нам самим, — только в этот момент наступает время зрелости, и для нас появляется возможность для

---

[130] Jung, letter to Marie Ramondt, 10 March 1950, Letters, vol. 1, p. 549.

рефлексии и для признания прежде бессознательных проекций.

Здесь чрезвычайно важно не просто думать, что мы обманываем сами себя, но что пока мы ищем в себе и не сможем найти его, дать ему определение и установить его настоящие практические эффекты, тот элемент, что очаровал нас, находится и во внешнем мире. Например, мы ненавидим кого-то из-за его лжи. Недостаточно думать «Я сам иногда лгу»; скорее мы должны отметить, что «при таких и таких условиях я лгал именно так же, как и непереносимый мной м-р X!» Когда мы признаём что-нибудь вроде этого не только «теоретически», но и практически, это обычно вызывает шок, который приводит к позитивному изменению в нашей личности, движение в направлении зрелости. Признание негативных проекций как в примере выше приводит к моральной дифференциации, и теперь человек, о котором идёт речь, должен примириться со своей проблемой лжи. Признание позитивных проекций обычно означает большую ответственность для нас: вместо бессвязного восхищения м-ром X за его ум я теперь должен работать над моим собственным мозгом немного больше! Или вместо постоянного напрасного ожидания выражений теплоты от людей вокруг меня я теперь должен научиться проявлять больше эмоционального тепла по отношению к самому себе. Можно понять, почему большинство людей не признают добровольно свои проекции.

Наиболее вопиющее проявление проекций — лицемерные политические убеждения, «измы», и страстная приверженность теориям, например, научные предубеждения. Как только исчезают толерантность и юмор, можно предположить, что на сцену выходят проекции. Когда мы замечаем, что кто-то реагирует с непропорциональной эмоциональностью и поддаётся искушению дискредитировать оппонента, есть основания подозревать, что он проецирует что-то на своего оппонента или его теорию. Если у нас есть полезная привычка уделять внимание своим снам, то мы увидим, что нам часто снятся сны о таких противниках. Это сигнал для нас: «что-то, касающееся этого оппонента, находится внутри меня самого.» Даже если проецируют только другие, трудно не вовлекаться в это самому. Так как аффекты и эмоции чрезвычайно заразны, требуется выдающаяся храбрость, чтобы не потерять свою уравновешенность в групповой ситуации, как знает каждый модератор группы или ведущий дискуссию лидер.

СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРОЕКЦИЕЙ И БОЛЕЗНЬЮ

Источник

В процессе каждой проекции есть «источник», то есть тот, кто проецирует что-либо на кого-то другого, и «приёмник», тот, на кого что-то проецируется. Достаточно интересно, что это два очень важных фактора в истории медицины. Сам процесс «отправки» проекции можно обнаружить в широко распространённой среди примитивных народов концепции «снарядов болезни», например, магических стрел или чего-либо другого, обычно заострённых орудий, попадание которых в человека делает его больным.[131] Бог, демон или злой человек стреляет такими магическими «стрелами» в людей. Извлечение снарядов вызывает исцеление жертвы. В Ветхом Завете сам Бог стреляет такими стрелами (Книга Иова 6:4): «Ибо стрелы Вседержителя во мне: яд их пьёт дух мой; ужасы Божии ополчились против меня.» Или же есть невидимые демонические силы (Псалом 91): «Не устрашишься ужаса ночного, стрелы, летящей днём, мора, во мраке ходящего, чумы, похищающей в полдень.» Обычные люди как такие стрелы обычно испытывают злобную клевету (Книга Пророка Иеремии 9:3; Псалмы 64:4). Мы также можем заметить связь немецкого слова *Krankheit* , означающего «болезнь», и *kranken* , означающего «получить эмоциональное повреждение». Мы всё ещё говорим о «колючках» и «ехидных замечаниях». В Индии слово *salya* означает «наконечник стрелы», «колючка» или «осколок», а про докторов, которые удаляют такие стрелы из тел больных людей, говорят, что он выступает «в роли судьи,

131 E. H. Ackerknecht, “ Primitive Medicine and Culture Pattern,” Bul- letin o f the History o f Medicine 12 (April 1942), and “ Natural Diseases and Rational Treatment in Primitive Medicine,” Bulletin of the History of Medicine 19 (May 1946).

который удаляет колючки несправедливости из судебного процесса». Колючка — это, очевидно, что-то вроде плохого аффекта, который создаёт юридическую неопределённость. Психиатры и психологи знают, что заострённая или остроконечная формы в рисунках пациентов представляют собой деструктивные импульсы.

Позитивные проекции также представляют собой разновидность стрел, поэтому, например, Амур и Кама, индуистский бог любви, несут с собой луки и стрелы. Будда описывал желание любви как «стрелу, которая вонзается глубоко в плоть.»

То, что реже злые люди и чаще боги или демоны посылают эти стрелы болезни, находится в согласии с наблюдением современных психологов о том, что проекции не разыгрываются нами, а происходят бессознательно; другими словами, что они происходят из комплексов или архетипов бессознательного. (Демоны = комплексы; боги = архетипические образы.) Греческий философ Демокрит полагал, что вся атмосфера полна *eidola* (образов) или *dianoetikai phantasiai* (воображаемых идей), которые посещают нас во сне, но также влияют на нас в течение дня. «Только острый ум может отличить их; обычные люди путают их с объектами внешнего мира.»[132]

Проекции наших сознательно не осознаваемых психических содержаний приводят источник, отправителя к «потере души», одной из самых устрашающих болезней среди примитивных людей. Она делает человека апатичным, депрессивным или подверженным навязчивому влечению к посторонним людям.

Приёмник

Человек, на которого кто-то другой проецирует что-то, также затронут — с примитивной точки зрения он поражён стрелой. Если у получателя слабое эго сознание (как, например, у детей), он будет легко подвержен влиянию и станет отыгрывать то, что было на него спроецировано. На примитивном уровне это означает, что он одержим. Мы ощущаем себя обязанностями налаживать отношения со страстной влюблённостью в нас, или же мы непреднамеренно поступаем зло в соответствии с интересами того врага, которого он ожидает найти в нас исходя из своей проекции. Дети часто отыгрывают бессознательную теневую сторону своих родителей — ту, что скрыта в них, но не осознаётся ими. Это объясняет известный феномен того, что дети особенно благочестиво ведущих себя родителей часто совершает поистине дьявольские вещи. «Дети священника и корова мельника в любом случае редко живут припеваючи», как говорит пословица.[133]

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ПРОЕКЦИИ

К. Г. Юнг выделял 5 стадий в устранении проекции:

1. Исходная ситуация — это архаическая идентичность. Внутреннее психическое содержание воспринимается полностью как поведение внешнего объекта; например, человек может полагать, что он околдован камнем.

2. Камень сам по себе отделяется от очаровывающего элемента, и последний описывается как злой «дух» в камне.

3. Совершается моральная оценка того, является ли дух добрым или злым.

4. Дух объявляется иллюзией.

5. Человек задаёт вопрос «Что могло привести к этой иллюзии?» и опознаёт это не как что-то реальное вовне, но скорее как внутреннюю психическую реальность, после чего предпринимается попытка интегрировать это.

Многие проблемы сравнительной истории религий и образования академических гипотез могут быть прояснены при рассмотрении вещей так, как перечислено в этих

---

[132] H. Diels, Die Fragmente der Vorsokratiker (Fragments of the Presocratics), 6th ed. (Berlin, 1952), vol. 2, p. 102.

[133] Дословный перевод пословицы «Preacher’s children and miller’s cow, seldom flourish anyhow» — прим. пер.

стадиях:[134] архаическая идентичность, анимизм, моральная оценка собственных богов (как в случае древних греков), просвещение, восприятие психической реальности.

Кажется, что люди испытывают сильное сопротивление в отношении любого прогресса в рамках этих пяти стадий, но особенно в отношении последней, пятой стадии. Это основывается на том факте, что любое избавление от проекции ложится тяжёлой ношей на размышляющего человека. Он становится ответственен за ту часть своей психики, которую до этого с облегчением рассматривал как не свою часть. Поэтому психотерапевт должен тщательно взвешивать, как много он может попросить принять пациента или партнёра. Эго сознание подобно рыбаку в маленькой или большой лодке: она может принять в себя ровно столько рыбы (бессознательных содержаний), чтобы не затонуть после этого. Иногда необходимо позволить анализанду продолжать верить в злых духов или людей, которые преследуют его, потому что признание того, что вся эта дьявольщина находится внутри него самого, буквально убьёт его.

Но даже у людей с самой большой способностью признавать что-либо есть свои ограничения. Так называемые архетипические комплексы (изображаемые как Бог или боги) вообще не могут быть интегрированы, потому что в противном случае они «перевесят» личность, что практически равносильно инфляции (тщеславие, мания величия). Мудрее понимать такие архетипические содержания как физически реальные коллективные силы, с которыми человек может индентифицироваться, но которым нужно предпринять попытку воздать должное, относясь к ним очень осторожно (акты уважения, подношения, молитвы). С этой точки зрения различные мировые религии были и есть психотерапевтическими системами, которые делают возможным для людей более или менее безнаказанно устанавливать отношения с этими архетипическими психическими силами в спроецированной форме. Это неоспоримый базис связи между религией и медициной.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Несмотря на упомянутое выше сопротивление, кажется, что у людей возникает тенденция развивать даже более широкое состояние сознания, что в то же самое время означает расширение психической сферы при помощи устранения проекций. Значение и позитивные последствия этого представить легко. Чем больше человек знает себя и чем меньше, таким образом, частей себя он проецирует на других, тем более объективно и искренне он может относиться к себе и к другим людям. В сущности здесь лежит разница между симпатией или страстным увлечением и настоящей любовью или между ненавистью и объективным неприятием и отчуждённостью. Весь прогресс во взаимном понимании и улучшении отношений между людьми зависит от избавления от проекций. Однако за такой прогресс должна быть заплачена своя цена: уютная «навозная теплота», в которой мы можем оставить себя, перестаёт быть возможной; также перестают быть возможными пустая болтовня и удовольствие от детских приступов гнева с триумфальным «я же тебе говорил!» По этой причине с моей точки зрения будет даже печально, если все люди внезапно станут «мудрыми» и признают свои проекции. В конце концов игры божественной глупости должны продолжаться. Но во всех случаях, когда проекции ведут к смерти и убийству или к тяжёлым испытаниям, крайне рекомендуется об этом задуматься. Но это, однако, настолько непопулярное действие, что обычно оно совершается только в условиях крайней необходимости. Сегодня, однако, проблема перенаселения и скученность людей, к которой она привела, создали состояние острой необходимости, которое, как мне кажется, делает абсолютно необходимым для нас больше осознать нашу собственную природу вместо того, чтобы продолжать инфантильно нагружать других нашими проекциями.

Глава 9. Профессия и призвание

[134] For a more detailed discussion, see Marie-Louise von Franz, Projection and Re-collection in Jungian Psychology: Reflections o j the Soul (LaSalle, 111. & London: Open Court Publishing Co., 1985).

Один из самых трудных вопросов в подготовке будущих аналитиков — это вопрос о том, подходят ли они для этой профессии. Даже самая всеобъемлющая программа подготовки, ограниченная передачей совершенно необходимых знаний, несмотря на то, что это несомненно нужно, не может передать людям то «нечто», что создаёт внутри человека исцеляющие эманации. Это правда, что моральная целостность и желание помочь необходимы, но только лишь они не могут привести к необходимому результату. По моему опыту каждый человек, который на протяжении долгого времени уделял усилия в процессе своего анализа сознательному распознанию своих проблем, становится привлекательным для людей вокруг него. Остальные чувствуют, что он обладает чем-то, что притягивает их к нему. Они начинают пересказывать свои сны и свои проблемы человеку, о котором идёт речь, даже за пределами профессионального окружения. Тем не менее, мне кажется, что даже это не всегда является достаточным доказательством пригодности человека. Возможно у такого человека есть другие обязанности, к выполнению которых у него большее призвание, нежели к передаче другим того относительно более высокого состояния сознания, которого он достиг. Я помню женщину, находящуюся в такой ситуации. Хотя все необходимые предварительные условия были выполнены, казалось, что её сны не поддерживают её в начинании аналитической работы. Только после того, как двое её детей покинули дом, она увидела сон: «Голос сказал мне, что теперь я могу построить публичный бассейн на переднем дворе моего дома и работать там как обслуживающий персонал.» Это, очевидно, означает, что теперь она может обеспечивать другим вход в воды бессознательного и быть уверенной, что они научаться плавать в них и не утонут. Она стала одарённым аналитиком. По-видимому, до этого её семья нуждалась в ней слишком сильно, чтобы она могла расширять свою энергию на других людей за её пределами.

Сложная проблема есть у тех будущих практикантов, кто одержим архетипом целителя. Архетипический образ целителя связан с таковым у *puer aeternus* , творческим богом-сыном Великой Матери. Значительное количество молодых людей с материнским комплексом имеют склонность идентифицироваться с этим архетипом. Они сами по себе проявляют «материнские» качества по отношению к беспомощным или страдающим и также часто обладают даром преподавателя.[135] С этой точки зрения они не кажутся неподходящими для профессии аналитика; однако вследствие своей идентификации с архетипом эти молодые люди страдают от инфляции. В этих случаях полезно заставить их серьёзно заниматься, даже, возможно, медициной, так как человек, страдающий от инфляции, не любит работать; он уже знает всё лучше и более глубоко, чем другие. Тяжёлая работа, однако, вместе с необходимыми пояснениями в процессе анализа часто делает возможным преодоление инфляции. Таким людям важно осознать, что именно бессознательное в конце концов является причиной процесса исцеления и направляет его и что аналитик только оказывает помощь и поддержку этому процессу, но не является его творцом. Я хотела бы проиллюстрировать это на примере профессионального сна молодого коллеги, который приснился ему в ночь перед его первой сессией анализа. Вечер перед сном он провёл за тщательными размышлениями о том, что такое на самом деле «надлежащая» интерпретация сна и анализ с юнгианской точки зрения. Затем ему приснилось следующее:

Я сижу на открытой прямоугольной площади в старом городе. Прямо рядом со мной со скрещенными ногами сидит молодой человек, одетый только в пару брюк. У него могучий, полный жизни и силы торс. Солнце просвечивает через его светлые волосы. Он пересказывает мне свои сны и хочет, чтобы я их ему интерпретировал. Его сны подобны ткани, которую он разворачивает передо мной по мере того, как он их мне рассказывает. Каждый раз, когда он пересказывает сон, с неба падает камень, который разбивает сон вдребезги. Фрагменты сна разлетаются в разные стороны. Когда я беру их в руку, мне

---

[135] См. Юнг, «Психологические аспекты архетипа матери».

становится ясно, что они сделаны из хлеба. По мере того как кусочки снов разлетаются, открывается их внутренняя структура, которая напоминает абстрактную современную скульптуру. При пересказе каждого следующего сна на него падает ещё один камень, и таким образом проявляется всё больше и больше базовой структуры, состоящей из гаек и болтов. Я говорю юноше, что это показывает, как выявить значение сна — вплоть до основных элементов. Затем выясняется, что интерпретация сна — это искусство знать, что нужно отбросить, а что сохранить, точно так же, как и вообще в жизни.

Затем пространство сна меняется. Юноша и я теперь сидим лицом друг к другу на берегу восхитительно прекрасной широкой реки. Он всё ещё рассказывает мне свои сны, но структура, которая строится на основе снов, принимает другую форму. Они более не образуют пирамиду из гаек и болтов, но пирамиду, сделанную из тысяч маленьких квадратов и треугольников. Она подобна произведению кубистов, например, Брака, но при этом она трёхмерная и живая. Цвета и оттенки маленьких квадратов и треугольников постоянно меняются. Я объясняю, что для человека важно сохранять баланс всей композиции, немедленно противопоставляя изменению цвета соответствующее компенсаторное изменение на другой стороне. Задача по балансировке цветов невероятно сложная, потому что весь объект является трёхмерным и находится в постоянном движении. Затем я смотрю на вершину пирамиды из сна. И там ничто. В действительности это единственная точка, в которой вся структура удерживается вместе, но там пустое пространство. Когда я смотрю на неё, это пространство начинает излучать белый свет.

Пространство сна меняется ещё раз. Пирамида там остаётся, но теперь она сделана из затвердевших фекальных масс. Вершина всё ещё светится. Я внезапно осознаю, что эта невидимая вершина словно бы сделалась видимой при помощи твёрдого дерьма, и напротив, дерьмо также стало видимым благодаря вершине. Я вглядываюсь в дерьмо и понимаю, что я смотрю на руку Божью. В момент прозрения я понимаю, почему вершина невидима: это лицо Бога.

Сон снова меняется. М-с фон Франц и я прогуливаемся вдоль реки. Она со смехом говорит: «Мне 61 год, а не 16, но оба числа при сложении цифр дают 7.»

Внезапно я просыпаюсь с чувством, что кто-то громко стучится в дверь. К моему удивлению, в квартире абсолютно пусто и тихо.

На языке примитивных народов это «большой» сон; на языке Юнга — архетипический сон, обладающий сверхличностным, универсальным человеческим значением. Так как я уже дала ему интерпретацию в главе «Самореализация в индивидуальной терапии К. Г. Юнга», то я отсылаю читателя к тому обсуждению. В контексте этой статьи важен только факт, что бессознательное проявляется как главный элемент лечения, что рука Бога видна в «человеческом, слишком человеческом» и что работа человека по его собственному развитию продолжается. Кажется, что здесь это самое важное.

Этот большой сон уводит далеко в сторону от страхов сновидца и отвечает на его вопросы целой жизненной философией, в центре которой находится вопрос самореализации. Вся ситуация представлена как событие, которое просвещает сновидца. Это не должно, однако, подвести нас к ошибочному выводу, что анализ не требует также усилий со стороны эго. По опыту мы знаем, что анализ — это тяжёлая работа, требующая большого количества знаний. Данный сон, который представляет работу как то, что происходит само, служит компенсацией тому, как сновидец на протяжении предыдущего дня в своих тяжёлых раздумьях принял своё эго и роль врача слишком серьёзно. Настоящие пациенты, которые были ему назначены, две молодые женщины, вообще не появились во сне, вместо них был пациент, «страдалец» — внутренняя фигура самого сновидца, фрагмент Самости.

Сон показывает, что главная часть внутреннего развития аналитика — это что-то, что находится исключительно между его эго и Самостью (или, говоря старомодно, образом Бога внутри него). Также сон однозначно указывает, что сновидцу важнее увидеть «руку Божью», которая направляет судьбы человечества, нежели хотеть «сделать что-нибудь» самому.

Каждая психологическая истина может быть и даже должна быть перевёрнута: не

должно быть аналитика без твёрдого основания в виде знаний, настолько всеобъемлющих, насколько это возможно. Часто совершенно правильно указывают, что психологи без медицинской подготовки легко могут пропустить психосоматические состояния. Хотя я выступаю за немедицинских психологов, я бы хотела подчеркнуть этот момент. Не медикам несомненно важно тщательно изучать симптомы психосоматических заболеваний с тем, чтобы быть способным перенаправить к врачу пациентов, которым требуется физическое лечение. Но также есть и другие области, в которых основательные знания кажутся мне совершенно необходимыми. Здесь мне вспоминается мексиканский студент, который был в процессе своего учебного анализа. У меня было ощущение, что я совсем его не понимаю, и казалось, что он тоже не способен выполнять большинство из того, что я ему говорила. Причина этого оставалась для меня загадкой, так как он мне очень нравился. Затем он пришёл ко мне с таким сном:

Он увидел между ветвями дерева большой камень из обсидиана. Когда он подошёл к нему, камень спрыгнул с дерева и начал преследовать его. Он чувствовал, что это было очень опасно. Когда он убегал, он натолкнулся на нескольких рабочих, которые копали четырёхугольную яму в земле. Они знаками показали ему, что ему следует спуститься в эту яму и стать прямо в её центре. Когда он сделал это, преследующий его обсидиановый камень стал уменьшаться и наконец расположился у него на ладони как банальный маленький голыш.

Когда я услышала этот сон, я воскликнула: «Какое отношение Вы имеете к богу Тескатлипоке?» Затем он наконец признался, в чём дело. Он сказал мне, что на три четверти он — ацтек. Он не упомянул этого в своём анамнезе, потому в Мексике, кажется, всё ещё довольно сильны расовые предрассудки. Внезапно я поняла его. Глубоко внутри, не зная этого, он жил в духовной традиции ацтеков, но сам себе не признавался в этом. С этим сном началась его индивидуация и его интеллектуальное творчество. Тескатлипока, высшее ацтекское божество, стал его внутренним проводником в активном воображении.

Но чтобы произошло с этим анализом, если бы я не знала, что обсидиан — символ бога Тескатлипоки? Естественно, что даже опытный аналитик не может быть знаком со всеми мифологическими мотивами, число которых измеряется сотнями тысяч. Поэтому важно научить будущих аналитиков так, чтобы они не интерпретировали сны навскидку, но постоянно брали на себя труд искать разные вещи в специальной литературе о символах, и они должны быть обучены так, чтобы знали, где именно искать. В конце концов у докторов тоже есть справочники, в которых они могут уточнить делали о медикаментах и симптомах. В юнгианском анализе знание мифологии значительно более важно, чем в других школах. Другие школы обычно базируют свой подход на принятой теории снов, которая предлагает определённые интерпретации прямо с самого начала. Согласно юнгианскому подходу общее правило состоит в том, что каждый сон выражает нечто всё ещё неизвестное, нечто новое для пациента. До тех пор, пока мы имеем дело с образами сна из личного бессознательного, скрупулёзной записи ассоциаций сновидца часто будет достаточно. Но что касается архетипических образов, то люди часто очень мало могут сказать о них при помощи ассоциаций. Что в этом случае нужно, так это отыскать сопоставимый мифологический материал.

Тогда как это проблема по большей части касается интеллектуальной подготовки и знаний будущего аналитика, мы также не должны забывать о чувстве, другими словами, о сердце. Каким бы интеллектуалом ни был бессердечный аналитик, я ни разу не видела никого, относящегося к этому типу, кто бы исцелил хоть кого-нибудь! А «сердце» не может быть наработано. Те, у кого его нет, с моей точки зрения очень мало подходят для этой профессии. Однако есть люди, у которых на самом деле есть сердце и способность к состраданию, но они не смеют этого выразить. Таким людям можно помочь в процессе учебного анализа стать хорошими аналитиками.

На самом деле, в идеальной ситуации аналитик должен развивать все четыре функции сознания. Ему нужна функция ощущения, так как он должен быть реалистом и быть

способным увидеть благодаря ей все внутренние и внешние факторы. Никогда не должно случиться такого (хотя я была свидетелем этому), что аналитик не знает ничего о финансовой ситуации пациента или упускает из виду тот факт, что пациент недоедает. Конечно, интуиция также неотъемлема, потому что без неё невозможно ухватить относящуюся к будущему и прогностичную функцию сновидений, а также угадать все те вещи, которые анализанд не сказал и которые обычно обладают особым значением.

Разумеется, на практике едва ли возможно всем аналитикам быть настолько хорошо сбалансированными и цельными, чтобы интегрировать все четыре их сознательные функции. Нужно постоянно удостоверяться в том, что будущему аналитику известно, какие функции у него неразвиты, так чтобы он знал свои слабости и был внимателен по отношению к ним и, в случае неуверенности, когда есть основания для подозрений о том, что что-то в анализе идёт неправильно, обратился к коллеге для консультации.

Проблемы знания и развития сознательных функций связаны с состоянием нормы будущего врача, с его адаптацией к внешнему миру и обществу. Но слово *призвание* относится к чему-то более глубокому и более значимому — связи с Богом или богами, другими словами, силами, которые проявляются внутри психики. Если мы посмотрим на это с исторической точки зрения, мы увидим, что в Средние века как людей, обладающих призванием быть целителем для психики или души (хотя они и должны были быть относительно нормальным), рассматривали не особенно «нормальных» людей, но скорее священников; люди даже искали помощи у могил мучеников или святых, думая, что сверхъестественное влияние их личностей может исцелить психологические нарушения. Если мы обратимся к более давней истории, то на первый план выйдет специфически христианское разделение между религией и медициной. Затем, ещё дальше вглубь истории, мы придём к фигуре врача-священника, который работал, например, в местах, посвящённых Асклепию (Кос, Эпидаурус и т.д.).[136] Что призвание значило в те дни, мы знаем, например, от Апулея, который в качестве *katochos* (добровольного интерна)[137] жил на службе у богини Исиды.

Целитель-священник времён поздней античности — это архетипический вариант того типа шамана[138] который можно обнаружить везде в мире. Для него призвание остаётся тем, что изначально означало это слово: призыв богов или духов стать целителем. Шаманы (мужчины и женщины самых разных народов) проходят через особый период подготовки и развития. Их призывают духи клана или какие-либо другие духи, часто против воли. «Прежде чем появится шаман, душу человека, к этому предназначенного, забирают духи и помещают её в нижний или верхний мир.»[139] Души тех, кто будет шаманами, затем помещаются в гнёзда на разных уровнях ветвей большого дерева и обычно выращиваются и воспитываются животным-покровителем в форме ворона или какой-либо другой птицы или крылатого лося или оленя и т.д. Это животное-покровитель является его альтер эго, его двойником, его защищающим духом и его жизненным принципом. Иногда она пожирает шамана и даёт рождение ему обновлённому, или же она высиживает его, находящегося в яйце. Помимо этого, как мы знаем, шаманская инициация обычно состоит также в том, что

---

[136] См. C. A. Meier, «Der Traum ah Medizin» (The Dream as Medicine) (Einsiedeln, Switzerland: Daimon Verlag, 1985).

[137] Cf. G. Preusschen, «*Monchtum und Serapiskult»* (Monasticism and the Serapis Cult) (Giessen, 1903).

[138] В оригинальном тексте автор разделяет два понятия: «shaman» означает шаманов сибирских племён, а «medicine man» относится к индейским шаманам. На русском языке такого строго разделения терминов нет, поэтому и то, и другое называется «шаманом». — прим. пер.

[139] Цит. по A. Friedrich and L. G. Budruss, «Schamanengeschichten aus Siberien» (Siberian Shaman Stories) (Munich, 1955), стр. 45.

кандидата расчленяют, оставляя от него только скелет. Скелет представляет собой то нерушимое основание, на котором может быть взращён новый обновлённый шаман. Новый шаман не всегда контролирует свою новую форму; иногда он достигает её только в критические моменты, в процессе инициации или во время смерти, но именно при помощи своего внутреннего альтер эго он доводит до конца своё исцеление.

С точки зрения современной глубинной психологии, этот шаманский опыт равносилен вторжению коллективного бессознательного и успешной борьбе с ним. По моему опыту, когда учебный анализ будущего аналитика зацикливается на обсуждении личных проблем, такой человек впоследствии никогда не станет эффективным аналитиком. Только когда он испытывает бесконечность в своей собственной жизни, как это сформулировал Юнг, его жизнь приобретает смысл. В противном случае она остаётся поверхностной.[140] И мы можем добавить, что такой человек и другим может предложить только что-то поверхностное: хороший совет, интеллектуальные интерпретации, данные из благих побуждений рекомендации стать нормальным. Важно, чтобы аналитик обитал глубоко в том, что является самым важным; тогда он может направить анализанда к его собственному внутреннему центру. Шаман удачно говорит куску дерева, который он хочет превратить в барабан: «О лиственница, освободи свой ум от вздора и разногласий, ты собираешься стать барабаном.»[141]

Символы духа животного-покровителя, барабана, дерева и многие другие, о которых я не могу тут детально рассказать, являются символами Самости в юнгианской терминологии. В шаманской традиции будущий целитель должен не только испытать вторжение коллективного бессознательного, но он также должен проникнуть к своему ядру, которое Юнг обозначил термином Самость. Как ни странно, часто Самость первая враждебно выступает против человека как что-то взрывоопасное, что даже может вызвать безумие.[142] Тунгусы Сибири знают об этом. Они даже говорят, что до того, как человек станет шаманом, он должен страдать от нападок духов на протяжении нескольких лет. Это души мёртвых шаманов вызывают у него припадки, и часто это именно они калечат человека в процессе инициации.[143]

Один бурят, например, был болен пятнадцать лет. Он бесцельно бегал туда-сюда обнажённым зимой и «вёл себя как полный дурак».[144] Затем он обнаружил своего духа-помощника, который сказал ему: «Почему ты продолжаешь так себя вести? Разве ты не знаешь нас? Будь шаманом. Положись на нас, своих утча [предков = духов-помощников]. Согласен?» Он дал своё согласие, прошёл через ритуалы инициации и стал действовать, как шаман: «Повсюду он исцелял и творил добро.» Строго запрещено действовать как шаман до завершения времени инициации и того, как новопосвящённый излечится от своей инициаторной болезни.[145]

Всё, что мы сказали здесь о шаманизме приполярных народов, удивительно применимо к проблеме призвания современных врачей. Тот, кто не вступил в глубины бессознательного и не увидел там «пути всех духов болезни», едва ли может обладать настоящей эмпатией по

---

140 Юнг, «Воспоминания, сновидения, размышления».

141 Friedrich and Budruss, «Schamanengeschichten», стр. 80.

142 См. Юнг «Философское древо».

143 Friedrich and Budruss, «Schamanengeschichten», стр. 212 — 213.

144 Там же, стр. 209.

145 Там же, стр. 159.

отношению к серьёзным психическим страданиям его человеческих товарищей. Он будет всего лишь лечить их по учебнику и не будет способен сопереживать им, и это часто ключевой фактор для пациентов. Тот, кто преждевременно начинает действовать как шаман, до того, как преодолеет свою инициаторную болезнь, являет собой точно такую же картину. Многие молодые энтузиасты хотят приступить к лечению других людей с самого начала их собственного учебного анализа, ещё до того, как они решат свои собственные проблемы и установят контакт с содержимым своего бессознательного. Такой подход, установление *мистического соучастия* с пациентом, обычно приводит к тому, что в итоге они оказываются в некотором «слепом пятне». Результатом этого является индуцированный психоз, а отнюдь не исцеление; или же пациент будет достаточно умён, чтобы заметить, что его так называемый «доктор» и сам не слишком стабилен. «Этот тип в ещё большей депрессии, чем я», как мне однажды сказал анализанд, на котором тренировался ещё не оперившийся «аналитик».

Утверждается, что шаманы в общем обладали психическими заболеваниями или, по крайней мере, были психически нестабильны, однако Элиаде указывал, например, что эскимосы могли чётко отличать «шаманские» болезни и обычные случаи ментальных расстройств.[146] В процессе шаманской инициаторной болезни новопосвящённый преуспевает в обнаружении своего собственного лекарства, а это именно то, что человек с обычным расстройством психики сделать не способен. Кроме того шаманы являются творческими людьми в своих обществах, поэтами и художниками. Здесь мы затрагиваем значимый и для современных врачей вопрос: в массовой юмористической культуре достаточно широко распространён образ сумасшедшего психиатра.[147] В этой связи я бы хотела присоединиться к точке зрения эскимосов: тот, кто способен исцелить себя сам, не болен, он тот, кто может помочь другим. Такой человек целостен в самой своей глубине и обладает силой эго, а это две необходимых предпосылки для профессии врача. Он подвергается своей инициаторной болезни не из слабости, но скорее с целью познакомиться со всеми «путями болезни», чтобы знать на своём опыте, что означают одержимость, депрессия, шизоидная диссоциация и т.д.

Также и расчленение в процессе инициации не является шизофренией. Согласно мифологическому описанию, это редукция к скелету. Но для тех людей, кто создал эти мифы, он означает то неразрушимое, вечное в человеке, и также то, что сохраняется из поколения в поколение. На современном языке это означает, что посвящаемый проходит «анализ» в смысле растворения всех его неподлинных, например, общепринятых или инфантильных, черт характера с тем, чтобы обрести свой собственный путь, которым он пойдёт к самому себе настоящему. На юнгианском языке можно сказать, что он продвигается по пути индивидуации, устанавливает твёрдую личность, которая больше не подвержена внутренним аффектам и проекциям, равно как и внешним общественным трендам и модам.

С точки зрения этнологии, однако, у целителя также есть специфическая тень; другими словами, у его призвания есть и тёмный противоположный аспект. Это фигура демонического шамана. Самой внешней его формой является врач, который руководствуется комплексом власти. Очевидно, конечно, что в этой профессии, в которой каждый сам себе и царь и бог и в которой другие люди часто вцепляются во врача в детской наивной манере, злоупотребление властью представляет собой огромное искушение. Например, человек может подвергнуться искушению принять на себя роль родителя или мудреца, того, кто знает, что правильно. Как мне кажется, это не столько опасно, сколько отвратительно, так как таким аналитикам обычно в наказание посылаются в равной мере одержимые властью

---

[146] См. Мирча Элиаде «Шаманизм и архаические техники экстаза».

[147] Например, такая шутка. Какая разница между человеком с психическим заболеванием и психиатром? Ответ: психиатр — это тот, у кого ключи от офиса.

пациенты или же их наказывают тем, что они собирают вокруг себя требующий больших усилий детский сад из пациентов, раздражающих их своими требованиями.

«Демонический» целитель — это нечто большее, нечто более опасное. Якуты, например, верят, что в момент инициации у шамана есть выбор быть инициированным духами «разрушения и смерти» или духами «исцеления и спасения».[148] Что здесь сбивает с толку, так это то, что человек, инициированный злыми духами, также может рассматриваться как великий шаман.[149] Но чтобы такой человек стал шаманом, много людей (часто из его клана) должны умереть,[150] тогда как клан светлого шамана процветает.[151] Поэтому первый тип шаманов называется «кровожадным». С психологической точки зрения тёмные шаманы — это те, кто нашли вход в бессознательное и показали себя достаточно сильными, чтобы не быть им низвергнутыми, но кто, что называется, специально сдались тёмным импульсам бессознательного.

Юнг описывал «демоническое», которое также можно назвать «чёрной магией», следующим образом.[152] В то время как «белая магия» стремится вытеснить силы беспорядка в бессознательное, «чёрная магия превозносит деструктивные импульсы как единственную правду в противовес до этого момента превалирующему порядку и, более того, ставит их на службу человеку в противовес тем, что служат всему обществу. Средства, используемые для этого, — примитивные, увлекательные или пугающие идеи, образы, высказывания, не воспринимаемые обычным разумом, странные слова» и т.д. «Демоническое <…> базируется на том факте, что существуют бессознательные силы отрицания и разрушения и что зло реально.» Человек, который применяет такие силы чёрной магии, обычно и сам захвачен бессознательным содержанием. Здесь Юнг упоминает Гитлера как пример негативного спасителя или разрушителя. В сфере шаманских традиций известны опасные шаманы такого рода, каждый из которых является глубоко пугающим. Мирча Элиаде приводит множество примеров высокомерия шаманов, которое часто рассматривается как настоящий источник зла и, как полагают, объясняет текущее плачевное состояние шаманизма.[153] По моему мнению такое высокомерие также существует и в среде современных психоаналитиков, и те из них, кто этим отмечен, с моей точки зрения, представляют собой большую опасность нежели обладающие недостаточной профессиональной подготовкой. Я предполагаю, что нет никаких организационных или рациональных способов удержать таких людей от профессии аналитика. Можно только надеяться, что в целом клиенты будут инстинктивно их избегать.

Размышляя над представленными здесь тезисами, мы видим, что профессия аналитика предъявляет чрезвычайно высокие требования, требования, которым практически никто не может соответствовать полностью. Слава богу, что первобытные народы также были в курсе существования не только великих шаманов, но также и малых и минорных шаманы, которые, тем не менее, могли помогать людям. Величие или важность шамана зависит от того, как часто и насколько глубоко он проникает в бессознательное и как много страданий он испытывает в процессе этого. Поэтому, по моему мнению, безусловно необходимо не

---

[148] Friedrich and Budruss, «Schamanengeschichten», стр. 171.

[149] Там же, стр. 158.

[150] Там же, стр. 154.

[151] Там же, стр. 150, 147.

[152] Юнг, письмо к Horst Scharschuch, 1 September 1952, Letters, vol. 2, стр. 81-82.

[153] Элиаде, «Шаманизм», стр. 72.

становиться великим целителем, но скорее знать свои собственные ограничения. Может такое произойти — и это не редкость — что пациент перерастает тебя, другими словами продвигается дальше по пути внутреннего процесса нежели ты сам.

Инстинктивным стремлением аналитика в этом случае является попытка вернуть пациента обратно на свой собственный уровень сознания. Только когда он знает о своих собственных пределах, он может избежать этой опасности и не дискредитировать значимый и стимулирующий рост элемент у других людей при помощи «ничего кроме» стиля интерпретации. Когда аналитик сохраняет знание о своих собственных ограничениях, он даже иногда может помочь пациенту, который выше него, своей честностью, довольствуясь оказанием только той помощи, на которую он способен, и доверяя остальное пациенту. Он должен честно признаться пациенту в своих слабых местах и поменяться с ним ролями, прося у него понимания. В этот момент процесс перестаёт быть «лечением», а становится отношениями на равных условиях. Это также, безусловно, должно быть принято во внимание в финансовых соглашениях.

Особенной проблемой в профессии аналитика является творчество. Самыми лучшими аналитиками без всяких сомнений являются те, кто, помимо своей профессии, также вовлечены в какого-либо рода творческую активность. Не просто так в первобытных обществах среди своих людей шаманы также являются поэтами, художниками и т.п. Творческое и исцеляющее начала очень близки. «Устремляющийся вверх хаос», объясняет Юнг, «ищет новые символические идеи, которые будут включать в себя и выражать не только предыдущий порядок, но также и важнейшие содержания беспорядка. Такие идеи оказывали бы магический эффект путём удержания деструктивных сил беспорядка в зачарованном состоянии, как это было в случае христианства и всех других религий.»[154]

То, что Юнг выражает здесь в связи с общим коллективным уровнем, применимо и к более маленьким группам и отдельным людям. Во всех смыслах это остаётся вопросом обнаружения в наших собственных глубинах упорядочивающего влияния Самости и выражения его в символах, в искусстве, в поступках. Если аналитик в дополнение к своим консультациям не работает также и над этой задачей, он, как указывал Юнг, становится жертвой рутины и со временем превращается в очень унылого аналитика. Я заметила, что в эту трудную работу имеют тенденцию закрадываться горечь и определённое презрение по отношению к ближним. Такое ухудшение можно предотвратить только продолжением работы над своей собственной внутренней творческой задачей. И здесь недостаточно только однажды испытать чувство призвания; право практиковать эту профессию нужно заслуживать снова и снова.

Глава 10. О групповой психологии

В современной социологической литературе обычно проводится различие между: (1) *группой* , то есть объединением интеллектуально и на уровне чувств связанных друг с другом людей, в котором каждый выполняет определённую роль; (2) *толпой* , то есть случайным скоплением людей; и (3) *массой* , то есть большой толпой, которая эмоционально и инстинктивно объединена и обычно следует за лидером.

В соответствии с наиболее современными социологическими теориями хаотические массы и хорошо организованные группы изначально были ближе друг к другу, чем они есть сейчас. Это кажется мне недостаточно точным. Они не были ближе, они даже более ясно противопоставлялись друг другу, но, как правило, при этом легче перетекали из одного в другое; примитивные группы легко выходили из-под контроля, равно как группы молодых людей или ментально нестабильных индивидов, но при этом они более ригидны на примитивном уровне (табу!), и феномен хаотических масс у них имеет тенденцию быть

---

154 Юнг, Letters, vol. 2, стр. 81.

более диким и более истерическим. Даже на более высоком уровне развития ранних цивилизаций, например, в культуре самураев в Японии или в феодальных обществах средневековой Европы мы видим в действии сильную тенденцию к формальной жёсткости, потому что под ней скрываются эмоции и аффекты, которые всё ещё столь мощны, что они должны быть одомашнены силой. Однако чем более по-настоящему цивилизованным становится человек, тем более гибкими становятся всё большее количество его социальных правил поведения, и вместе чёрно-белых контрастов мы находим весь спектр поведенческих нюансов.

Густав Лебон и Зигмунд Фрейд предположили, что массы представляют собой исходную форму человеческих отношений (*Urhorde* — первобытная орда[155], но доказано, что это ошибочное мнение, так как даже в наиболее примитивных обществах, которые мы сегодня знаем, мы находим хорошо организованные социальные группы; кажется, что именно большие семьи и кланы по большей части формируют основу социального порядка, и поэтому социологи опрометчиво заключили, что интересы «мы» в основном возникают первыми, перед интересами «я».[156]*Эти теории не учитывают проблему бессознательного, ни на личностном, ни на коллективном уровне* , и поэтому страдают от ужасных и чрезмерных упрощений. Они игнорируют роль архетипов как паттернов ментального и эмоционального поведения и поэтому не замечают определённые факты, которые стоило бы рассмотреть более внимательно.

Вслед за Пьером Жане Юнг различает *partie superieure* и *partie inferieure* всех психологических функций включая архетипы. *Partie inferieure* архетипа — это паттерн инстинктивного поведения в зоологическом смысле этого слова; он обладает аспектом эмоционального побуждения и более принудительный (реакция всё или ничего). *Partie superieure* содержит больше возможностей сознательной внутренней реализации и является более гибким. Юнг сравнивал психику со спектром, на инфракрасном конце которого располагаются психосоматические поведенческие импульсы, а на ультрафиолетовом — символические реализации смысла или опыт идей фикс, коллективных норм, религиозных вдохновений и т.д. Группа с её социальным порядком должна быть помещена ближе к ультрафиолетовому концу, массы с их компульсивными эмоциональными реакциями — ближе к инфракрасному концу цветовой шкалы. В социологической литературе группа обычно рассматривается позитивно, а массы — негативно. Это кажется мне необоснованным, потому что часто в истории борьба нации, например, за свою свободу (демонстрирующая все эмоциональные характеристики феномена масс) в целом рассматривается как положительное явление (например, освобождение Швейцарии от Австрии). И наоборот, на разумных основаниях организованные группы, которые поддерживают определённую политическую идеологию, могут управлять нацией так негибко, что душат на корню всю эмоциональную жизнь с её очарованием и теплотой. Таким образом оба конца спектра могут быть позитивными или негативными в зависимости от различных точек зрения. Мне кажется, что срединная позиция между двумя полюсами представляет собой оптимальную ситуацию. Сдвиг в направлении инфракрасного конца (феномена масс) вызывает взрывы слишком больших эмоциональных и аффективных содержаний. Отступления к ультрафиолетовому концу приводят к идеологическому фанатизму и состоянию религиозной или политической одержимости. Свободы нет ни на одном из концов; только в срединной позиции, между этими противоположностями, есть определённое количество сознания, и с его помощью становится возможной индивидуальная свобода.

Другое чрезмерное упрощение в социологической литературе — утверждение, что

---

[155] Первобытная орда — фрейдовского название первой структуры человеческого общества (прим. пер.).

[156] См. Rayumund Battegay “Der Mensh in der Gruppe”, том 1 (Bern, 1967-72), стр. 10-16

«мы» исторически появилось раньше «я». Это кажется правдой только в части того, что коллективное сознание (групповое сознание с её правилами поведения) кажется исторически более старым, чем «эго сознание»; это не применимо к парам противоположностей «группа-индивид», так как индивидуальность не равносильна эго сознанию. Маленький ребёнок, например, или животное могут демонстрировать много индивидуальных черт до развития какого-либо стабильного эго сознания. Полярность группа-индивид существует уже в мире животных. Зоолог Адольф Портманн указывал, что в группах животных *творческие изменения поведенческих паттернов могут быть инициированы только отдельными особями* . Например, одна птица из стаи мигрирующих птиц решает остаться на зиму в том же месте. Если она погибает, то ничего более не происходит; если выживает, однако, ещё несколько птиц может остаться с ней на зимовку в следующем году, и таким образом мало-помалу вся группа иногда изменяет свои привычки.

Поэтому мы должны принять во внимание две пары противоположностей: (1) коллективное сознание («мы» или «нам») и эго сознание; и (2) группа (сознательное плюс бессознательное) и индивидуальное (сознательное плюс бессознательное). Современные социологи обычно оценивают коллективное сознание как более позитивное, нежели эго сознание, так как первое более «нормальное», а второе имеет тенденцию проявлять асоциальные «аутсайдерские» характеристики. Однако мы вынуждены признать, что это не всегда верно.[157] Как и в случае отдельного индивида, сознательная установка целой группы может отклоняться от своих инстинктивных корней и становится невротичной, а затем вступать в конфликт со здоровым эго индивидов. Я часто наблюдаю, как целая невротичная семейная группа воюет с единственным здоровым членом. В нацистской Германии преследовался каждый, кто пытался сохранить баланс. Поэтому мы должны задать вопрос: что такое норма? Когда коллективное «мы» более нормально, нежели эго-аусайдер, а когда нет? Здесь мы вступаем на зыбкую почву. Группы также могут демонстрировать типологическую односторонность. В определённых группах американцев интроверта автоматически отмечают как ненормального, тогда как на Дальнем Востоке я иногда видела, как поведение инициативного экстраверта было встречено с огромным подозрением. Если мы будем стоять голыми на одной ноге на Пятой Авеню, чтобы почтить Бога, мы закончим в психиатрической клинике, но сделав то же самое в Калькутте, мы будем почитаться как святые. Каковы безусловные критерии того, что является нормальным, а что нет? Является ли социальная адаптация единственной важной вещью? Что если общество становится невротичным? Является ли социальная адаптация всё ещё предпочтительной или же человек должен найти смелость сопротивляться ей в одиночку? Где он должен взять смелость? Современные социологические теории ещё не дали ответов на эти вопросы. Рассмотрение архетипов тоже ведёт к новым неотвеченным вопросам. Рэймунд Баттегэй (Raymund Battegay) наблюдал у своих пациентов, что его терапевтические группы высказывали желание иметь «свою собственную комнату», что схоже с тем, как животные привязаны к своей территории и как к территории привязаны племена и нации.[158] Эта территориальная привязанность проистекает из материнского архетипа, и можно наблюдать, как люди стремятся проецировать «мать» на свою группу, что часто ведёт к разного рода инфантильным регрессиям. Но это не единственная возможность: среди евреев, живущих в изгнании, Закон заменил собой территорию и доказал такую же эффективность в удержании группы вместе. В общинах, отрядах воинов и тому подобном людей объединяет скорее «дух» или «идея», то есть отцовский архетип. Такие аспекты также могут меняться в ходе истории.

---

157 Как указывал Clovis Sheperd в «Маленьких группах» (Chandler M. Francisco, 1967), слишком многие современные социологические теории «загрязнены» бессознательными эмоциональными предубеждениями их авторов.

158 Battegay, “Der Mensh”, том 1, стр. 32.

Ханс Марти (Hans Marti) показал, например, что Швейцарская Демократическая Конституция сначала базировалась более на патриархальном образе социального контракта с человеком, Отцовском Состоянии, но в наши дни всё больше меняется в сторону образа Матери Швейцарии, которая питает своих детей и владеет деревьями, озёрами и землёй, — а всё это материнские символы. Эти два примера отцовских образа, однако, всё ещё не единственные возможные центры, вокруг которых формируются люди. Есть также и много других.

Социология обнаружила, что все группы образуются вокруг некоторой разновидности центра, который определяется как нечто, сконцентрированное в групповую тему, цель или намерение группы. От этого центра зависит существование всех групп.[159] Центром может быть чисто рациональная цель, как в спорте, коммерции и политических группах, или же он может принадлежать к высшему порядку, вроде тотемов у примитивных племён или символов религиозных обществ,[160] где центр удовлетворяет «нуждам трансцендетного опыта». В группах психотерапии и терапевтических группах центр состоит в цели поддержания исцеляющих тенденций и тенденций более сознательного социального поведения и в цели взаимного воздействия друг на друга в процессе установления отношений.

И здесь снова пропущен один фактор: эффект архетипа. Некоторые группы, вроде коммерческих или спортивных групп или даже некоторых политических организаций имеют только сознательные рациональные цели, но как только в дело вступают некие скрытые или явные идеологические факторы, даже они становятся «эмоционально» связанными, и таким образом раскрывается тот факт, что они находятся под каким-то архетипическим влиянием. Чем больше эмоциональное влияние архетипа, тем больше становится «сцепленность» группы. Национал-социализм и коммунизм показывают это очень ясно: первый представляет собой возрождение вотанизма, а второй содержит искажённый миф о Спасителе.[161]

С большей «сцепленностью» всегда возникает и большая агрессивность по отношению к аутсайдерам и «неверующим». Такие политические группы больше всего становятся похожими на паттерны групп с максимальной связью: религиозные объединения вокруг трансцендентного центра. Как мы видим на примере так называемых мировых религий вроде христианства, буддизма и ислама, «трансцендентный центр» может удержать вместе гораздо большие сообщества, нежели группы только с рациональной или полу-рациональной целью. Причина этого может быть найдена в том факте, что *архетип Самости является более мощным архетипом, нежели любой другой* . Он проявляет себя в образах монотеистического Бога или концепциях изначального единства сущего (Дао) или даже более часто в образах космического человека (Антропоса) или Богочеловека или мандалы, как символа, объединяющего противоположности (например, китайский тайцзи).

До того, как с Индией не соприкоснулись греки, даже Будду никогда не представляли в человеческой форме, только лишь в форме каменного колеса с двенадцатью спицами. До определённой степени тотемы примитивных сообществ отражают предчувствия этих великих символов, которые стали международными объединяющими силами и часто перекрывали или поглощали предыдущие локальные политеистические образы. Они примирили их в символе «Единства — множественности», который объединяет парадоксальным образом множество архетипов и единство коллективного бессознательного внутри одной формы. Но эти символы Богочеловека и образы мандалы объединяют

---

159 См. Там же, стр. 32.

160 Поэтому нужно различать структурированные группы от сфокусированных групп (см. Sheperd, “Маленькие группы”, стр.3)

161 См. Юнг «Человек и его символы».

множество форм не только в этом отношении; они также объединяют множество постольку, поскольку Самость внутри каждого человека является как его собственной уникальной Самостью, так и Самостью всех людей в то же самое время. В индуизме этот парадокс выражается идентичностью индивидуального атмана-пуруши с космическим Атманом – Пурушей. То же самое верно и для «Будды» или, скорее» «Ума Будды» в дзен и других формах буддизма. В нашем полушарии коллективный аспект символа Самости представлен идеей «Христа внутри нас», и в снисхождении Духа Святого, и в идее, что множество верующих образует видимое Тело Христово, Церковь. Таким образом, до сих пор Христос был нашим «групповым динамическим центром», это факт, который отражён в аллокуции ранних христиан, называвших друг друга «братьями и сёстрами во Христе».

В ранней церкви психическая жизнь этого архетипического центра группы базировалась не только на сознательной традиции, он оставался живым вследствие внутреннего опыта отдельных людей, такого как обращение св. Павла или Блаженного Августина, видения мучеников и святых и случаи чудес среди простых людей. Однако в более поздней церкви всё больше и больше доминировала тенденция к «цензуре» такого опыта, и коллективные сознательные нормы стали подавлять внутреннюю жизнь. Это привело к появлению разного рода движений, которые стали образовываться вокруг новых групповых центров.

Сейчас мы можем описать нашу ситуацию следующим образом: наиболее глобальными группами являются христианство с его символом Богочеловека, Христа; буддизм — с символом универсального Ума Будды; индуизм, ислам и марксизм. Официальный образ Христа страдает от отсутствия женского принципа, зла и материи, а Ум Будды — от отсутствия реальной земной жизни человека. Обе системы отвергают созидающую символы активность бессознательного у людей, которая проявляет себя во снах. В христианстве сны рассматриваются как опасно мистические и еретические, в буддизме — как принадлежащие миру иллюзий. У марксизма также есть символ идеального человека или Антропоса, но он кажется спроецированным не на одного человека, а на целый класс. (Тенденция проецировать его на отдельного человека выливается в запрещённый культ личности.) Согласно Карлу Марксу, трудящийся класс представляет собой настоящего человека, который единственный находится в гармонии с природой, альтруистичен, креативен и не подвержен невротической дегенерации.[162] Что ошибочного в этом символе марксистского Антропоса, так этот тот факт, что в нём есть только земной материал и только коллективное, даже коллективность сама по себе, и нет открытости в направлении любого индивидуального трансцендентного личного опыта. Маоизм всё ещё является загадкой для нас, потому что, как указывал Юнг, то, как марксизм будет ассимилирован высокоразвитым китайским умом, пока ещё невозможно предсказать.

Упадок великих интернациональных религиозных центрирующих систем и неудовлетворительная односторонность компенсаторного марксистского Антропоса привели современного человека к глубокой внутренней изоляции и одиночеству и пробудили у него большую нужду в социальных контактах. Это, без сомнения, вызвало новый вид групповых практик и экспериментов самых разных форм. Уже в 1923 году Юнг на своём семинаре в Корнуэлле предсказал, что если христианская система продолжит разлагаться, произойдёт регрессия в направлении тотемистских групп. Некоторые из них могли бы походить на митраистские культы с исключительно оскорбительным поведением. У других мог бы быть кроткий характер, и они могли бы играть роль невинных жертв. Мы сейчас видим, как это реализуется в террористических бандах и в «невинных» проповедниках мира.

Осознавая необходимость современного человека избавиться от его урбанистической изоляции, христианство с одной стороны и движения левого толка с другой пытаются оседлать волну и предлагают групповые эксперименты всех сортов. Это, однако, *попытка*

---

[162] См. Robert Tucker, “Philosophy and Myth in Karl Marx” (Cambridge: Cambridge University Press, 1963).

принять причины за следствие, и она может привести только к катастрофе, потому что предотвращает единственное внутреннее спасительное событие: опыт личного контакта с Самостью . Такой опыт может быть приобретён только в одиночестве, так, как писал Юнг: «Пациент должен находиться в одиночестве, если он намеревается выяснить, что поддерживает его тогда, когда он сам более неспособен поддерживать себя. Только такой опыт может дать ему неразрушимое основание.»[163]

Ответственный аналитик «в первую очередь несёт ответственность перед индивидом, и только во вторую — перед обществом. Если же он предпочитает борьбу за улучшение общества лечению людей, это является подтверждением того факта, что воздействие общества или коллектива, как правило, порождает только массовое опьянение, и что только воздействие одного человека на другого может привести к настоящей трансформации.»[164]

Прежде всего человеку кажется большим облегчением чувствовать себя под защитой группы и отделённым от самого себя. Поэтому в группе ощущение безопасности повышено, *а чувство ответственности понижено* . Также чрезвычайно повышается внушаемость, что включает, однако, потерю свободы, потому что человек подпадает под действие добрых или злых влияний окружения. Даже в маленьких группах преобладает суггестивный групповой дух. Если он хороший, то это может иметь позитивные социальные последствия, что, однако, оплачивается снижением ментальной и этической независимости человека. Так как группа усиливает эго, человек становится более храбрым, или даже дерзким, но Самость при этом отодвигается на задний план. Вот почему слабые и неуверенные в себе люди хотят принадлежать к большим организациям. В этом случае человек ощущает себя большим, но теряет Самость (дьявол получает его душу) и собственные индивидуальные суждения. Переход на более низкий уровень обычно компенсируется тем фактом, что человек идентифицирует себя с групповым духом и пытается стать лидером. Вот почему в группах всегда идёт борьба за власть и престиж. Эти баталии основываются на повышенном эгоизме коллективного человека.[165]

В письме, в котором он затрагивает эту тему, Юнг добавляет, что у него нет возражений против групповой терапии, скорее против христианской науки или оксфордского движения[166] они формулируют правила и обучают социальному поведению индивидуумов, что иногда не самым подходящим образом проявляется в личном анализе. Однако так как человек всегда склонен привязываться к другим людям или к каким-либо «-измам» вместо поиска независимой силы в себе, возникает опасность, что человек «сделает» из группы отца или мать и останется инфантильным и неуверенным в себе как и прежде. Если общество состоит из ценных членов, то адаптация к нему может стоить затраченных усилий, однако обычно оно управляется слабыми и глупыми людьми, и таким образом подавляются все более высокие индивидуальные ценности. Даже если социально позитивные эффекты достигнуты на данный момент, за них придётся платить позднее и тогда уже очень дорого.[167]

Если мы обдумаем эти размышления Юнга, то должны спросить: находится ли наше общество на том уровне, на котором человек мог бы желать адаптироваться к нему? Или же

---

[163] Юнг «Психология и алхимия».

[164] Юнг «Mysterium Coniunctionis».

[165] Юнг, письмо к Хансу Иллингу, 26 января 1955 г.

[166] Оксфордское движение — движение среди англикан Высокой Церкви в Церкви Англии, которое постепенно развилось в англо-католицизм (прим. пер.).

[167] Там же.

скорее мы живём в эпоху, когда особенно важно, чтобы независимые индивиды могли сопротивляться глупости и общим невротическим тенденциям наших сообществ?

Было выдвинуто мнение, что если человек находится в личном анализе, то параллельная групповая терапия может дополнить его. Однако я сама наблюдала, и это было подтверждено мне другими, что участие в групповой терапии гораздо чаще оказывает негативное воздействие на личный анализ, нежели помогает ему, потому что она вызывает к жизни проблемы *в неправильный момент* , тогда как в личном анализе бессознательное может «управлять временем» своего проявления. И у всех людей, которые уже чрезмерно социально адаптированы (что часто происходит, например, со священниками, менеджерами и социальными работниками), сны открыто показывают, что групповая терапия для них неприятна. Будучи принуждённым к участию в групповой терапии, один из моих анализандов увидел сон, что он вынужден выставить свою девушку обнажённой перед грязным старым вуайеристом. Позднее ему приснилось, что воды его бессознательного загрязнены другими; наконец, когда он покинул группу, он увидел во сне, как сумел выпутаться из дешёвого балагана! С учётом этих фактов *групповая терапия никогда не должна быть обязательной* . Изучение социальной адаптации для тех, кто по какой-либо причине упустил её, может достаточно успешно практиковаться при участии в свободно образованных (не аналитических) социальных группах, таких, какие существуют долгое время в клубах в большинстве стран. Таким образом, тот, кто поддерживает принудительную групповую терапию, отклоняется от базовых ценностей юнгианской психологии.

Теперь мы должны спросить, кто же эти аналитики, проводящие групповые сеансы? Они часто находят свою мотивацию в том, что так они могут заработать больше денег, прикладывая меньше усилий, как один из них открыто признался мне. Другая мотивация состоит в том, что некоторые аналитики не в состоянии справиться со необузданным и требовательным переносом своих пациентов. В целом признаётся, что явления переноса ослаблены в случае групп, что позволяет уменьшить давление переноса. Однако Юнг продемонстрировал, что перенос является двигателем процесса индивидуации и, наряду с этим, всего процесса трансформации человека.

Процесс индивидуации, базирующийся на переносе, является тем, без чего нельзя обойтись в случае *настоящего* социального поведения, так как если индивидуация не осуществляется сознательно, то «она имеет место внезапно, в негативной форме, например, в форме *ожесточения* против ближних». Сознательное достижение внутреннего единства требует человеческих отношений как неотъемлемого условия, так как без сознательного признания и принятия нашего единства с людьми вокруг нас не может быть синтеза личности. «Таково ядро каждого феномена переноса, и с этим невозможно спорить, ибо отношение к Самости одновременно — и отношение к ближнему, а никто не способен вступить в отношения с ближним, не вступив сначала в отношения с самим собой».[168] Уменьшающий эффект групповой терапии в отношении переноса очевидным образом вреден. Он только помогает аналитику избежать проблем, которые у него может вызвать любой мощный перенос.

Но есть и другие мотивы, говоря о которых мы должны обратиться к истории психотерапии. Корни как священства, так и психотерапии лежат в известном у примитивных народов явлении шаманизма и существовании шаманов. Шаман *преимущественно заботится о судьбе души человека* , её подготовке к смерти, её защите после смерти и её защите от состояния одержимости духами и демонами — то есть архетипическими силами. Он может делать всё это, потому что в процессе своей собственной инициации он страдал от такой же одержимости и нашёл пути исцеления себя.[169] Опыт инициации таких шаманов

---

[168] Юнг «Психология переноса».

[169] См. Мирча Элиаде «Шаманизм».

соответствует тому, что мы теперь называем процессом индивидуации.

После завершения этого процесса шаман приобретает естественный авторитет в своём племени, так как представляет собой наиболее индивидуированного и сознательного человека. Но даже на этой ранней стадии мы также находим и тень шамана, невротического (или даже психотичного) чёрного мага. Последний притязает на коллективный авторитет в связи со своим опытом общения с миром духов (то есть коллективным бессознательным); поступая так он доказывает, что болен. (Более современные примеры — Распутин и Гитлер.) *Индивидуация абсолютно несовместима с любыми притязаниями на власть в коллективе* , даже если это замаскировано позицией благонамеренного, либерального, скромного и умеренного лидера! Так что только Самость может дать нам тот естественный авторитет, которого не может требовать эго. Во времена первых христиан лидерами были люди с таким естественным авторитетом, который они приобрели вследствие своего собственного внутреннего опыта и своего опыта христианской жизни. С формированием церкви как внешней коллективной организации, лидерами всё больше и больше становились люди, которые притязали на власть и авторитет и налагали коллективные сознательные правила на спонтанную внутреннюю религиозную жизнь людей. Конфессии, как указывал Юнг, начали таким образом то, что он называл «игрой пастуха и овец».[170] Стадо покорных овец даже стало символом доверчивой толпы.[171] Но слепое доверие таких масс также легко может быть использовано для ложной цели, как и для истинной. Поэтому мы видим, что коммунизм сейчас более широко распространён в католических странах, нежели в протестантских, так как у церкви до этого было там большое влияние. Противовесом в прошлом выступает поиск алхимиками Христа или Меркурия, как символа «истинного человека» внутри. Юнг говорит:

«Истинный человек» выражает Антропоса в индивидуальном человеческом существе. По сравнению с проявлением Сына Человеческого в Христе это кажется шагом назад, потому что историческая уникальность Воплощения была тем самым великим шагом вперёд, в результате которого рассеявшиеся овцы собрались вокруг одного пастыря. Некоторые опасаются, что «Человек» в индивиде должен означать разгон отары. Это должно действительно являться шагом назад, но вину за него нельзя возлагать на «истинного человека»; причина кроется, скорее, в тех отрицательных человеческих качествах, которые всегда угрожали цивилизации и препятствовали её развитию. <…> «Истинный человек»[172] не имеет с этим ничего общего. Прежде всего, он не станет уничтожать никаких ценных культурных форм, поскольку он сам является высшей формой культуры. Ни на Западе, ни на Востоке он не играет в игру «пастух и овцы», поскольку у него достаточно дел, чтобы быть пастырем самому себе.[173]

Глава 11. Наркотики с точки зрения К. Г. Юнга

Множество наркотиков, которые захватили сегодня мир, были ещё не так широко распространены на момент смерти Юнга. Поэтому Юнг был всего лишь поверхностно знаком с эффектами мескалина (в частности, по описанию Олдоса Хаксли) и только знал, что такие фармацевтические препараты начали привлекать внимание в психотерапии.[174] В

---

[170] Юнг «Mysterium Coniunctionis».

[171] Там же.

[172] Юнг имеет в виду Антропоса или Самость. «Алхимический Антропос доказал свою независимость от любой догмы».

[173] Там же.

[174] Aniela Jaffe, *The Myth of Meaning* .

письме, датированном апрелем 1954 года, он признавал, что недостаточно знаком с психотерапевтическим значением таких препаратов для невротических и психотических пациентов, чтобы быть способным вынести исчерпывающее суждение.[175] С другой стороны, он был глубоко озабочен нашей современной тенденцией использовать такие открытия из праздного любопытства, без признания растущей моральной ответственности, которую мы берём на себя:

Это на самом деле ошибка нашей эпохи. Мы думаем, что достаточно открывать новые вещи, но мы не осознаём, что большее знание требует соответствующего развития нравственных принципов. Радиоактивные облака над Японией, Калькуттой и Саскачеваном указывают на прогрессирующее заражение глобальной атмосферы. <…>

Я абсолютно недоверчив в отношении «настоящих даров Богов». Вы дорого платите за них. Бойтесь данайцев, дары приносящих.[176]

Наркотики (гашиш, мескалин, ЛСД, опиум, героин), говоря в общем, вызывают расстройство восприятия, другими словами, нарушение сознательного синтеза и перцепции гештальта (в терминах гештальт-психологии), и, таким образом, служат причиной появления нормальных перцептивных вариантов — бесчисленных оттенков форм, значений и смыслов, которые обычно остаются сублиминальными. Главным образом это означает обогащение сознания. Мы входим в контакт со «сферой, где делается краска, расцвечивающая мир, где создаётся свет, который делает великолепным блеск рассвета, линиями и формами всех фигур, звуками, которые пронизывают вселенную, мыслью, которая освещает тьму пустоты.»[177] Это опыт коллективного бессознательного. Если бы этот опыт был даром Божьим без какой-либо скрытой червоточины, тогда это бы означало огромное обогащение, расширение сознания, которыми мы, естественно, очарованы. Но именно это расширение и обогащение сознания делают интеграцию и моральную оценку того, что мы видим или слышим в данном состоянии, невозможным. Поэтому Юнг говорит:

Если вы слишком бессознательны, большим облегчением является узнать хоть немного о коллективном бессознательном. Но вскоре возникает опасность узнать больше, потому что человек не учится в то же самое время тому, как сбалансировать узнанное при помощи сознательного эквивалента. <…>

Возможно, есть несчастные жалкие существа, для которых мескалин был бы ниспослан небом без ядовитой примеси вреда.[178]

Мир коллективного бессознательного, который первым и без наркотиков обнаружил Юнг, в самой своей сути, как примордиальное творческое основание в каждом человеке, является чем-то живым, что не позволит себе быть порабощённым без адекватной ответной реакции. По этой причине меня долгое время занимал вопрос о том, как само бессознательное реагирует на приём наркотиков. Что сны зависимых людей говорят нам об этой проблеме? Молодой человек, например, который занимался контрабандой героина и часто также принимал ЛСД, увидел следующий сон:

Я нахожусь на Таити, на залитом солнцем пляже. Я построил себе небольшую соломенную хижину под пальмами и живу за счёт рыбалки в море. Всё вокруг волшебно красиво. Внезапно приходит огромная штормовая волна и смывает всё в море. Меня засасывает под воду, и я вижу себя в глубинах моря, стоящим перед большим письменным

---

[175] Ibid.

[176] Ibid.

[177] Ibid.

[178] Ibid.

столом, за которым восседает «Властелин Моря». Он представляет собой гигантский португальский кораблик[179] который зло смотрит на меня, и меня осеняет, что это именно он наслал на меня шторм. «Да», — говорит он, «я зол на тебя и собираюсь полностью тебя уничтожить.» После этого я просыпаюсь в шоке.

Магическая, первобытная земля невинности на фоне райской красоты природы, с её счастливой жизнью, лишённой обязанностей, — вот то, чего на самом деле ищет употребляющий наркотики. Он там один, без социальных или эмоциональных человеческих обязательств. Ранее в нашей культуре такими были военные дезертиры, которые на самом деле совершали побег в подобные страны. Тем не менее, «Властелин Моря» находится из-за этого в ярости. Большая, круглая медуза является тем, что Юнг описал как мандалу, символ Самости, другими словами, высший регулирующий трансперсональный внутрипсихический центр. И этот божественный проводник души зол на сновидца и хочет уничтожить его. Таким образом, бессознательное негативно реагирует на безответственное проникновение в его сферу. И действительно, вскоре после этого сновидец обанкротился (буквально пошёл ко дну) и погиб.

В другом случае можно было наблюдать немного иную картину. Молодой человек, у которого была ужасающая ситуация в семье, регулярно принимал ЛСД. Он был, вероятно, одним из тех «жалких созданий», упомянутых Юнгом, которым наркотики не наносили вреда. В любом случае у него всегда были «хорошие трипы» без очевидных неблагоприятных последствий. Но так как это всё равно не решило его проблему, он обратился к анализу, который постепенно и ответственно направил его к миру по ту сторону. В этот момент он решил снова принять ЛСД. У него не только случился «плохой трип» с похожим на психоз тревожным состоянием, но и после этого трипа у него началось нервное подёргивание головы, которое сохранилось в течение нескольких месяцев и ужасно его пугало. Очевидно наркотические трипы теперь каким-то образом стали нелегитимными, теперь, когда он знал о лучшем способе обращения к бессознательному. И бессознательное само отпугнуло его, что привело к благоприятным последствиям. Он никогда больше не принимал ЛСД, он удовлетворительным образом внутренне развивался и стал жить своей жизнью.

В следующем случае снова возникает новая картина. Обсуждаемый человек — молодая женщина, высоко одарённая художественно, но со значительными психическими ограничениями, вызванными укоренёнными традиционными взглядами. Однажды из любопытства она приняла ЛСД. После этого ей приснилось, что у неё был прелестный трип, но теперь ей надо принять другой подход. Она увидела своего аналитика, стоящего перед ней в игривой шутовской шляпе. Бессознательное очевидно говорило ей, что ей нужно больше креативного «дурачества» и что она должна достичь этого при помощи анализа (по этой причине в её сне именно у аналитика был шутовской колпак), а не только с использованием наркотиков. Наркотики несомненно открыли перед ней сферу безусловного опыта, однако теперь этому нужно сознательно и морально последовать.

Врач, который принял ЛСД ради эксперимента и который впоследствии много размышлял над своим опытом, так как был поражён странными изменениями личности в период интоксикации, увидел следующий сон:

Я стою на красивой широкой равнине. Надо мной в небе я вижу облака странной, фантастической формы. Передо мной находится круглый, очень глубокий колодец. Я смотрю вниз и вижу те же фантастические облачные структуры в воде. Затем я осознаю, что это мой долг и, следовательно, вопрос жизни и смерти, добыть ведро и набрать этих облачных структур, которые абсолютно реальны, из скважины. Я просыпаюсь в поисках ведра.

До сих пор человечество всегда проецировало свои внутренние психические

---

[179] Португальский кораблик (сифонофора физалия) — колония беспозвоночных морских организмов, близкий родственник медуз. Своё название получил за яркий разноцветный плавательный пузырь, напоминающий парус средневекового португальского корабля (прим. пер.).

содержания на небо как «знаки свыше». Однако теперь сновидец уловил подобные знаки в глубинах своей собственной психики. Содержания оказываются более не только размышлениями, как можно было бы подумать, но у них есть своя собственная реальность. Нужно извлечь их из скважины и творчески работать с ними, в противном случае они очевидно станут опасными в некотором роде. Вряд ли можно передать, что здесь поставлено на карту, лучше, чем делает этот сон. В том же самом процитированном выше письме Юнг пишет:

Я только знаю, что нет никакого смысла в желании узнать о коллективном бессознательном больше, чем человек получает из своих снов и интуиции. Чем больше вы узнаёте об этом, тем больше и тяжелее становится ваше моральное бремя, так как бессознательные содержания трансформируются в ваши собственные задачи и обязанности сразу же, как только становятся осознанными. Хотите ли вы увеличить своё одиночество и непонимание окружающих? Хотите ли вы обнаружить всё больше и больше сложностей и увеличивающихся обязанностей? У вас и так их достаточно. Если однажды я смогу сказать, что я сделал всё то, что, как я знаю, я должен сделать, то тогда, возможно, я должен реализовать законную необходимость в принятии мескалина. Но если я должен принять его сейчас, то я не был бы уверен в том, что я не принял его из чистого любопытства. <…> Дело тут вовсе не в том, чтобы знать всё о бессознательном или понимать его, и история здесь не заканчивается; напротив, это то, как и где вы начинаете понимать реальный путь.[180]

Таким образом врач, о котором идёт речь, теперь должен учиться сознательно тому, как освободить себя от семейной обусловленности и как творчески развить содержания психических глубин при помощи упорного труда. «Трип» показал ему цель, однако же сон настаивал на её достижении при помощи творческого процесса.

Наконец, вот такой сон принадлежит употребляющему тяжёлые наркотики молодому человеку:

Я один на лодке в море. Солнце светит ярко, и поверхность моря полностью покрыта великолепными цветами, распространяющими вокруг себя ошеломляющий аромат. Я погружаю мою руку в воду, и когда я снова вытаскиваю её, в определённой точке она застревает под водой, она исчезает! Вода поглотила её, и теперь она представляет собой не более чем обрубок! Когда я в ужасе смотрел на неё, моя лодка перевернулась, и я проснулся с криком страха.

Сновидец вышел в море — в коллективное бессознательное. Великолепные цветы символизируют красоту и сладость опыта наркотиков. «Морфий даёт мне такие сладкие сны», — часто любил повторять он. Но — и это то, что сон показал ему, — за этим таится смертельный распад, аннигиляция личности и жизни!

Нельзя сказать яснее, чем это сделало бессознательное здесь, что именно означает использование морфия. В конце концов этот сон — не реакция моралиста, а скорее послание трансперсональной основы психики.

В наши дни признано, что опыт наркотиков является заменой дионисийского опыта Божественного. Христианский образ Бога утратил свою эффективность для множества людей, и таким образом объективная психическая сила или энергия, которая раньше тратилась на него, оказалась свободной. «Бога» больше не найти снаружи. Нашим научным интеллектом мы лишили внешний мир его души. Юнг, однако, подчёркивал, что у этого есть определённые психологические последствия:

Материалистически заблуждения были поначалу неизбежными. Коли трон Господень не удаётся найти среди галактик, то Бог никогда не существовал — таким был вывод. Второй неизбежной ошибкой был психологизм: если Бог и представляет собой нечто, то он должен быть иллюзией, возникающей из неких мотивов, например, из воли к власти или

[180] Jaffe, *The Myth of Meaning.*

вытесненной сексуальности.[181]

Вследствие этого человек, для которого «Бог умер», как правило сразу же падёт жертвой инфляции, другими словами, он оказывается в раздутом диссоциированном состоянии, в котором ощущает себя «новым Богом», что показал нам пример Ницше.[182] Или же он будет захвачен каким-то желанием или жаждой, тем, что будет проявлять тот же уровень интенсивности, какой до этого был у образа Бога.

Здесь следует отметить, что одурманивающие вещества — не единственная опасная зависимость в наше время. Другая опасная форма зависимости — идеологическая одержимость, которая может сделать человека таким же «пьяным», самодовольным и диссоциированным, как и наркотики, и, кроме того, которая вводит его в заблуждение в желании навязать свои идеи обществу через силу. Энергия, которая до этого вкладывалась в идею Бога, вливается в идеологическую, политическую или социальную доктрину, в которую затем фанатично верят. К этой форме одурманивания, как правило, обращается экстраверт, тогда как интроверт предпочитает гнаться за внутренними образами с помощью наркотиков. Опасность в обоих случаях заключается в отсутствии духовной свободны личности, которая захвачена превосходящими бессознательными фантазиями. Юнг говорит:

Самый сильный и, следовательно, решающий фактор в любой индивидуальной психике требует той же веры или страха, подчинения или преданности, которых и Бог мог бы потребовать от человека. Всё деспотичное и неизбежное является в этом смысле «Богом», и оно становится абсолютным, если только, в связи со свободно принятым этическим решением, человек не преуспеет в выстраивании против этого естественного феномена позиции, в равной мере сильной и непреодолимой.[183]

Это противопоставление будет соответствовать свободному выбору при помощи морального решения в пользу духовного Бога, который опытным путём воспринимается внутри собственной психики. «Человек волен решать, должен ли «Бог» быть «духом» или же естественным феноменом, наподобие тяги морфинистов, и, следовательно, действует ли «Бог» как благотворная или как разрушительная сила.»[184] Этот Бог, в конечном счёте, будет тем неизвестным, что Юнг назвал Самостью. Служение ему не приводит к эгоцентризму, но напротив, это самоограничение, при помощи которого можно избежать инфляции и диссоциации. Служение Самости — это долгий, тяжёлый труд на самого себя, но тот, который вознаграждается, по достижению внутреннего богатства психики, проявляющей себя в нём, и это единственная одержимость в нашем нестабильном мире, которая не может быть отнята у нас.

Человечество часто приходило к новому пониманию через ошибки. Мне кажется абсолютно понятным и более чем простительным, если много людей в молодом поколении не способны выносить интеллектуальную пустоту и бездушие нашей технической «не-культуры» и поэтому прибегают к наркотикам. Однако затем для каждого из них наступает час истины, когда он должен решить, хочет ли он навсегда застрять в этой бессмысленности или же преодолеть её как будто врата и двинуться дальше к великому делу объективного самопознания.

6. Для Зигмунда Фрейда, как это хорошо известно, это всего лишь «архаически остатки».

---

[181] К. Г. Юнг, «Психология и религия».

[182] Ibid.

[183] Ibid.

[184] Ibid.